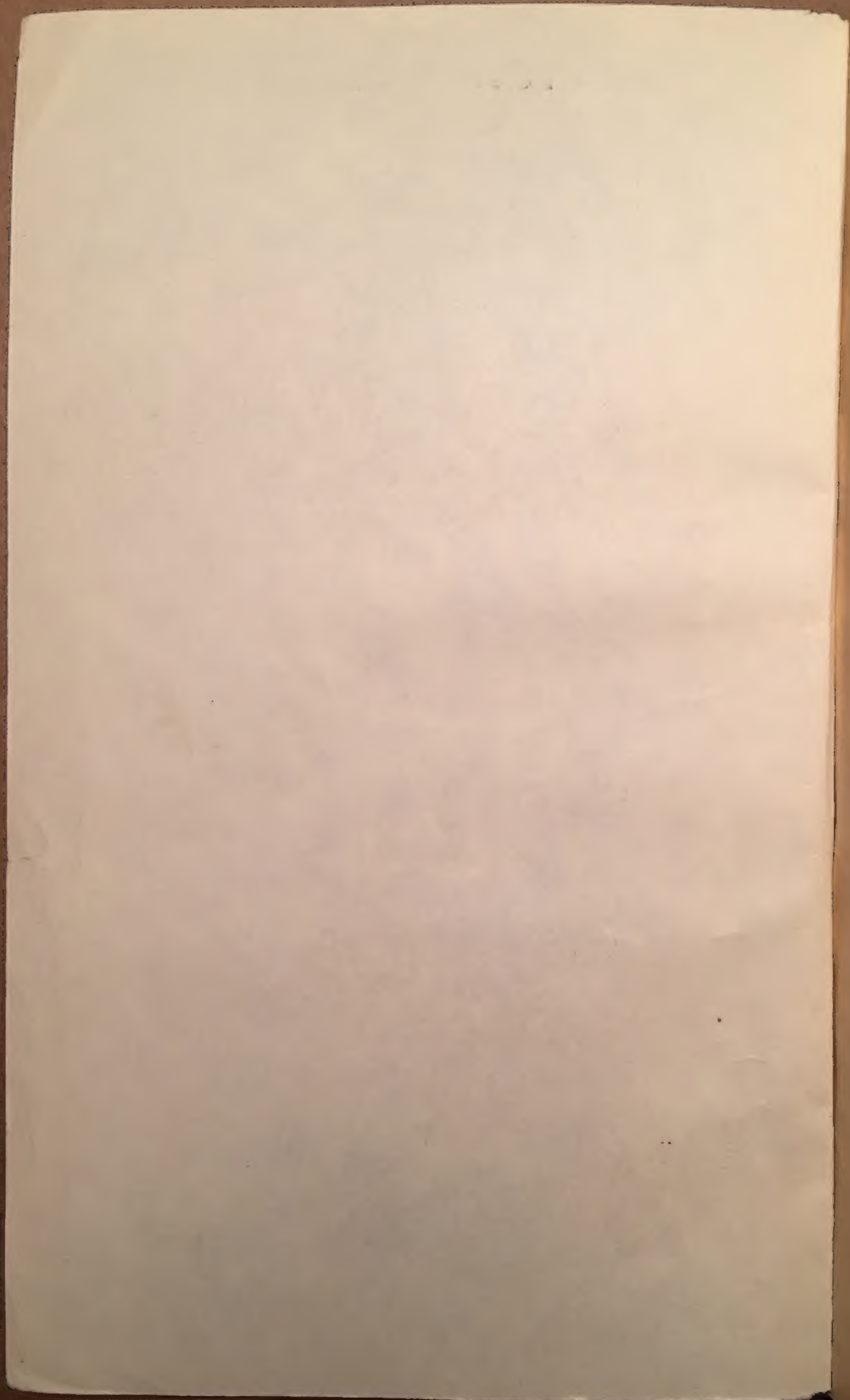

М. СТЕПАНОВ

洗
脑

„СИНАО“

„ПРОМЫВАНИЕ
МОЗГОВ“

М.
«ПРОМ
МО
Л

«МО

М. СТЕПАНОВ

洗

腦

СИНАО

„ПРОМЫВАНИЕ
МОЗГОВ“

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»
1977

ЗКМ
С79

С 70302—264
078(02)—77 039—76

© Издательство «Молодая гвардия», 1977 г.

На китайской
языке. Китайская
русскому языку. Я
уважением в самы
Есть чем горди
народу.

Ученые дорево
познакомить свою
туры. Еще больш
делается для этог
Книги китайских
художников, уни
четные места на

В первой стра
ценить культурн
которые выработ

Советские лю
довому народу
делали все от не
воспользоваться

В 20-х годах
роду создавать

В 30-х годах
народу отразить

В 40-х годах
тунскую армию
двинув вперед

Есть на кит
советскому че
интернационал
ние китайского

С огромным
победе револю
братьям. Вспом
этим мы выш
человечество?

ние. Мы выс
у нас была ка
шие рабочие р
лись всем. Пот
теоретическим

СОДЕРЖАНИЕ

Слово к читателю	3
Строки из Дэн То (Вместо предисловия) . . .	7
Глава I. МЕРТВЫЕ ХВАТАЮТ ЖИВЫХ	
Причастие Мао Цзэ-дуна	12
В угаре шовинизма	14
Баоцзя, баоцзя...	16
Лицом к прошлому	19
Глава II. СИЛКИ, ЛОВУШКИ, КАПКАНЫ...	
И вместе...	25
...И по отдельности	29
«Теоретики» — юные и дряхлые	31
«Социалистические» дворы	35
«Как все»	36
Глава III. УКРАДЕННАЯ ЮНОСТЬ	
С первых шагов	45
Фанатизм плюс жестокость	49
«Лишние» люди	54
Почему их ссылают?	58
Приметы прозрения	60
Глава IV. НОВОЯВЛЕННЫЙ «СЫН НЕБА»	
«...Равны нулю»	66
Источник бед	69
Мао и научная теория	73
Миф о всемогущем	75
При активном личном участии	76
Глава V. «ВЕЧНЫЙ ДВИГАТЕЛЬ»	
Их механизм и цели	81
Цена кампаний	83
«И-чжан-и-чи»	89
«Митинги борьбы»	91
Система «информации»	93
«Самоанализ»	94
С ног на голову	95
По стопам Чан Кай-ши	97
Антимир	102
Глава VI. ОБОЮДООСТРОЕ ОРУЖИЕ	
Дацзыбао обманывают и подстрекают . .	111
Дацзыбао разоблачают и обвиняют . .	114
Глава VII. СОЧИНЯЙ И ПОЙ...	
Творчество под конвоем	118
Профессионалы под подозрением	124
Критическая дубинка	126
Злоключения песни	127
А мысль жила!	129
Эликсир бессмертия	130
Закключение	136

СЛОВО К ЧИТАТЕЛЮ

На китайской земле возник один из древнейших очагов цивилизации. Китайская культура — неоценимый вклад в пантеон человеческих знаний. Яркая и самобытная, она пользуется заслуженным уважением в самых разных странах мира.

Есть чем гордиться талантливому и трудолюбивому китайскому народу.

Ученые дореволюционной России немало сделали для того, чтобы познакомить свою страну с лучшими достижениями китайской культуры. Еще больше и на современном научном уровне сделано и делается для этого в нашей стране после Октябрьской революции. Книги китайских мыслителей, писателей, поэтов, картины китайских художников, уникальные изделия китайских мастеров занимают почетные места на полках наших библиотек, в залах наших музеев.

В первой стране победившего социализма умеют по достоинству ценить культурные достижения других народов, все те богатства, которые выработало человечество.

Советские люди всегда питали чувство глубокой дружбы к трудовому народу Китая. Они всегда желали ему свободы и счастья, делали все от них зависящее, чтобы китайский народ мог быстрее воспользоваться этими великими благами.

В 20-х годах наши военные советники помогали китайскому народу создавать революционную армию, передавали ей свой опыт.

В 30-х годах советские воины-добровольцы помогали китайскому народу отразить агрессию японских империалистов.

В 40-х годах Советская Армия разгромила миллионную Квантунскую армию японских захватчиков, тем самым значительно продвинув вперед дело китайской революции.

Есть на китайской земле памятники, особенно дорогие каждому советскому человеку. Они воздвигнуты в честь советских воинов-интернационалистов, отдавших свои жизни в борьбе за освобождение китайского народа.

С огромным энтузиазмом восприняли советские люди весть о победе революции в Китае. Наши сердца были открыты китайским братьям. Вспомним: нам самим тогда было нелегко. Давно ли перед этим мы вышли из самой разрушительной войны, которую знает человечество? Войны, которая огненным смерчем прошла по нашей земле. Мы выстояли. Мы победили. Но тогда, в конце 40-х, на счету у нас была каждая тонна металла, каждый знающий человек, каждые рабочие руки... И все-таки с народным Китаем мы щедро делились всем. Потому что мы — интернационалисты. Потому что интернационализм для нас — глубокий нравственный принцип. Потому

что так мы понимаем свой человеческий, свой коммунистический долг.

И мы радовались первым успехам китайского народа в строительстве новой жизни, как своим собственным.

В первые годы существования КНР, когда в стране проводилась политика, в основном соответствовавшая принципам социализма, китайская экономика успешно развивалась, а жизнь трудящихся заметно улучшалась.

В конце 50-х годов Мао Цзэ-дун и его окружение навязали стране националистический, великодержавный курс. В жертву этому курсу были принесены и планомерное развитие экономики, и подъем жизненного уровня народа, и решение многих других жгучих социальных проблем. Нужно ли говорить, что такая политика в корне противоречила интересам китайского народа?!

КНР вступила в полосу маоцзедуновских авантюр, в полосу испытаний и тяжких бед.

С каждым годом в маоцзедуновской политике все более отчетливо обозначалась резкая антисоветская и антикоммунистическая направленность.

Нагнетавшаяся в КНР антисоветская истерия достигла наиболее высокого накала в последние годы жизни Мао Цзэ-дуна. Пропаганда обрушивала на нашу страну потоки лжи и клеветы, разжигала ненависть к первому в мире социалистическому государству. Маоцзедуновская пропаганда буквально из кожи вон лезла, чтобы вытравить из памяти народа тот факт, что Советское государство самим своим существованием сделало возможной победу китайской революции.

В то время политика СССР в отношении Китая была четко сформулирована в следующих словах Отчетного доклада XXV съезду КПСС, с которым выступил товарищ Л. И. Брежнев:

«Теперь уже мало сказать, что маоистская идеология и политика несовместимы с марксистско-ленинским учением. Они прямо враждебны ему... Мы будем и впредь вести борьбу с маоизмом, борьбу принципиальную, борьбу непримиримую. ...Если в Пекине возвратятся к политике, действительно основанной на марксизме-ленинизме, откажутся от враждебного социалистическим странам курса, станут на путь сотрудничества и солидарности с миром социализма, то это найдет соответствующий отклик с нашей стороны и откроется возможность для развития добрых отношений между СССР и КНР, отвечающих принципам социалистического интернационализма. Дело за китайской стороной» *.

* Материалы XXV съезда КПСС. М., Политиздат, 1976, с. 11.

Сегодня наследники власти Мао Цзэ-дуна клянутся, что они будут «неуклонно идти по пути, указанному председателем Мао».

Можно спорить о том, как различные представители китайского руководства понимают «идеи Мао Цзэ-дуна», о том, насколько последовательно и неукоснительно будут они проводиться в жизнь в области внутренней политики. Все эти вопросы носят достаточно спорный характер. Ибо обстановка в Китае сложна. Она, как показывает опыт последних лет, всегда таит в себе фактор неожиданности. Но сегодня бесспорно одно. В Китае придерживаются великодержавного внешнеполитического курса, продолжается антисоветская кампания.

19 мая 1977 Министерство иностранных дел СССР вручило посольству КНР ноту. В Китае, указывается в ноте, приобретает все более широкие масштабы враждебная Советскому Союзу кампания, ведущаяся органами пропаганды и официальными лицами на всех уровнях. Китайская печать и другие средства массовой информации изо дня в день распространяют очередные вымыслы и клевету в отношении Советского Союза, ничем не отличающуюся от давно скомпрометировавшей себя в глазах народов лживой империалистической пропаганды.

Вдохновители антисоветской кампании чернят славные итоги героической борьбы и труда нашего народа, социалистический образ жизни советских людей, их коммунистические идеалы; они распространяют фантастические инсинуации против избранного советским народом государственного и общественного строя; предпринимают недостойные попытки оболгать великую дружбу и нерушимое единство народов Советского Союза.

Раздувается провокационная шумиха о каких-то агрессивных намерениях Советского Союза в отношении Китая, предназначенная отравить сознание трудящихся Китая ядом ненависти к Стране Советов, поспорить китайский народ с советским народом, указывается далее в ноте. Вместе с тем от китайского народа всячески скрывается правда о политике СССР в отношении КНР и усилиях Советского Союза, направленных на улучшение советско-китайских отношений, а все наши шаги, имеющие целью создание нормальной обстановки и благоприятных предпосылок для улучшения межгосударственных отношений, с помощью демагогических трюков выворачиваются против Советского Союза.

Однако китайскую пропаганду отличает не только яростный антисоветизм. Прикрываясь потрепанным жупелом антисоветизма, она пытается подорвать разрядку международной напряженности, в максимальной степени обострить обстановку в мире, подтолкнуть человечество к мировой войне.

Нет ни малейшего сомнения в том, что милитаристская политика

китайских лидеров, сменивших Мао Цзэ-дуна, противоречит жизненно важным интересам китайского народа. Эта политика не позволяет стране решать острейшие социально-экономические проблемы, в том числе проблему подъема крайне низкого жизненного уровня трудящихся.

Внешняя политика руководства КНР еще раз подтверждает правильность и актуальность оценок маоизма, данных XXV съездом КПСС. «Большую опасность для всех миролюбивых народов представляют лихорадочные попытки Пекина сорвать разрядку, не допустить разоружения, сеять недоверие и вражду между государствами, его стремление спровоцировать мировую войну, а самому погреть на этом руки. Такая политика Пекина глубоко противоречит интересам всех народов. Мы будем давать отпор этой поджигательной политике, защищать интересы Советского государства, социалистического содружества, мирового коммунистического движения» *.

В руках апологетов мировой войны пропаганда, как учит история нашего века, является опасным, зловещим оружием. Ведь она стремится воспитывать людей в шовинистическом, экспансионистском духе. Поэтому разговор о формах и методах этой пропаганды, о приемах, с помощью которых она пытается превратить в потенциальное пушечное мясо население огромной страны, прежде всего — ее подрастающее поколение, приобретает особую актуальность. Этому и посвящена книга «Синао».

Она о вчерашнем дне Китая. Но ведь рано говорить о том, что маоцзэдуновская страница истории Китая перевернута, что ошибки преодолены. Не так просто расстаться с прошлым, затянувшимся на десятилетия, тем более если руководство страны по тем или иным причинам упорно цепляется за это прошлое. За прошлое, которое принесло китайскому народу столько бед и может принести новые, еще более тяжкие.

Может быть, эта книга сумеет объяснить молодому советскому читателю некоторые социально-психологические процессы, протекавшие в Китае вчера, протекающие сегодня, процессы, которые, возможно, будут напоминать о себе завтра и послезавтра...

Китайская народная мудрость гласит: «Не забывай прошлого. Оно — учитель будущего».

* Материалы XXV съезда КПСС. М., Политиздат, 1976. с. 10—11.

«Великим
паганду в нач
о чем говорил
ко не послед
посты главной
из секретарей
китайский союз
Всю жизнь
Человек обра
из виднейших
ной революци
политику Мао
ской печати.
коммунистичес
лость, за свои
«культурной р
Дэн То сп
ким пустозвон
она с превелик
лась обмануть

СТРОКИ ИЗ ДЭН ТО (Вместо предисловия)

Есть люди, страдающие многословием. Они могут без конца говорить на любую тему. Слова сыплются из них как из рога изобилия. Но после их речей никак не удается вспомнить, о чем они говорили... Когда вместо содержания — пустота, то делу не поможет употребление самых великих слов и фраз; скорее наоборот, чем чаще их повторять, тем хуже. Поэтому я хочу посоветовать любителям великого пустозвонства: лучше бы вы, друзья, побольше читали, побольше думали и поменьше говорили, а когда захочется говорить, то немедленно шли на покой и не тратили бы напрасно своего и чужого времени и сил!

Дэн То

«Великим пустозвонством» назвал китайскую пропаганду в начале 60-х годов Дэн То. А он хорошо знал, о чем говорил. В машине этой пропаганды он был далеко не последним человеком. В разные годы занимал посты главного редактора «Жэньминь жибао», одного из секретарей Пекинского горкома КПК, возглавлял Всекитайский союз журналистов...

Всю жизнь отдал Дэн То делу китайской революции. Человек образованный и талантливый, он стал одним из виднейших китайских публицистов. Перед «культурной революцией» его ядовитые фельетоны, бичующие политику Мао Цзэ-дуна, регулярно появлялись в пекинской печати. Дорогой ценой заплатил Дэн То за свою коммунистическую принципиальность, за свою смелость, за свои обличения. Он стал одной из жертв «культурной революции».

Дэн То справедливо назвал эту пропаганду «великим пустозвонством». «Великим», потому что творилась она с превеликим шумом и размахом, потому что пыталась обмануть и оболванить великий народ, потому

что на каждом шагу прибегала к великим словам, которые лишала реального содержания. Вот почему она «великое пустозвонство». Но это лишь публицистическое определение. Оно оставляет в стороне многие характерные черты и особенности этой пропаганды, детища XX века, явления сложного, противоречивого и многопланового. Подробный разговор о ней у нас впереди. Пока же обозначим только контур этой пропаганды, приведем несколько примеров ее разрушительного воздействия на человеческую личность.

Она использовала самые разные способы и приемы: от патриархально-китайских до современно-буржуазных. Известно, например, что пекинские идеологи изучали переведенные на китайский язык «труды» немецких фашистов Геббельса и Розенберга. Кроме того, маоистская пропаганда, маскируясь под коммунистическую, выступала в марксистско-ленинском словесном облачении.

Думается, что тем из наших читателей, которым довелось видеть кадры китайских документальных кинолент последнего времени, запомнились некоторые из них. Например, огромное скопление людей на пекинской площади Тяньаньмэнь. Исступленные лица, горящие фанатизмом глаза, искаженные криком рты. Люди ведут себя так, будто бы они увидели нечто необыкновенное. Они видят Мао Цзэ-дуна. Этот массовый психоз — результат многолетних целенаправленных усилий пропаганды.

Позорная хунвэйбиновская вакханалия, принесшая Китаю столько трудностей и бед, столько горя и слез, — результат усилий и пропаганды.

И к вооруженным провокациям на советско-китайской границе пропаганда приложила руку.

Она всячески старалась внушить китайской молодежи ненависть к Советскому Союзу как к исконному врагу Китая.

Она нравственно калечила китайскую молодежь, прививая ей невежество, фанатизм, жестокость, обедняя до предела ее духовный мир.

Короче говоря, эта пропаганда играла вредную и опасную роль в жизни китайского общества.

Каков же ее идейный багаж, ее основные организационные аспекты, ее психологические способы обработки людей?

Об этом книга. Она адресована всем, кто интересуется современным Китаем, и прежде всего молодежи.

Советским людям далеко не безразлична судьба братского китайского народа. Чувства тревоги и горечи испытывали они, видя, каким страданиям подвергала трудящихся Китая маоцзэдуновская диктатура. Она опиралась на разветвленный аппарат насилия и на пропаганду. Палач и демагог шли рука об руку. Эта диктатура не просуществовала бы долго без пропаганды. Маоистская пропаганда — это не только печать, радио и телевидение. Она заполонила литературу, искусство, общественные науки. Она старалась проникнуть во все поры китайского общества, в каждый дом, в каждую семью, в каждое сердце, в каждый ум. Такая пропаганда — это средство неустанного «промыывания мозгов» людям самой населенной страны мира.

Не всякому известно, что термин «промыывание мозгов» существует уже века, что он родился в старом Китае.

Крестьянский сын, неграмотный император Чжу Юань-чжан (XIV век) правил «железной рукой». Он, например, издал указ, запрещающий петь и танцевать на улицах китайских городов. Нарушителям же вливали воду в нос в течение трех дней. Это и было «промыывание мозгов» — «синао».

Император добивался того, чтобы его подданные пели не тогда, когда им радостно или грустно, плясали не тогда, когда им весело, то есть не тогда, когда им этого хочется, а тогда, когда ему, императору, это нужно — под его дудку.

Минуло шесть веков. И в руках пекинских лидеров чисто физическое наказание — «промыывание мозгов» — превратилось в сложную иезуитскую систему идеологического и психологического террора. В Китае была создана, вероятно, самая большая в истории человечества, самая жестокая машина «промыывания мозгов», оболванивания людей.

Цель этого «промыывания мозгов» — заставить великий и талантливый народ петь и плясать под политическую дудку пекинских властей.

Наш рассказ о том, как власти старались этого добиться и к чему это приводило.

洗

脑

МЕРТВЫЕ ХВАТАЮТ ЖИВЫХ

Народ можно заставить повиноваться, но
нельзя заставить понимать почему.

Конфуций

Ум народа так же не может быть использо-
ван, как и сердце ребенка.

Хань Фэй-цзы

Очевидной особенностью шестисотмиллионно-
го китайского народа, помимо прочих его
особенностей, является бедность и то, что он
представляет собой чистый лист бумаги. На
первый взгляд это плохо, на самом деле хо-
рошо. На листе чистой бумаги ничего нет, но
на нем можно писать самые новые, самые
красивые слова, рисовать самые новые, са-
мые красивые картины.

Мао Цзэ-дун

Первому из этих высказываний — 25 веков, второ-
му — 22, третьему нет еще и 20 лет. Разные века, раз-
ные люди, разные слова, а мысль одна: народ лишен
разума, он не творец истории, не субъект ее, он лишь
объект воздействия «мудрого» правителя. По этой схе-
ме выходит, что историю творят «великие правители», а
народ — всего лишь ком мягкой глины в их жестких ру-
ках. Или, как говорили в старом Китае: правитель — ве-
тер, народ — трава.

Подобный взгляд на трудовой народ стародавних ки-
тайских мыслителей был обусловлен их эпохой. Через

законы истории не перепрыгнешь. Но в этой же компании оказался и Мао Цзэ-дун, живший в XX веке, претендовавший на самую передовую систему взглядов и вместе с тем сохранявший самые отсталые, самые реакционные воззрения.

Этому есть свое объяснение. В книгах советских и зарубежных ученых-марксистов показано, что враждебная марксизму-ленинизму, маоистская идеология собрана «с бору по сосенке». В ней причудливо сочетаются представления древних китайских мыслителей с утопическими взглядами на идеальное общество вождей китайского крестьянского восстания тайпинов в XIX веке. В ней соседствуют, как-то уживаясь, анархистские и троцкистские идеи. Вместе с тем маоизм использовал ряд понятий, категорий и установок марксизма-ленинизма, придавая им свое, националистическое, антимарксистское содержание.

Главное влияние на маоизм, выросший на мелкобуржуазной почве Китая, оказали традиции великоханьского шовинизма. Эти реакционные традиции составляют его становой хребет. Они были нацелены на то, чтобы превратить Китай в «первую державу мира», установить его власть «на пяти континентах». Подобные же цели ставил перед собой Мао Цзэ-дун. Заявил же он еще два десятилетия назад: «Мы должны стать первой страной в мире по развитию культуры, науки, промышленности». Конечно, желание Китая догнать другие страны вполне естественно. Но, во-первых, Мао Цзэ-дун не договаривал; за него это сделали во время «культурной революции» его штурмовики — хунвэйбины, кричавшие: «Водрузим красное знамя идей Мао Цзэ-дуна над всем миром!» Во-вторых, методы, с помощью которых Мао Цзэ-дун стремился к достижению своих гегемонистских целей, густо настояны на великоханьском шовинизме, на древних китаецентристских представлениях, на уверенности в том, что китайская цивилизация самая высокая в мире.

Китайскому народу антинаучная, волюнтаристская политика Мао Цзэ-дуна принесла неисчислимые беды и страдания. Ведь к своей великодержавной цели Мао Цзэ-дун шел путем максимальной милитаризации всей общественной жизни страны, которая была превращена в огромную казарму. В жертву своим великоханьским амбициям группа Мао Цзэ-дуна приносила и труд, и

жизнь народа. Много лет подряд не поднимался крайне низкий жизненный уровень китайского народа. Много лет подряд народ получал продовольствие по карточкам, по предельно низким нормам. В ряде случаев эти нормы еще и понижались. Пропаганда усиленно стремилась внушить народу, что бедность якобы благо. Она призвала людей ходить в старой, заплатанной-перезаплатанной одежде, почаще есть «суп из горьких трав» (диких растений), чтобы воспитать в себе нетребовательность к еде, прославляла «дух голытьбы», составной частью которого является изматывающий до предела физический труд. Чего стоят, например, такие лозунги пропаганды, как «Сегодня съесть впятером пищу, которую вчера съедали втроем», «Упорно трудиться и не думать о вознаграждении», «Не бояться трудностей, не бояться смерти» и т. д.

Таковы были призывы пропаганды. Так выглядели реальные черты политики Мао Цзэ-дуна, который высказывал презрение к трудовому народу Китая, называл его «чистым листом бумаги».

ПРИЧАСТИЕ МАО ЦЗЭ-ДУНА

Многие ученые, изучающие современный Китай, писали о том, что «указания» Мао Цзэ-дуна зачастую противоречат друг другу. Уже одно это говорит о зыбкости его идеологии, ее аморфности, ее антинаучной сути. Очевидно, главное для Мао Цзэ-дуна в идеологии — ее, так сказать, «управленческая» функция, ее способность манипулировать сознанием и поведением людских масс. Мао Цзэ-дуна, по всей видимости, не волновал ползучий утилитаризм разработанной им системы взглядов. Что касается противоречий между «указаниями», то они как бы «снимались» непомерно раздутым авторитетом Мао Цзэ-дуна: каждое его «указание», без конца прокручивавшееся всей огромной пропагандистской машиной страны, навязывалось всем и каждому, являлось «истинной» само по себе. «Истинной», которую полагалось зубрить назубок, неукоснительно выполнять. Пока не последует новая...

Назвав китайский народ «чистым листом бумаги», Мао Цзэ-дун не только оскорбил его, он просто сказал неправду. Кому-кому, а Мао Цзэ-дуну было прекрасно

известно, какая прочная паутина предрассудков, реакционных феодальных традиций пока еще опутывает сознание определенных слоев населения Китая, особенно неграмотных крестьян. Мао Цзэ-дун не только знал об этом. Он старался активно использовать эти предрассудки, эти реакционные традиции в своих политических целях.

Как-то Мао Цзэ-дун сказал: «Нельзя управлять большим числом людей, опираясь только на законы. Управление большим числом людей должно опираться на усвоенные обычаи». Мао Цзэ-дун, как видим, не разделял обычаи на прогрессивные и реакционные. Это ему не было пужно. Лишь бы можно было, используя «усвоенные обычаи», вкратце в душу человека, заставить его служить своим целям.

Приведем любопытный образчик того, как китайская пропаганда цинично использовала предрассудки. Это поведал один из очевидцев. Вот его рассказ:

«Уже в начале 50-х годов «мессой» в честь Мао Цзэ-дуна отмечалась каждая суббота в лагере трудового перевоспитания, созданного в Яньани для членов религиозных сект. Здесь партийные кадровые работники, ответственные за «освобождение от религии», раз за разом повторяли заклинание: «Дадут ли вам хлеб с неба ваше суеверие и поклонение, ваши повторенные 10 тысяч раз восхваления Будды, ваше стократное «аминь» или тысячекратное «вера несет спасение»? Все, что вам следует сделать, — это сказать однажды: «Спасение в вере Мао Цзэ-дуна» или «За Мао Цзэ-дуном к спасению», и вы тут же получите «причастие Мао Цзэ-дуна».

«Причастие Мао Цзэ-дуна» — это продовольственный паек, который маоцзэдуновские власти выдавали всем, кто посещал «мессы в честь Мао». Он составлял четыре таэля (в те времена таэль, или лян, — мера веса, равная 31,25 грамма) пампушек, два таэля вареной свинины и четыре таэля сахара на человека. Кадровые работники подчеркивали, что религия — порождение феодального общества, но говорили христианам: «Иисус был внебрачным ребенком Марии и сыном плотника Иосифа. Поэтому Иисус и вся его семья были представителями пролетариата, и позже он был распят за то, что повел класс пролетариата против правящего деспотического класса».

Пекинское руководство мало заботила проблема освобождения сознания людей от религиозного гнета. В пер-

вую очередь его интересовало совсем другое: придавить человека к земле гнетом культа личности Мао Цзэ-дуна, этого новоявленного «бога», призванного заменить в сознании людей всех остальных богов. И власти не останавливались даже на том, чтобы цинично спекулировать на голоде людей, стремясь выработать у них нечто вроде условного политического рефлекса: проявишь лояльность по отношению к Мао Цзэ-дуну — получишь еду.

Рассказанное выше происходило давно. Однако и потом, оплачивая труд человека, в городе или в деревне, власти учитывали не только сделанную им работу, но и обязательно его политическую благонадежность. За рвение, именуемое «сознательностью», выдавалась ощутимая надбавка в разных формах.

В УГАРЕ ШОВИНИЗМА

Но не только на религиозных предрассудках паразитировала пропаганда. Еще большие надежды она возлагала на предрассудки националистические. Корни их уходят в тысячелетия китайской истории. Однако «марксист» Мао Цзэ-дун не только не выкорчевывал эти корни. Напротив, он старался всемерно укреплять их в сознании людей.

Еще в течение 50-х годов в Пекине неоднократно издавалась книга Ли Шу «Марксизм и китайская революция». В этом, с позволения сказать, «теоретическом труде» можно прочесть, например, такое насыщенное великоханьским презрением к другим народам высказывание: «Китай — одна из немногих передовых наций мира. В то время как многие западные нации, которые величают себя «цивилизованными», еще лазили по деревьям, собирая дикie плоды, наша нация уже создала блестящую древнюю культуру».

То, что поначалу появлялось лишь в отдельных книгах и статьях ученых и могло быть принято за их частное мнение, начало приобретать ярко выраженный характер государственной политики. Пропаганда все более настойчиво воспитывала массы в духе шовинизма, намеренно накаляя и взвинчивая шовинистические предрассудки. Так, в период маоцзэдуновского «большого скачка» газета «Жэньминь жибао» писала: «Китайская нация представляет собой одну из древнейших наций на

земле, возвышающуюся над всеми другими». Эта мысль всячески варьировалась в передачах местных радиостанций, на страницах местной печати. Очевидно, еще большее внимание уделялось этому тезису в пропаганде устной.

Постепенно в материалах пекинской пропаганды стали все более заметно ощущаться расистские мотивы. В начале 60-х годов в Пекине был выдвинут лозунг: «До XV века представители желтой расы занимали ведущее положение в мире». Этот лозунг настойчиво вдалбливался в сознание людей. А осенью 1962 года в беседе с членом японского парламента Мацуморой Чжоу Энь-лай сказал, что «цветные народы должны сплотиться». По словам Мацуморы, в той же беседе китайские представители заявили о том, что «азнатам предстоит изменить историю человечества».

Логическим продолжением всех этих установок являются попытки пекинской пропаганды в течение ряда лет разжигать шовинистические настроения в стране, воспитывать китайцев в духе ненависти к народам других стран. Не первый год уже пропаганда настойчиво стремится воспитать в китайцах «национальную ненависть» к советским людям. Этим усиленно занимаются местные органы печати и радиостанции, каналы закрытой пропаганды. Неоднократно за последние годы в Китае распространялись среди населения всевозможные документы, в которых утверждалось, что со временем Советскому Союзу будет представлен не только полный реестр якобы захваченных им китайских территорий, но и вообще «кровавый счет». Нередко страницы местных газет отводятся для воспоминаний неких старых китайцев, которые еще в начале века якобы были свидетелями «зверств русских казаков» на китайской земле. В последнее время яростные антисоветские мотивы все шире проникали в китайские романы, повести и рассказы, на сцены китайских театров, на экраны кинотеатров.

Антисоветизм далеко не единственное направление, по которому шла пекинская пропаганда, стремясь внушить наиболее отсталой части населения и молодежи националистические представления и чувства. Разумеется, она не твердила день за днем откровенно шовинистические высказывания Мао Цзэ-дуна. Но она очень широко использовала различные лозунги и формулировки, призванные держать население страны, так

сказать, в «силовом поле» национализма. В контексте шовинистической политики Мао Цзэ-дуна все эти элементы, их постоянное повторение, а значит и закрепление в сознании ряда людей должны были внушить китайцам нечто большее, чем уверенность в своих силах, — мысль о мессианской роли Китая. Для этого и брались на вооружение доктрины старых китайских националистов, заявлявших: «Наша китайская раса, безусловно, может создать совершенное государство и превзойти пять континентов... Мы, китайцы, обладаем силой, чтобы фактически стать хозяевами мира».

БАОЦЗЯ, БАОЦЗЯ...

Можно было бы заполнить целую книгу рассказом о том, что власти хотя и яростно критиковали на словах и всячески поносили реакционные традиции древнего и средневекового Китая, но на практике применяли их, «совершенствовали» и «развивали». Ниже мы еще не раз коснемся этой темы, а здесь упомянем об одной древне-китайской традиции, широко использовавшейся пекинскими властями.

Издревле, еще до нашей эры, в Китае сложилась система круговой поруки — баоцзя. Она была очень важным звеном организационного и психологического подавления масс, рычагом внеэкономического принуждения, средством выяснения умонастроений народа. И не только выяснения, но и формирования умонастроений, выгодных власти имущим. Эти настроения создавались с помощью системы специальных социальных санкций, взаимных доносов, которые стали неотъемлемой частью жизни общества. Китайские правители с древнейших времен придавали большое значение организационному укреплению системы баоцзя. Достаточно сказать, что еще около тысячи лет назад в нижних слоях Китайского государства действовал огромный аппарат мелких чиновников, превышавший миллион человек.

Чтобы читатель мог более наглядно представить себе характер системы «баоцзя», мы приведем цитату из эдикта императора маньчжурской династии Кан-си, изданного в 1708 году.

«Каждое домовладение получает табличку, заверенную официальной печатью. На ней написаны номер до-

ма
ли
ча
ку
не
пр
на
ст
ка
ст
го
со
в

тя
ша
бы
и
ор
пр
вл

ла
сл

ра
же
мн
Вл
ко

дв
вы
тя
ва
эт
до
чи

ма и число взрослых мужчин. В случае отъезда кого-либо из них запишется их место назначения; в случае чьего-либо приезда в дом указываются места, откуда прибыли гости. Запрещается принимать незнакомцев и подозрительных лиц до тех пор, пока не будет произведен их подробный опрос. Каждые десять домов назначают старшину («найфу»), каждые десять «пай» — старосту («цзя»), а каждые десять «цзя» — начальника («бао»). В конце каждого месяца начальник представляет письменную гарантию, что все обстояло благополучно в его округе, и этот документ пересылается соответствующим чиновникам для проверки. Виновные в невыполнении данного распоряжения будут наказаны».

Эта система, опутывавшая своими полицейскими нитями людей с ног до головы, недвусмысленно грозившая суровыми расправами всякому, кто окажет ей хотя бы малейшее неповиновение, продолжала существовать и развиваться. В ней выразилась конфуцианская идея организации общества, в котором человек должен беспрекословно подчиняться всем старшим и, конечно же, властям.

В гоминьдановские времена система баоцзя достигла столь высокого «совершенства», что трудовой народ сложил о ней такую песенку:

Баоцзя, баоцзя!
Жить нельзя, дышать нельзя!..
Все в цепях и кандалах.
У начальников в руках
Кнут и страшная печать
Заставляют нас молчать.

Ну а нынешний Китай? Название «баоцзя» в нем, разумеется, не в чести: слишком уж много грязных и тяжелых воспоминаний вызывает оно у всякого, кто помнит дореволюционный Китай. Но не в названии дело. Власти создали такую систему социального контроля, которая и не снилась правителям традиционного Китая.

Во всех городских кварталах жители нескольких дворов объединены обязательной круговой порукой. Они вынуждены регулярно доносить друг на друга. И властям становятся известны не только действия и высказывания людей, но чуть ли не всякая мысль любого. Все эти данные, как правило, заносятся в соответствующие досье, долго хранящиеся впрок. И подтвердил наличие этой системы человек, которому в данном случае нет

оснований не верить. Мы имеем в виду умершего несколько лет назад американского публициста Э. Сноу, личного биографа и друга Мао Цзэ-дуна. Э. Сноу не уставал восхвалять маонизм, и все-таки он вынужден был признать, что система контроля над мыслями и поступками в КНР превосходит все, происходившее когда-либо в этой богатой подобными традициями стране. Знаменательное признание. Его подтверждает огромное количество фактов. Возьмем хотя бы такой из них. Крестьянин, чтобы поехать в соседний уезд или город, должен получить разрешение от нескольких инстанций. Иначе ему не продадут билет ни в автобусной, ни в железнодорожной кассе.

В Китае все организовано так, что власти всегда знают, где находится тот или иной человек, что он делает, всегда есть кто-то, кто следит за этим человеком. Властям помогает огромное количество так называемых «активистов» органов общественной безопасности. Они все выслушивают и вынюхивают, пишут властям доносы. Эти «активисты» — настоящий бич Китая. Население их очень боится. Тем более что эти люди практически обладают большими правами. Они, например, могут при малейшем подозрении посадить любого под арест и держать его там неопределенно долго без суда и следствия — месяцы или даже годы. Бесправный и беспомощный человек полностью находится в их власти.

Часто подоплекой доносов, которые пишут подобные «активисты», является подлость: стремление свести счеты со своим недругом, желание спихнуть человека и занять его служебное место, наконец, просто желание выслужиться — неважно за чей счет.

Политическими надсмотрщиками стали и многие представители так называемого «народного ополчения». И прежде всего подростки и молодежь, не обладающие ни политической зрелостью, ни жизненным опытом.

Слежка за людьми в Китае фактически стала тотальной. Боясь собственного народа, у которого их политика вызывает все большее недовольство, власти наделили органы общественной безопасности все более широкими правами. Так, по новой конституции КНР, принятой в январе 1975 года, органы общественной безопасности фактически подменили собой прокуратуру.

Стоило человеку в Китае чуть оступиться, и его жда-

ли крупные неприятности: тюрьма, так называемые «лагеря трудового перевоспитания», в которых нетрудно «задержаться» на всю жизнь, страшные каторжные лагеря на острове Хайнань.

Свою лепту в укрепление системы «баоцзя» в нынешнем Китае вносила и пропаганда. Она призывала к постоянной борьбе с «врагами» (людьми, недовольными политикой властей, чем-то не потравившими начальству и т. п.), призывала превратить их в «кучу собачьего дерьма». Тем самым в стране нагнеталась атмосфера устрашения, морального террора, за которым следовал террор политический. Воистину:

Баоцзя, баоцзя
Жить нельзя, дышать нельзя...

ЛИЦОМ К ПРОШЛОМУ

В беседе с американским журналистом Р. Честером Чжоу Энь-лай заявил: «Китай никоим образом не отвергает все древние концепции, он отвергает только те, которые мешают движению вперед в быстро меняющемся мире».

Что же, наш мир действительно быстро меняется. Но вот вопрос: может ли Китай быстро двигаться вперед, если у него на ногах тяжелейшие чугунные гири явно реакционных традиций? Ясно, что укрепление в сознании людей националистических предрассудков и насаждение полицейской системы слежки, превосходящей тысячелетнюю систему «баоцзя», не могли помочь быстрому экономическому, социальному и культурному развитию Китая. К тому же пропаганда неустанно разглашествовала о необходимости «революционизации сознания» людей, о том, что нужно воспитывать «нового человека». Как можно сочетать эти архиреволюционные заявления с очевидной спекуляцией на предрассудках людей, на их отсталости? На таких вот примерах особенно ясно видно, насколько лжива такая пропаганда. Она просто спекулировала на симпатиях населения Китая к научному социализму, обманывала свою аудиторию социалистической фразеологией.

Иначе все это оценить невозможно. Нельзя же, в самом деле, быстро двигаться вперед с лицом, обращенным назад. Это возможно разве что в сказках.

Об одном из таких способов и повествует китайская легенда.

Из даосских «восьми бессмертных» Чжан Го-лао самый старый и самый мудрый. У него был свой собственный, мягко выражаясь, не совсем обычный способ двигаться вперед. Он всегда ездил на белом муле лицом к хвосту, покрывая за день десятки тысяч ли*. Когда же Чжан Го-лао останавливался отдохнуть, он складывал мула, словно тот был вырезан из бумаги, и засовывал его в сосуд из бамбука. А когда бессмертный снова решал пускаться в путь, он брызгал на сложенную фигурку водой изо рта, и мул шел вперед как ни в чем не бывало.

Легенда и жизнь — вещи разные. И китайский народ не мул. И Мао Цзэ-дун не был бессмертным волшебником. И китайское общество не засунешь в трубочку из бамбука. Его нельзя заставить быстро двигаться вперед с помощью «волшебных указаний» Мао Цзэ-дуна. Наоборот, сколько раз «гениальные» установки повергали страну в беды, тормозили ее развитие!

И все-таки есть нечто общее между мифическим Чжан Го-лао и Мао Цзэ-дуном. Последний старался гнать страну вперед, словно легендарный даос, обращая лицо к прошлому, широко используя для укрепления своей власти реакционные предрассудки и традиции, укрепившиеся в психологии многих китайцев. Ни к чему доброму это, естественно, не приводило и привести не могло. Мертвые традиции мешают живым людям двигаться вперед, тормозят развитие китайского общества. В нем, разумеется, многое изменилось после установления народной власти в 1949 году. Особенно в первые девять лет существования КНР, до начала маоцзэдуновского «большого скачка» в 1958 году. Например, во время первой китайской пятилетки (1953 — 1957 годы), когда в стране широко использовались социалистические методы хозяйствования, проводилась политика, отвечавшая интересам трудового народа, экономика развивалась высокими темпами, значительно повысился жизненный уровень трудящихся.

Со времени «большого скачка» началась полоса маоцзэдуновских авантюр, принесших китайскому народу неисчислимые беды и страдания. И с каждым годом все

* Ли — мера длины, 0,5 километра.

более явной становилась противоречившая объективным законам суть политики Мао Цзэ-дуна.

Правда, на словах реакционные традиции старого Китая, традиции конфуцианские подвергались шумной критике. Так, в последние годы жизни Мао в конфуцианство мегались пропагандистские громы и молнии. Древний китайский мыслитель и его учение стали даже предметом осмеяния в бесчисленных самодеятельных стихотворениях, песенках, которые писали школьники, в карикатурах. На деле же власти, заявляя себя поборниками социализма, не гнушались использовать целый ряд конфуцианских приемов психологической обработки населения. В старом Китае заучивали наизусть канонические конфуцианские тексты. В нынешнем Китае людей всеми способами вынуждали заучивать наизусть «указания» Мао, его статьи. В старом Китае население подавляли с помощью культа императора. В новом — с помощью культа личности Мао Цзэ-дуна. Не случайно многие ученые приходили к выводу, что власти стремились разрушить «храм Конфуция», чтобы на его месте воздвигнуть «храм Мао Цзэ-дуна».

Что же касается бесчеловечных способов управления обществом, разработанных и примененных еще легистами больше двух тысяч лет назад, то власти не только оправдывали и восхваляли их, но осуществляли на практике.

Имея в виду все эти тысячелетние идеологические напластования, которые все сильнее и сильнее давали себя знать в идеологии, политике и пропаганде, американский специалист по истории Китая профессор Д. Фэйрбэнк отметил, что чем больше все в Китае меняется, тем больше становится похожим на старое.

洗

脑

СИЛКИ, ЛОВУШКИ, КАПКАНЫ...

«Нам не нужны мозги, если у нас есть идеи
Мао Цзэ-дуна!»

«Убьем свое «я»!»

Из хунвэйбиновских листовок

Во время «культурной революции» эти слова можно было услышать в Китае повсюду. По свидетельству очевидцев, даже маленькие школьники, которые явно не могли сколько-нибудь внятно объяснить, что за штука такая «я», словно попугаи твердили: «Убьем свое «я»!» Потом эти возгласы утихли. Но это не означало, что цель пропаганды изменилась. Она осталась прежней: добиться того, чтобы люди видели мир глазами пекинских идеологов, подчинить их, превратить в «нержавеющие винтики председателя Мао».

Для этого в КНР была создана гигантская, не имеющая равных в мире машина «промывания мозгов». Она стремилась влиять на всех людей, во всех уголках Китая. За исключением разве что узкой правящей элиты, людей, которые разработали доктрину для масс и не считали себя обязанными ей верить и которые могли изменять свои принципиальные установки на прямо противоположные, что делалось не раз. Элита считала, что масса «забывчива», что все противоречия «спишутся», поскольку был «гениальный» вождь, который не мог ошибаться. А его «идеи» — альфа и омега общественного развития Китая. И крепко-накрепко вбить эти «идеи» в головы населения — было главной задачей пропаганды.

Пропаганда в Китае ведется в специфических усло-

виях. В стране насчитываются сотни миллионов неграмотных. И это представляет собой благодатную почву для идеологических манипуляций.

Власти не случайно держат китайский народ в состоянии глубокой политической и культурной изоляции от внешнего мира. Это позволяет властям обеспечить своей пропаганде монополию, облегчить ей обработку населения.

Однако только неграмотностью, неинформированностью, неразвитым логическим мышлением еще нельзя объяснить тот факт, что в КНР были люди, верившие маонистским догмам, приносившие в жертву военно-бюрократической диктатуре свои интересы. Очевидно, благодаря и массированным усилиям пропаганды у людей возникал сплав ложных взглядов и ложных чувств. К этому следует добавить настойчиво культивируемый властями слепой фанатизм, затемняющий сознание, мешающий объективно воспринимать официальную информацию. Многие люди в Китае попадали в эти сети, становились жертвами пропаганды. Они заранее готовы были делать выводы, укладывающиеся в привычную, стереотипную схему мышления.

Разумеется, огромная машина «промыывания мозгов» в нынешнем Китае возникла далеко не сразу. Некоторые ее организационные принципы отработывались задолго до образования КНР. Это относится, например, к такому принципу, как «линия масс».

Активный участник многих важнейших событий в Китае 30-х годов немецкий коммунист Отто Браун рассказывает, что «впервые она была выдвинута в начале 30-х годов. С ее помощью Мао Цзэ-дун якобы черпал идеи из глубины народа. В действительности же пресловутая «линия» была заимствована из военной практики, а точнее — из методов работы политотделов армии. Принятые наверху решения — партийные и административные — спускались вниз, так же как приказы. Их выполнение обеспечивалось с помощью административных и дисциплинарных мер».

И после образования КНР власти налаживали пропагандистскую работу на свой излюбленный военизированный лад. Это отражалось даже в терминологии. В деревнях чтецы газет обычно располагались в трех местах: на полях, в домах крестьян, на местах собраний бригады. Соответственно это получило названия:

«позиционная война», «партизанская война», «мобильная война».

Пресловутая маоцзэдуновская «линия масс», основанная на милитаристских идеалах и организационных принципах, впоследствии нашла свое воплощение во всемерном развитии «народного ополчения» в КНР. Оно — важный элемент милитаризации всех сфер общественной жизни страны. В ополчение включали и подростков, и стариков, и мужчин, и женщин. Им предоставляли списанное из армии достаточно современное оружие, регулярно проводили с ними военизированные занятия. Число обученных ополченцев, по разным подсчетам, достигало 20—40 миллионов человек. Пропаганда упорно стремилась внушить населению Китая мысль о том, что новая мировая война неизбежна. Для нагнетания милитаристского психоза в устной пропаганде все чаще использовался старый императорский тезис: «Государство, не имеющее внешних врагов, осуждено на гибель».

Ополчение играло большую роль в социально-политической жизни общества. Оно активно помогало органам общественной безопасности осуществлять социальный контроль над населением. Оно активно участвовало в «классовой борьбе», то есть в расправе над недовольными, инакомыслящими, не проявляющими, с точки зрения властей, достаточного энтузиазма. Оно не только само упорно изучало официальный идеологический катехизис, но и следило за тем, чтобы догмы его вбивались в головы всего населения.

Китайская пропаганда настойчиво подчеркивала, что ополченцы работают в тесном контакте с представителями органов общественной безопасности.

Как сообщала китайская печать, в столовых ополченцы вынюхивали того, кто «любит хорошо покушать», на улицах высматривали того, кто, по их мнению, «любит хорошо одеться». Вечерами в общественных парках они, громко стуча по спинкам скамеек железными прутьями, разгоняли парочки, напоминая им о том, что завтра утром начинается новый трудовой день.

Особенную ретивость проявляли при этом молодые ополченцы, ополченцы-подростки. Найдя очередную жертву, они начинали ее «воспитывать» при всем честном народе, начинали «промывать мозги».

В
насел

И
власт
паган
В
Шри
«кул
хих
дерев
не от
покой
своей

Д
что л
ким р
пораз

В
тивно
редко
прови
лей.

диопа
и бол
обыч
ных
и пр
хи м
на о
что
круж
Цзэ-

П
ся с
пере
не т
мать
отры
бран
врем
писа

Власти применяют самые разные формы обработки населения — и в гигантских коллективах, и поодиночке.

И ВМЕСТЕ...

Из-за огромного количества неграмотных в КНР власти уделяли особенно большое внимание радиопропаганде.

Вот, например, свидетельство индийского ученого Шринати Чандра-секхара, посетившего Китай еще до «культурной революции». Он писал: «Даже в самых глухих селениях я видел громкоговорители на верхушках деревьев. Можно спрятаться от луны и от солнца, но не от громкоговорителя... Человек не имеет ни минуты покоя, когда бы он мог отдохнуть или поразмыслить над своей новой жизнью».

Даже человек, пробывший в Китае недолго, заметил, что пропагандистский процесс организовывается с таким расчетом, чтобы люди не могли «ни отдохнуть, ни поразмыслить».

В Китае люди очень часто привлекаются к коллективному прослушиванию радиопередач. Например, нередко организуются радиомитинги в масштабах целой провинции, насчитывающей десятки миллионов жителей. Власти специально заботятся о том, чтобы эти радиопередачи прослушивали у себя дома также старики и больные, которые не поднимаются с постелей. Кроме обычной информации, «теоретических» бесед, посвященных различным темам, радиостанции — и центральная и провинциальные — регулярно передают целые ворохи маоцзэдуновских цитат и установочных материалов на определенные темы. И все это в дополнение к тому, что цитаты изучаются на семинарах, политзанятиях, в кружках, на «семейных курсах по изучению идей Мао Цзэ-дуна» и т. д.

Подлинным бедствием для населения Китая являются собрания. Сколько было случаев, когда собрания с перерывами продолжались по многу дней подряд. Это не только лишало людей возможности отдыхать, заниматься домашними делами, воспитывать детей. Это еще отрывало огромное число людей от работы, так как собрания нередко проводились и проводятся в рабочее время. О мании собраний не раз вынуждена была писать в критическом плане центральная китайская

пресса. Не раз и не два издавались инструкции властей, запрещающие собрания в рабочее время. Но все эти попытки принесли мало пользы. Собрания живучи, они к тому же нередко по-прежнему нескончаемы. На собраниях, посвященных политическим вопросам, как правило, должен выступить каждый присутствующий, должен «покрыть» предыдущего оратора, «поправить» его, если он хоть в чем-то, хоть ненамеренно, хоть самую малую толику отклонился от официальных установок. Такие собрания нередко превращались в способ коллективного заучивания «указаний» Мао Цзэ-дуна, тезисов пропаганды. И как ни старались власти балансировать между необходимостью развивать экономику и «промыть мозги» людям на собраниях, как ни старались ограничить количество собраний, оно остается неправдоподобно, чудовищно велико. Вот лишь один из примеров. Летом 1974 года радиостанция провинции Цинхай сообщила, что «рабочие и служащие сталеплавильного завода города Синин провели 10 крупных собраний критики, на которых присутствовало более 10 тысяч человек, более 7300 средних и малых собраний, отражающих ход широкой революционной критики». Все эти многочисленные мероприятия, по сообщению радиостанции, были проведены в течение нескольких месяцев.

И, заметьте, это отнюдь не сообщение о «рекорде». Это просто информация с места, где, по мнению властей, дело налажено «хорошо». И передается все это для того, чтобы все остальные брали пример с «прозаседавшихся» в Синине.

Однако дело не только в чисто цифровой характеристике такой важной формы пропагандистского воздействия, как собрания. Важнее их смысловая сторона. Подобные собрания позволяют их организаторам вызвать более сильную эмоциональную реакцию, чем при индивидуальной идейно-психологической обработке. На собраниях значительно легче возбудить в малограмотных слоях населения шовинистические настроения, являющиеся одной из важнейших опор официальной политики, чувства страха, враждебности к другим народам, жестокости, ненависти к так называемым внутренним «врагам», то есть к недовольным политикой властей, к инакомыслящим и т. д.

Дирижеры «промывания мозгов» народу в Китае

наме
подо
ния.
тель
игру
С
гнета
рует
шее
ской
КПС
вздо
«соц
ССС
водя
КНР
имен
том
вока
прор
такл
С
руко
на э
ям,
ям,
этом
бан
поли
лиш
К
стви
них
нен
на
вол
душ
I
гов
низ
жа
нем
ные
мас

намеренно вызывали в определенных слоях населения подобные эмоции, чувства и политические настроения. Эти психологические процессы затемняют деятельность разума, делают многих людей послушными игрушками в руках манипуляторов.

С помощью этих приемов в КНР, в частности, нагнетается антисоветская истерия. При этом эксплуатируется такое чувство, как недоверие к СССР, возникающее в результате непрерывного потока клеветы пекинской пропаганды на внутреннюю и внешнюю политику КПСС и Советского государства; страх, порождаемый вздорными утверждениями о предстоящем нападении «социал-империализма» на Китай; враждебность к СССР, появляющаяся на этой основе. К тому же, возводя ложные обвинения на Советский Союз, власти КНР отвлекают внимание своего населения от того, что именно пекинское руководство является ныне апологетом неизбежности новой мировой войны. Пекинские провокаторы выступают, таким образом, чуть не в роли пророков, предсказывающих будущие мировые катаклизмы.

Стремясь усилить степень воздействия пропаганды, ее руководители прибегают к рассчитанным прежде всего на эмоции «театральным» эффектам: массовым шествиям, манифестациям, массовым спортивным мероприятиям, заквашенным на шовинистических установках. При этом очень широко используются музыка, гонги, барабаны, пиротехника, позволяющие придать мероприятиям, политическим по своей сути, эмоциональный накал, зрелищность, внушительность.

Как бы ни были разнообразны все эти массовые действия по своему внешнему оформлению и характеру, у них всегда одна и та же цель: создать иллюзию объединения масс вокруг официальных установок, привлечь на свою сторону пассивных и колеблющихся, а недовольных и инакомыслящих противопоставить «единодушным массам».

Надо сказать, что при массовом «промывании мозгов» в действие, как правило, вступают мощные механизмы социально-психологического заражения и подражания. Это дает очень сильный эффект. История знает немало случаев, когда при таком воздействии огромные социальные группы впадали на какое-то время в массовый психоз. Он находил свое выражение в рели-

гнозном экстазе, в спортивном азарте, в острых приступах массового национализма и т. п. Высокий эмоциональный накал мешает работе разума, делает людские массы послушным инструментом в руках политиков-манипуляторов. История рассказывает нам о том, как, пользуясь этим методом, политики не раз приводили народ к беде.

Этим методом часто пользовались в последние годы китайские власти. Достаточно вспомнить взвинченных до предела хунвэйбинов, крушивших все на своем пути. Или массовые жестокие судилища на средневековый манер на стадионах городов в период «культурной революции».

В подобных мероприятиях власти неизменно обращаются к подсознательным механизмам человеческой психики, демагогически заигрывают с людьми малообразованными, неразвитыми. В свое время В. И. Ленин предупреждал о том, что «не может быть ничего опаснее и преступнее демагогического заигрывания с неразвитостью рабочих» *.

Однако во время «культурной революции» именно из слоев наименее сознательных рабочих создавались формирования цзаофаней, этих «бунтарей», ставших слепым орудием в руках инициаторов контрреволюционных погромов.

Как показывают многочисленные факты, властям было наплевать на то, что они приносили огромный вред стране и народу. Их заботили только своекорыстные политические интересы. Эти преступники взывали к темным, разрушительным инстинктам человека. Они делали циничную попытку извлечь выгоду из невежества и зла в человеке. Пекинское руководство, по сути дела, давно вело необъявленную войну против человека, используя в этой войне против него его же собственные слабости, его предрассудки. В этой необъявленной войне огромную роль играла пропаганда, эта маоистская «кухня ведьмы». Она упорно и целенаправленно распространяла духовный опиум, делая его внешне привлекательным, маскируя словесной социалистической упаковкой. И эта упаковка вводит в заблуждение многих в Китае...

* В. И. Ленин. ПСС, т. 4, с. 315.

Массовое «промыывание мозгов» в Китае дополнялось индивидуальным.

Был в арсенале этой пропаганды такой прием, как «беседы по душам», то есть с глазу на глаз, так сказать, в доверительной обстановке. В этом случае «наставник», обычно какой-нибудь «активист», весьма твердый в официальных принципах, приходит к человеку не слишком развитому, не слишком активному. Его задача «укрепить в вере» (в маоистской вере. — М. С.) своего «воспитуемого». В этом способе «обращения в веру» есть свои преимущества для «воспитателя». Он может целиком сосредоточить свое внимание на жертве. В свою очередь, «воспитуемый» не может отказаться от очередной «беседы по душам», не может не давать ответы на вопросы своего неотступного «доброхота», не может позволить себе расслабиться, что допускается в ходе больших собраний, массовых митингов. Подобные беседы нередко превращаются в форменную пытку для жертвы, до предела напрягают ее нервную систему, рождают в ней постоянное чувство страха.

«Воспитатель», как правило, не склонен отпускать свою жертву до тех пор, пока не доведет ее до нужной психологической и политической кондиции. И нередко человек, измученный «воспитанием», покоряется, соглашается на все, лишь бы от него отвязались.

Был в новом Китае и еще один очень распространенный прием индивидуальной идейно-психологической обработки. Он именуется в китайской печати «красные пары», или, подробнее, «один помогает другому, и оба становятся красными».

Как достигается эта перемена цвета?

К человеку, еще не оболваненному до конца, мало-сознательному по официальным стандартам, прикрепляют проверенную личность, наделенную всевозможными политическими добродетелями. Такими, например, как преданность «вождю», готовность выполнить любой приказ начальства, дух самопожертвования и т. д. С этих пор «пара» становится неразлучной на долгое время. Люди вместе работают, вместе присутствуют на различных мероприятиях властей, вместе отдыхают. Короче говоря, тот, кому предстоит «покраснеть», находится

под неусыпным контролем, не может ни на шаг отойти от своего идеологического наставника.

Какие же «страшные грехи» выжили из душ своих современников «грешники»?

Один крестьянский юноша был, например, обвинен в том, что он придерживается «буржуазных» взглядов в области оплаты труда. По его мнению, «трудодни — командная сила». В переводе на общепонятный язык это означает, что юноша хотел получать справедливую оплату за свой труд. В результате «воспитания» ему пришлось «пересмотреть» свои взгляды.

Еще одна молодая «грешница» проживала в городе. Ее обвинили в том, что она «привержена к анархизму». Правда, столь опасный ярлык, как выяснилось, имел под собой довольно безобидную основу. Девушка, как было сказано о ней в газете, «любила хорошо поесть». Пусть наш читатель не подумает, что речь шла о гурманстве. Просто в стране, где все простые люди снабжаются продовольствием по жестким нормам, считается чуть ли не преступлением есть нормальные, пусть и скромные, блюда вместо пресловутого «супа из горьких трав», которым власти любят потчевать людей в целях воспитательных. Девушке были объяснены ее «чудовищные заблуждения».

Некий молодой «преступник» был «пойман» в городе за чтением недозволенного китайского классического романа. Ему детально объяснили, что следует читать в стране, где всем командуют «идеи председателя Мао».

Существовали в Китае и смешанные формы «промыывания мозгов», формы, если можно так выразиться, индивидуально-массовые. В подобных случаях коллектив, например, собрание, «промывает мозги» какой-то очередной жертве. А попасть в такой переплет, стать жертвой, которой «промывают мозги», проще простого. Для этого довольно или сравнительно незначительной провинности, или просто соответствующего социального происхождения.

Здесь следует рассказать об очень широкой социальной категории, которая в просторечии именуется «черная семерка». Это, как их именовала пропаганда, помещики, кулаки, контрреволюционеры, плохие элементы, правые элементы, «идущие по капиталистическому пути»,

и, наконец, «нечисть». Разумеется, в строгом социально-классовом смысле ни помещиков, ни кулаков в Китае нет. Здесь имеется в виду классовое происхождение людей. Что же касается остальных перечисленных категорий, то они звучат весьма расплывчато, не имеют четко очерченных социальных границ. Ибо, например, «контрреволюционером» либо «новым буржуазным элементом» в Китае может быть объявлен любой рабочий или крестьянин, не проявивший достаточного энтузиазма при выполнении распоряжения властей или проявивший хотя бы тень недовольства их политикой. Что же касается таких «социальных» категорий, как «плохой элемент» («хуай фэньцзы») или «нечисть» («ню-гуй шэшэнь»), то эти ярлыки могли бы звучать вообще анекдотически, если бы не приносили тяжких бед очень многим людям. Но эта неопределенность дает властям неограниченные возможности для навешивания разного рода ярлыков, для беззакония, для духовного и физического террора, которые являются синонимом «промывания мозгов».

Для власти эта «черная семерка» — неоценимая находка. На нее можно свалить вину за свою собственную авантюристическую политику, за все беды и напасти и даже за последствия, связанные с капризами природы.

Случилась засуха — представителей «семерки» первых обвинят в том, что они вырыли плохие колодцы. Произошло наводнение — им скажут, что они построили плохие плотины. Им достается самая грязная работа. Им платят за нее меньше всех. Они становятся первыми жертвами очередной политической кампании. Им последним кончают «промывать мозги». И дети их могут долго нести на себе печать проклятья.

«ТЕОРЕТИКИ» — ЮНЫЕ И ДРЯХЛЫЕ

Когда в Китае начиналась очередная идеологическая кампания, неизменно создавались курсы по изучению новых установок властей, «новейших указаний» Мао Цзэ-дуна. Через разные потоки этих курсов, объединяющих людей различных возрастов, различных уровней грамотности, «пропускались» рабочие предприятий, сотрудники учреждений, учащиеся различных учебных заведений. Обычно печать сообщала, что за такой-то период

времени было организовано столько-то потоков курсов, на которых изучались очередные установки властей.

Кроме этих временных курсов, были и другие постоянные организации, задача которых состояла в том, чтобы вдалбливать в головы людей догматические премудрости. На население страны оказывалось очень сильное идеологическое давление. И неудивительно, что все эти «штудии» утомляли людей, становились в их глазах нудной рутинной. Китайская печать нередко жаловалась на то, что слушатели курсов, участники политзанятий относятся к занятиям формально, впускают то, что им говорят, в одно ухо, а выпускают в другое. Особенно много упреков адресовалось в связи с этим молодежи. Многие ее представители, как сообщала печать, на занятиях излагают все правильно, а в жизни ведут себя так, словно все эти маоистские установки их абсолютно не касаются. Такие признания говорят о многом.

Руководители пропаганды старались хоть как-то разнообразить эти рутинные занятия, дать хотя бы новое название формам этих занятий. Так, за последние несколько лет большое распространение получили в Китае так называемые «отряды теоретиков». Они создавались и в начальных школах, и в учреждениях, и на предприятиях, и в учебных заведениях.

Обычно в связи с новой идеологической кампанией или поворотом в ее развитии газеты печатали, а радиостанции передавали подходящие к случаю изречения Мао Цзэ-дуна. Они служили «теоретикам» всех возрастов темой для написания статей. Нередко лучшие (с точки зрения властей) статьи на подобные темы помещались потом в газетах, передавались в эфир. Как правило, эти сочинения имели подзаголовок: «К изучению цитаты № 1... 6... 14...».

«Отряды теоретиков» не только сами изучали маоистские «науки», но и следили за тем, чтобы их изучали другие. С этой точки зрения «отряды» можно считать еще одним инструментом социального контроля. И эта их функция играла важную роль в организации властями повсеместного «промывания мозгов» населению.

Например, летом 1975 года харбинское радио поведало о «ценной» инициативе «отрядов теоретиков» городских гостиниц. Эти наблюдательные люди заметили, что командированные «после работы слоняются без де-

ла по
ретик
ких
ция,
длит
Ка
мени
и дру
Ле
еще с
тиков
Ор
лянь
софск
говор
учебн
ты эт
миров
В
тутовх
шей ч
обуче
дают
знани
трачи
дуна».
Пр
версит
но нов
зовани
Сп
до сей
писат
поняти
не под
ми, ф
А кит
связан
макси
родах
ски за
бюджет
не кот
концы

ла по улицам, не знают, как убить время». И вот «теоретики» незамедлительно организовали занятия для таких людей. Они проводились, как сообщила радиостанция, по вечерам три раза в неделю, каждое занятие длилось минимум два часа.

Как видно, «теоретики» не дремали, не теряли времени зря. Они «промывали мозги» не только себе, но и другим.

Летом 1975 года пекинская радиостанция сообщила еще об одном «новом почине в развитии отрядов теоретиков, в специализации изучения отдельных тем».

Оказывается, на судовой верфи «Хунци» в городе Далань создали ни больше ни меньше как «институт философских и социальных наук». Правда, в сообщении не говорилось ни о преподавании, ни об учебниках, ни об учебных программах. Зато говорилось о том, что студенты этого института «успешно преобразовывают свое мировоззрение на основе идей Мао Цзэ-дуна».

В нынешнем Китае немало и всяких других «институтов» и «университетов» на подобный лад. Они большей частью создаются при крупных предприятиях. Срок обучения в них разный, иногда до двух-трех лет. Они дают некоторые узкопрактические профессиональные знания, а основное количество времени «студенты» затрачивают на постижение все тех же «идей Мао Цзэ-дуна».

Пропаганда широко рекламировала подобные «университеты», пыталась представить их как принципиально новый подход к решению проблемы народного образования.

Спору нет, ликвидация неграмотности в стране, где до сей поры сотни миллионов людей не умеют читать и писать, — важнейшая и благородная задача. Однако понятно, что решить ее быстро, на современном уровне под силу только государству с его организационными, финансовыми и материальными возможностями. А китайские власти всячески старались уклониться от связанных с этим затрат и усилий, переложить их в максимальной степени на плечи трудового народа. В городах подобные «университеты» создавались практически за счет предприятий, в деревнях — за счет коммун, бюджет которых и без того крайне напряжен, крестьяне которых в большинстве случаев едва-едва сводят концы с концами.

Китайская печать и радио восхваляли те предприятия и коммуны, которые организовывали «университеты», «ничего не требуя от государства».

Сколько сейчас таких «университетов» в Китае?

3 января 1976 года агентство Синьхуа сообщило, что число «рабочих и крестьянских вузов, созданных предприятиями и коммунами, превысило 6 тысяч. В них учится больше 460 тысяч студентов». А в деревнях Китая сейчас насчитывается свыше 1220 «крестьянских университетов», где обучается 216 тысяч человек.

Сообщая об одном из таких «крестьянских университетов» в провинции Шаньси, пекинское радио подчеркнуло 5 февраля 1976 года: «При зачислении слушателей здесь следуют принципу «не принимать во внимание четырех». Это значит: не принимать во внимание возраст, уровень образования, количество человек (без ограничения), время учебы (могут закончить программу обучения раньше).

Как «в городских», так и в «деревенских университетах» главная дисциплина — и это не устает акцентировать официальная пропаганда — изучение политических установок, иначе говоря, то самое «промыывание мозгов». Кроме этого, как мы уже упоминали, студенты получают минимальный запас общеобразовательных сведений, небольшое количество профессиональных навыков. И еще студенты много и тяжело трудятся физически. Китайские средства массовой информации приводили всем в пример студентов тех «университетов», которые, опять-таки «ничего не требуя от государства», ни сырья, ни оборудования, ни денег, строили примитивные предприятия, полукустарные мастерские и т. д.

Итак, тратя огромные средства на милитаризацию общества, на раздувание военного психоза, на подготовку к войне, власти скупались выделять самые необходимые средства на цели народного образования. Организация процесса обучения в самодеятельных «университетах», его материальное обеспечение, судя по всему, оставляют желать много лучшего. Это понимают многие в Китае, подлинные патриоты страны, горячо заинтересованные в том, чтобы трудовой народ получал глубокие современные знания. Прежде всего это понимают образованные китайцы. Они, видимо, высказывают немало критических замечаний в адрес такого подхода к проблеме народного образования. Для того что-

бы запугать
паганда
«классовая»
ция про
вещут
у нас
соров,
универс
Эти
ды реш

Посл
именова
логичес
ров «К
сколько
мерно
хотя бы
сильств
в глухи
пропага
непрер
жены з
Китай. И
дворы».
разъясн
да газет
ние, по
усилени
зано от
дворов
зета от
дворами
полиции
чения.

В о
33 семь
дворе «
агитаци
тики»
о котор

бы запугать этих людей, заставить их замолчать, пропаганда, не раздумывая долго, вешает на них ярлык «классовых врагов». Так, 20 мая 1974 года радиостанция провинции Цзялинь заявила: «Классовые враги клеветуют на наши университеты, заявляют, что, во-первых, у нас нет специальных зданий и, во-вторых, нет профессоров, что наши учебные заведения совсем непохожи на университеты».

Эти вынужденные признания невольно выдают методы решения властями проблем народного образования.

«СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЕ» ДВОРЫ

После «культурной революции» пропаганда начала именовать некоторые экономические, политические, идеологические и культурные мероприятия пекинских лидеров «новыми социалистическими явлениями». Насколько в применении к этим явлениям правомерно определение «социалистические», можно судить хотя бы по тому, что в их число входит, например, насильственная ссылка образованной городской молодежи в глухие деревни. Тем не менее, если верить заявлениям пропаганды, число этих «социалистических» явлений непрерывно растет. «Социалистические» ростки обнаружены за последнее время и в ряде городских дворов Китая. Печать именovala их: «большие социалистические дворы». Что же они собой представляют? Обратимся за разъяснениями к «Жэньминь жибао». В январе 1975 года газета писала о том, что эти «дворы» — «новое явление, порожденное творчеством масс, и хорошая форма усиления контроля и управления в городах». Что ж, сказано откровенно. Выходит, что главная задача таких дворов — «усиление контроля и управления». Далее газета отмечала, что комитеты, управляющие «большими дворами», создавались с помощью местных отделений полиции, подразделений квартального народного ополчения.

В одном из таких «больших дворов» проживало 33 семьи, или 145 человек. Взрослые организовали во дворе «группы учебы и критики», а школьники «группу агитации и воспитания». Появился стенд «великой критики» (как тут не вспомнить «великое пустозвонство», о котором говорил Дэн То), стенгазеты и уголки под на-

званием «Сад учебы» и «Стать хорошим ребенком председателя Мао».

Что же нужно, чтобы стать таким вот «хорошим ребенком»? Об этом мы можем узнать из того, что происходило в другом пекинском «большом дворе». Там «хорошие дети» проводили критику Линь Бяо и Конфуция, идей «буржуазного права». Для этого «хорошие дети» прибегали, в частности, к форме стихотворно-песенного творчества, выпуску «молний», статей и стенгазет. Кроме того, шесть школьников организовали группу по изучению «трудов председателя Мао» и занимаются в ней три раза в неделю.

Но всего этого еще мало, чтобы стать «хорошим ребенком председателя Мао». Необходимо еще быть беспощадным к «врагам председателя Мао», даже если они являются твоими ближайшими родственниками.

В этом дворе появился «плохой элемент». «Комитет управления большим двором» тут же организовал «собрание критики». На нем выступил сын «плохого элемента», раскритиковавший «реакционные идеи» своего отца. «Теперь повсюду имеются глаза масс, подростки и молодежь организовали сменные посты и караулы, усилили патрулирование, поэтому плохим людям нигде укрыться», — заканчивает свой рассказ об этом дворе «Жэньминь жибао».

«КАК ВСЕ»

Молодому советскому читателю, очевидно, может показаться почти нереальным мир, встающий перед ним со страниц этой книги. Мир, где всему населению усиленно и планомерно «промывают мозги». Мир, где дети, не моргнув глазом, предают своих родителей. Мир, где порядки весьма напоминают казарменные, где всем заправляют военные, органы общественной безопасности, полиция, ополченцы.

И тем не менее этот мир реален, как и создавшая его политика.

Откровенную палочную дисциплину навязывали китайскому обществу Мао Цзэ-дун и его окружение. У них была своя цель. Ее еще в 1957 году выразил Мао Цзэ-дун, сказавший: «Наш объект — весь земной шар. Мы покорим мир и создадим мощную державу».

Вот почему вся страна превращалась в казарму. Вот

почем
даты!

Со
войн,
них»
им во

По
ние на
времен

Ко
его вы
кой вл
ное со
ям. Об
читате
нистов
ствени
билось
ная ре
диктат
прессн
были
щих (с
ка раб

Рег
ных л
Народ
«чисты
считан

Нег
людей
обман

Изв
янство
идеоло
ствие
нию, н
му лю
му же
вести
больше

Вме
предст
одна

почему над страной звучит лозунг: «Весь народ — солдаты!»

Солдаты армии, готовящейся для несправедливых войн, не должны иметь ни лишнего времени, ни «лишних» мыслей. Иначе они могут додуматься до того, что им вообще не стоит быть солдатами такой армии.

Поэтому пропаганда оказывала непрерывное давление на людей, поэтому людям и не давали свободного времени.

Конечно, этот мир не так прост и одномерен, как мы его выше описали. В нем есть и несогласные с политикой властей, и недовольные ею, и оказывающие пассивное сопротивление, и прибегающие к активным действиям. Об этом мы еще скажем. А сейчас хотим напомнить читателям ну хотя бы о Дэн То. Таких, как он, коммунистов было много и в партии, и в армии, и в государственном аппарате КНР. Поэтому властям и понадобилось такое гигантское кровопускание, как «культурная революция». А после нее военно-бюрократическая диктатура в Китае приобретала все более и более репрессивный характер. Репрессии и моральный террор были направлены прежде всего против людей думающих (они есть во всех слоях населения), против костяка рабочего класса, против интеллигенции.

Репрессии и террор — оружие сильное. Обыкновенных людей куда больше, чем героев. На то они и герои. Народ же, как мы видели выше, Мао Цзэ-дун считал «чистым листом бумаги». Прежде всего на него и рассчитан был обман.

Неграмотных, малограмотных, малообразованных людей в Китае большинство. Их легче обмануть. Их и обманывала пропаганда, от их имени и правили власти.

Известно, что трудящиеся классы, особенно крестьянство, не могут самостоятельно разработать научную идеологию, целостную картину мира. Не только отсутствие образования, привычки к абстрактному мышлению, необходимого объема информации мешают простому люду выработать стройное мировоззрение. Он к тому же в Китае задавлен тяжелой работой, вынужден вести непрерывную борьбу за существование. У него большей частью просто нет времени для размышлений.

Вместе с тем люди всегда тянулись к целостному представлению об окружающей действительности. Это одна из причин того, что многие люди усваивали

религиозное мировоззрение: оно обладает внешними признаками целостности. Китайская пропаганда предлагала населению внешне правдоподобную картину мира. В ней использовано немало отдельных лозунгов и установок научного социализма, которые пользуются глубокой популярностью у трудящихся.

Заметим также, что этот обман не так прост и прямолинеен, как может показаться с первого взгляда.

Пекинские власти взяли на вооружение некоторые способы обмана народа, разработанные еще в Древнем Китае. Много столетий назад Мэн-цзы, крупнейший последователь Конфуция, утверждал, что в государстве на первом месте стоит народ, а государь — на втором. В новом Китае грубо льстили народу, называя его «хозяином страны», «творцом истории» и т. д. И эта лесть оказывала воздействие на определенные слои населения. Есть в Китае люди, национальное самолюбие которых приятно щекочит националистические, китаеццентристские установки. Есть и такие, которые искренне гордились тем, что в Китае был свой, национальный «великий кормчий».

Конечно, все это больше относится к области социальных чувств, нежели разума. Но ведь и маоцзэдуновская пропаганда, лишенная строго научной базы, больше апеллирует к чувствам людей, чем к их разуму.

Мы упоминали выше, что эта пропаганда очень широко использовала массовые формы внушения, прибегала к способам эмоционального воздействия на свою аудиторию. И это составляло основную часть ее усилий.

Человек постигает истину разными путями: и разумом, и чувствами. Первый из этих путей гораздо надежнее, но зато он и гораздо сложнее. На свете немало людей, которые не склонны затруднять себя размышлениями. Великий изобретатель Эдисон как-то сказал: «Большинство людей готово безмерно трудиться, лишь бы избавить себя от необходимости немного подумать».

Добавим к этому, что человек далеко не всегда готов воспринять истину. Ему может мешать недостаток образования или слишком сложная форма, в которую облечена истина. Он, может быть, в данный момент не в настроении заставлять себя задумываться. Кроме того, истина просто может оскорблять его чувства, и он от-

кажет
очень
дуна»
тинау
тельн

И
мысли
низме
жани
ступа

Ра
себя
риска
с вла
ряют
них н
фии»
редко
конеч

«Е
прямо
вас и
только
же и

Та
ский

За
прим
ведл

Р
особ
все»

В
мать
прин
пред

кажется ее принять, согласиться с ней. Например, очень многих людей, слепо верящих в «идеи Мао Цзэ-дуна», могут искренне оскорбить замечания об антинаучности этих идей, об их практической несостоятельности.

И еще. В коллективе на людей, не приучивших себя мыслить логически, особенно сильно действуют механизмы социально-психологического заражения и подражания. Такие люди предпочитают думать, «как все», поступать, «как все».

Разумеется, жить так легче. Можно не затруднять себя самостоятельными размышлениями, не опасаться риска ошибок. Так можно избежать и конфликта с властями, крупных неприятностей. Многие люди ухитряются оправдывать такой подход к жизни тем, что от них ничего не зависит. У этой обывательской «философии» есть свои опасные рифы. На этом пути человек нередко превращается в законченного эгоиста, в труса, в конечном счете — в подлеца.

«Но вот как-нибудь случится беда небольшая — ну прямо с шерстинку или волос, — сейчас отвернутся от вас и как будто не знают... И если ты в яму упал, не только руки не дадут, но еще подтолкнут, да к тому же и камнем сверху тебя придавят — ведь все таковы».

Так писал о «философии» «как все» древнекитайский мыслитель Хань Юй (VIII—IX вв.).

Заразная это вещь — думать, «как все». Можно, например, жить заемным умом, закрывая глаза на несправедливость, на моральную нечистоплотность.

...«Как все» — понятие удобное,
почти что знаменем становится.
И вроде бы такое доброе,
не зря душа на это ловится.
«Как все»... Забыты возражения
с единодушностью слепой.
«Как все»... Отменены сражения
с неправым близким и с собою...

Римма Казакова правильно подметила некоторые особенности чрезвычайно живучей «философии» «как все».

Выражение «как все», разумеется, не следует понимать буквально. Ведь в любом обществе есть люди принципиальные, мужественные, отзывчивые. «Как все» предпочитают поступать и думать люди ленивого ума

и черствого сердца, люди робкие. Все, кто прежде всего заботится о том, чтобы беда обошла стороной его лично, кто в общем-то равнодушен к беде товарища, к беде страны.

О таких вот и говорил в свое время известный писатель Бруно Ясенский:

«Не бойся врагов — в худшем случае они могут тебя убить.

Не бойся друзей — в худшем случае они могут тебя предать.

Бойся равнодушных — они не убивают и не предадут, но только с их молчаливого согласия существуют на земле предательство и убийство».

Нередко такие вот равнодушные очень гордятся своей «практичностью», то есть умением избежать излишних, с их точки зрения, осложнений для себя, излишних проблем.

На таких «практичных» людей гневно обрушивался К. Маркс. Перед выходом в свет своего главного труда — «Капитала» К. Маркс писал: «Я смеюсь над так называемыми «практичными» людьми и их премудростью. Если хочешь быть скотом, можно, конечно, повернуться спиной к мукам человечества и заботиться о своей собственной шкуре. Но я считал бы себя поистине непрактичным, если бы подох, не закончив полностью своей книги, хотя бы только в рукописи» *.

Китайская пропаганда стремилась убедить население страны в том, что люди должны думать и поступать по маоистским рецептам — «как все». И прежде всего — податливую и наивную молодежь, подрастающее поколение. Она всеми силами старалась воспитать, как она вырождалась, «продолжателей дела пролетарской революции», «революционную смену». Какие же качества прививала она молодежи?

* К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 31, с. 454.

УКРАДЕННАЯ ЮНОСТЬ

«1959 год.

Председатель Мао — это мой отец.
Идеи председателя Мао как солнце».

«1961 год. 22 февраля.

...Когда я погрузился в сон, я увидел председателя Мао... Я действительно стану хорошим солдатом председателя Мао».

Из дневника Лэй Фэна

Мы уже говорили о том, что маоизм прибегал к социальной мимикрии, широко использовал некоторые социалистические лозунги, установки, марксистско-ленинскую фразеологию в целях своей шовинистической политики. В материалах пекинской пропаганды в изобилии встречались такие слова, как «революция», «коммунистическая партия», «социализм». Но на практике эти высокие понятия искажались, словно в кривом зеркале, теряли свое истинное содержание, становились инструментом пропагандистского обмана, «промывания мозгов». Революция практически была превращена в контрреволюцию («культурная революция»), КПК, сохранившая лишь старое название, — в послушное оружие в руках представителей пекинской правящей верхушки, социализм — в чудовищную карикатуру на социализм.

Суть всех этих высоких понятий была выхолощена, превращена, как видим, в свою противоположность. Но словами, обозначающими понятия, которые дороги всем людям труда на земле, пекинские руководители широко пользовались, стремясь обмануть свой

народ, другие народы, внушить им, что они, пекинские идеологи, стоят-де на позициях научного социализма.

Вот почему социалистическая фразеология есть чуть не в каждом абзаце дневников «образцовых» молодых маонистов, много лет публиковавшихся в Китае.

Кто такой Лэй Фэн, слова которого мы процитировали в эпиграфе? Молодой образцовый солдат НОАК, погибший при случайных обстоятельствах. После смерти Лэй Фэна был издан его дневник. В 1963 году Мао Цзэ-дун высочайше повелел всей китайской молодежи «учиться у Лэй Фэна», этого канонизированного «святого» в маонистском религиозно-политическом пантеоне. Чему учиться?

Слепому преклонению перед Мао Цзэ-дуном, беспрекословному выполнению всех, даже преступных, распоряжений властей, абсолютному самоотречению и готовности умереть в любую минуту во имя маонистских авантюристических «идеалов».

За Лэй Фэном последовал целый легион как две капли воды похожих на него маонистских «героев». Их дневники публиковались и во время «культурной революции», и потом. Менялись имена авторов. Но неизменной оставалась идейно-политическая суть, приданная им пропагандой. Это все те же «винтики», готовые на гибель во славу Мао Цзэ-дуна, во имя антисоциалистических, гегемонистских притязаний пекинского руководства.

Один из таких «образцов» — Ван Цзе, солдат, погибший в результате неосторожного обращения с миной.

Конечно, приписывать любые мысли и чувства гораздо удобнее мертвым. Ведь они не могут возразить, поспорить, не могут изменить свое мнение, высказанное за них пропагандой. Но в конечном счете не так уж важно, принадлежат эти дневники самим авторам или их состряпали на пропагандистской кухне. Важнее то, чего хотят с их помощью достигнуть. Они послужили средством идейно-психологической обработки самых разных категорий китайской молодежи. Они были призваны показать, что «идеи Мао Цзэ-дуна» якобы глубоко проникли в массы. С помощью таких солдатских дневников велась идеологическая артподготовка «культурной революции».

Разумеется, у людей, обладающих жизненным опытом, образованных, подобные строки из дневников, эта убогая политическая иконопись, могут вызвать лишь улыбку. Многие образованные люди в Китае так и относятся к этой продукции. Но она и не была рассчитана на них. Ее адресатами были люди, не умудренные жизненным опытом, необразованные. Именно таким людям подобные измышления должны были внушать слепой фанатизм, дух самоотречения, подводящий к грани самоуничтожения, беспрекословное подчинение властям. Причем требовалось буквально исполнять распоряжения властей, с формализмом, казалось бы, доходящим до абсурда. Но формализм этот был не случаен: он не оставлял жертве никакой возможности выбора, никакой почвы для самостоятельных размышлений, а значит, для критического подхода. Этот формализм коренится еще в стародавней конфуцианской традиции. Она тоже требовала буквального исполнения указаний властей, норм соответствующей морали. Одной из таких неукоснительных норм было уважение к родителям. Никто не усомнится в том, что это благородное, глубоко человеческое чувство. Однако конфуцианцы очень часто доводили его до абсурда. В одной из старинных китайских книг повествуется о некоем Лай-цзы, образцовом сыне. Он был настолько преисполнен уважения к родителям, что до семидесятилетнего возраста ходил в коротких штанишках и резвился, словно малое дитя. Делалось это для того, чтобы не напомнить, не дай бог, родителям об их почтенном возрасте. Как-то Лай-цзы нес воду и, поскользнувшись, упал. Он не торопился подняться. Лежа на земле и, видимо, страдая от ушиба, он продолжал изображать ребенка, чтобы потешить родителей.

И пропаганда требует от китайцев, как от Лай-цзы, буквального исполнения всех распоряжений властей, всех политических установок. В этом она видит залог полного подчинения человека. Идеал пропаганды — нерассуждающий фанатик, слепо верящий всему, что ему внушают.

Вот эпизод, рассказанный в свое время хунвэйбинской листовкой. Случилось это в ноябре 1966 года, когда в Пекине происходил очередной слет хунвэйбинов. Один из участников слета случайно упал в озеро Кунмин и стал тонуть. Тогда десятки юношей, совсем не умеющих

или плохо умеющих плавать, но движимых желанием продемонстрировать презрение к смерти, которое неустанно внушает им пропаганда, стать «героями» на маонистский лад, тоже бросились в ледяную кашу замерзающего озера и, конечно, тоже стали тонуть. Поскольку им всячески внушали веру в чудодейственность высказываний Мао Цзэ-дуна, они, барахтаясь в воде, повторяли слова Мао словно молитву, спасающую от бед. Оставшиеся на берегу «помогали» тонущим, скандируя изречения Мао.

Фантастика и вместе с тем реальность. Явный случай массового религиозно-политического психоза на почве фанатизма. Хунвэйбинновский листок так и не сообщил, сколько же молодых утонуло тогда в озере Кунмин. Да его это и не интересовало. Он ставил перед собой другую цель: убедить читателей, что люди даже ценой собственной жизни должны демонстрировать преданность Мао.

Фанатики очертя голову бросились в ледяную воду. Они могут броситься и в огонь. В огонь войны.

В сиянии «идей Мао» исчезал, растворялся человек. Он превращался в недолговечную иллюстрацию все тех же «нетленных идей». Человека нет. Есть лишь человеконенавистнические «идеи». Найдется ли более убедительное доказательство того, что все человеческое чуждо этим «идеям», а сами «идеи» — живому, полнокровному человеку.

Когда читаешь на страницах китайской печати сушальские и нелепые эпизоды вроде вышеописанного, полные самоуничижения строки ходульных маоцзэдуновских «героев», то вспоминаешь иные строки, строки М. Е. Салтыкова-Щедрина. Вот какие «мысли» вложил великий сатирик в уста одного из своих ничтожных героев: «Господи! сохрани мою невинность! Пошли мне глаз слепоту, языка онемение, ума оглушение и чувств помрачение! И да пребуду вовеки блажен!»

Такие же «герои» намеревались вкушать «вечное блаженство» в «лучезарных идеях Мао Цзэ-дуна». Именно «вечное блаженство», ибо земной путь их краток и безрадостен. «Лучезарные идеи» ведут их через боль и страдания прямехонько к смерти. Боль и страдания для такого «героя» — важные испытания, они для него подготовка к главному испытанию — смерти. Иногда в рассказах такие герои побеждают,

вдохновленные «идеями Мао Цзэ-дуна», и, конечно, возносят своему кумиру хвалу. Но гораздо чаще герой погибает. Однако главное не его смерть и посмертная слава, а то, что последние мысли героя были о Мао Цзэ-дуне.

4 августа 1975 года радиостанция города Цинцикара оповестила слушателей о новом маоистском «герое», некоем Гао Юй-лине. Этот человек неизлечимо болен, у него злокачественная опухоль. А партком города Цинцикара в своем специальном постановлении призвал китайских трудящихся «брать пример с Гао Юй-линя». В чем же, собственно? В том, что Гао Юй-линь, пренебрегая своей тяжелой болезнью, «упорно изучает идеи Мао Цзэ-дуна», «оценивая их дороже собственной жизни».

С ПЕРВЫХ ШАГОВ

Для того чтобы довести человека до состояния фанатического самоотречения, нужно время. В нынешнем Китае активно «промывать мозги» человеку начинают с первых его самостоятельных шагов.

Вот что пишет по этому поводу француз Морис Снаттар в своей книге «Тысяча дней в Пекине». «Эта травмированная с ясельного возраста молодежь, которую заставляют кричать, что председатель Мао — «самое красное солнце в их сердцах» и что его надо любить больше, чем собственных родителей, не виновата: она — продукт чудовищного воспитания. Маоистское воспитание, методически подготавливающее отчуждение от своего «я», от собственной личности, — это психическое убийство сродни гитлеровскому крематорию. И его нужно точно так же разоблачать!»

Такую уничтожающую, но справедливую оценку маоистскому «воспитанию» дал человек, наблюдавший Китай своими глазами.

Этот копвейер духовных уродов работал с неуклонной методичностью. Его работа приносила страшные плоды.

В начале «культурной революции» газета «Хунвэйбин бао» рассказала о шестилетней девочке по имени Цю Хун. По словам газеты, малышка, воспитанная на «идеях Мао Цзэ-дуна», в четыре года знала уже, кто хороший, а кто плохой, знала, что надо любить, а что ненавидеть. В пять лет она начала изучать произведения Мао

Цзэ-дуна. В шесть — декламировала наизусть десятки его изречений.

У этой девочки, наверное, хорошая память. Может быть, даже очень хорошая. Но гораздо важнее другое: то, что в нынешнем Китае подобные маленькие попуган — явление вполне обыденное.

«Цю Хун, разве ты не думаешь о семье? — спросил ее кто-то из хунвэйбинов.

— Нельзя думать о семье, — ответила девочка. — Революция важнее, победа идей Мао Цзэ-дуна важнее. Думать о семье — это догматизм».

Вот так рассуждает шестилетний «философ», которому все на свете ясно. По словам хунвэйбиновской газеты, шестилетнюю Цю Хун возили по городам и весям, демонстрировали как образец «овладения идеями Мао Цзэ-дуна».

И когда размышляешь над этим фактом, на память приходит коротенькая притча, рассказанная знаменитым китайским писателем XVII века Пу Сун-лином. Автор назвал ее «Человечек». Вот эта небольшая, полная значения притча.

«При Кан-си * появился какой-то маг с коробкой, в которой был спрятан маленький человечек, ростом около фута. Когда ему бросали деньги, он открывал коробку и выпускал человечка, который пел песню и опять уходил к себе.

Маг явился в ямынь **. Народоправитель потребовал коробку и удалился в свои покои, где стал подробно расспрашивать человечка о его происхождении. Тот сначала не решался говорить, но правитель продолжал задавать настойчивые вопросы, и человечек наконец рассказал о себе и своих родных все подробно.

Оказалось, что этот мальчик весьма начитанный. Как-то раз он шел домой из школы. К нему пристал с разными соблазнами маг, давший ему, кроме того, еще какое-то снадобье, от которого все четыре его конечности съежились, сократились. Тогда маг стал носить его с собой как игрушку или прибор для фокуса.

Правитель рассердился и казнил мага, а мальчика оставил у себя. Хотел было лечить его, но до сих пор все еще не набрел на верное средство».

* Кан-си — китайский император (1662—1722).

** Ямынь — присутствие, учреждение, канцелярия в старом Китае.

Жестоким и жадным маг из притчи изуродовал мальчика и, показывая его за деньги, наживал капитал.

Жестоким и жадным до власти пекинские руководители уродовали китайскую молодежь, пытаясь нажить на этом политический капитал.

С одной стороны, подрастающее поколение Китая воспитывалось в духе обожествления Мао Цзэ-дуна, в духе беспрекословного повиновения властям. Человека превращали в слепое орудие властей, в пассивный инструмент. С другой стороны, власти требовали от человека как можно большей активности при выполнении их указаний. Итак, в одном человеке должны ужиться такие противоположные качества, как активность и пассивность. Как же разрешается это противоречие? Легче, чем кажется на первый взгляд. Человеку нельзя подвергать сомнению мудрость Мао Цзэ-дуна, «справедливость» указаний властей. Тут ему принадлежит пассивная роль. А когда он выполняет приказы начальства, он должен проявлять максимальную активность. Тут ему разрешено все: и дерзость, и оскорбление, и даже преступление. Именем Мао Цзэ-дуна ему все простится, все зачтется. Школьник может надерзить родителям, оскорбить учителя, обидеть взрослого соседа. Он может быть максимально «активным», выполняя указания Мао Цзэ-дуна. Но только в этих узких рамках. Переступить их никому не дано.

Тех, у кого с точки зрения властей уже достаточно «промыты мозги», широко используют для идеологического, а если нужно, и физического давления на других. Дети, неопытные и доверчивые, легче поддаются обработке в маоистском духе. А потом этих несовершеннолетних доктринеров превращают в «воспитателей». И они, большей частью не ведая, что творят, принимают свою роль весьма серьезно. Это и понятно. Такая роль льстит многим из них: им доверено «воспитывать» взрослых! Средства массовой информации оказывали таким «воспитателям» значительную помощь: поднимали их на щит, непрерывно хвалили их. За последние годы таких примеров было очень много. Вот один из них.

5 марта 1974 года в провинциальной газете «Цзилинь жибао» были опубликованы два письма: письмо школьницы четвертого класса Ян Мин-ши и ответное письмо секретаря партийной организации той же школы и председателя «ревкома» школы Ван Ю-чжэнь.

Вот что писала школьница в своем письме:

«Председатель Ван Ю-чжэнь!

...Во второй половине 1973 года я была переведена в эту школу. Накануне перехода я слышала от учащихся много о вас, главным образом о том, что вы — человек вредный. Однако в то время я не придавала значения этим разговорам, так как не имела представления о вас. После того как я перешла в эту школу, я приняла участие в военной подготовке. Наш отряд быстро прогрессировал. Как-то двух одноклассников выгнали из строя. Получив нагоняй, они простояли на месте до конца занятий. Потом я подошла к ним и выяснила причину конфликта. Оказалось, что во время занятий один из них снял головной убор с другого. Разумеется, руководитель поступил неправильно. Не было проведено обследование и изучение этого дела, а тем более — морально-политической работы. Кроме того, такие методы наказания не подходят. Какой толк от такого наказания? До прихода в эту школу я училась в первой средней школе в уезде Лишу, где хорошо налажена работа в области морально-политического воспитания и дисциплины. Однако, когда я перешла в эту школу, из-за того, что я не завязала на тапочках шнурки, вы заставили меня долго стоять перед всеми. Я заплакала от обиды, так как никогда еще не подвергалась такому наказанию. Я была очень расстроена... Я думала, что демонстрация силы в наше время уже потеряла значение, ведь она лишь преследует цель заставить нас стоять перед классом, чтобы напугать остальных. После этого вы позвали меня в свой кабинет, где терпеливо воспитывали меня, а я слушала ваши наставления. Если бы вы и в дальнейшем продолжали так же воспитывать меня, было бы лучше... Подумайте над тем, что я написала.

С боевым приветом
Учащаяся первой группы
четвертого класса
Ян Мин-ши.

14 февраля 1974 года».

Вот что ответила в своем открытом письме, адресованном всем учащимся школы, председатель «ревкома» Ван Ю-чжэнь.

«Сегодня я получила письмо от школьницы Ян Мин-ши. По примеру Хуан Шуай (пекинская школьница, также использованная для «воспитания» взрос-

лых. — М. С.), которая первой выступила против течения, Ян Мин-ши первой открыла огонь по моей ревизионистской линии в области просвещения. Это — отличный огонь. Потому что он не только воспитал меня, самое главное, он является ударом по возврату ревизионистской линии в деле просвещения и сильнейшей критикой «авторитета учителей».

Я горячо приветствую письмо Ян Мин-ши. Я буду учиться у Ян Мин-ши, которая смело выступила против течения...»

Весьма любопытная, ярко характеризующая политическую атмосферу в стране переписка. Маленькая ученица в дерзком тоне пишет воспитателю, дает ему непрошенные советы. А воспитатель в униженно-покаянном тоне принимает советы, обещает учиться у маленькой школьницы.

Власти использовали детей как орудие духовного, а если надо, и политического, и физического террора против взрослых. Что касается «теоретических» дискуссий, то это лишь форма, только «правила игры». И каждому взрослому это яснее ясного. Ведь за плечами — «культурная революция» с ее произволом, кровопролитием и бандитствующими хунвэйбинами, которых взрослые вооружили «теоретическим» оружием и которым было заранее дано отпущение всех грехов.

Оглянемся, вспомним, как это было. Нам станет яснее, почему сегодня воспитатели боятся тех, кого они должны воспитывать. Опасно перечить детям, за плечами которых стоят безжалостные взрослые политиканы. Детям, которые воспитываются в духе фанатизма и жестокости.

ФАНАТИЗМ ПЛЮС ЖЕСТОКОСТЬ

...слова, отражающие суть маоцзэдуновского воспитания. Молодому поколению намеренно давали предметные кровавые уроки жестокости, уроки садизма. Это, по мысли маоистов, должно не только растлить морально молодое поколение, но и сплотить его вокруг режиссеров подобной политики, связать общей веревочкой преступления, навсегда отрезать искалеченным молодым путь назад, к людям.

Как это происходит? Обратимся к рассказу очевидца и участника подобных событий, китайского школьника,

потом хунвэйбинского вожака, потом беглеца из Китая, некоего Лин Гэна. Его книга, озаглавленная «Месть неба», была издана несколько лет назад за рубежом.

Откроем те ее страницы, где излагаются события, происшедшие в средней школе города Амоя на юге Китая, где учился в то время пятнадцатилетний Лин Гэн.

Итак, июнь 1966 года. Взрослые провокаторы натравили школьников на учителей...

«Я не думал, что события развернутся так быстро. В полдень мы с ребятами возвращались с морского пляжа и, подходя к воротам школы, услышали громкие выкрики, шум голосов, навстречу нам бежали несколько приятелей. Они кричали: «Борьба началась! Борьба началась!»

Я вбежал в школьные ворота и увидел на спортплощадке перед четырехэтажным административным корпусом ряды учителей. Их там было человек сорок-пятьдесят. Их головы и лица были размазаны черной тушью, что придавало им вид коварных злодеев. На груди каждого висела табличка с надписью: «Реакционный авторитет в науке (имя)», «Классовый враг (имя)», «Идущий по капиталистическому пути (имя)». Все эти ярлыки были взяты из газет. Все надписи на табличках были перечеркнуты красной тушью, и это как бы превращало учителей в преступников, ждущих суда.

На каждом из учителей были островерхие бумажные колпаки с подобными же надписями. За плечами учителей были метлы, тапочки, узелки с бельем и тому подобное, а на груди висели ведра, полные камней. Я увидел директора школы. Ведро с камнями на его груди было таким тяжелым, что проволока, на которой оно висело, впивалась в тело. Он покачивался под тяжестью ведра. Все учителя были босыми. Расхаживая гуськом по спортплощадке, они били в барабаны и гонги, громко восклицая: «Я — черный бандит (имя)!» Потом все они встали на колени и начали просить прощения у Мао Цзэ-дуна.

Увидев такое зрелище, я от испуга разинул рот, вытаращил глаза и побледнел.

Затем последовали побои и пытки. Никогда прежде я не видел таких пыток: учителей заставляли глотать экскременты, насекомых, их пытали электрическим то-

ком, ставили на колени на битое стекло, подвешивали со связанными руками и ногами в позе «самолета» и т. д.

Многие ученики еще побаивались учителей, некоторые из ребят ни разу в жизни не ударили человека. Поэтому они стояли в нерешительности. Тогда Квадратный начал подбадривать ребят. Он забрался на низенькую выщербленную каменную стенку и, держа в руках цитатник Мао Цзэ-дуна, охрипшим голосом подначивал ребят приступить к делу. Особенно налегал он на высказывания Мао Цзэ-дуна из его доклада по обследованию крестьянского движения в провинции Хунань, в котором говорится, что можно использовать такие методы, как физическое насилие и террор. Он громко кричал: «Разве мы перегибаем палку? Не перегибаем! Со всем не перегибаем! Это хорошее движение!»

В это время некоторые школьники схватили палки и начали дубасить учителей...

Тогда и другие ученики осмелели и заорали: «Бей их! Бей их!» Они подбежали к учителям и начали бить их ногами. Мало-помалу даже топтавшиеся в стороне и глазевшие на это ученики тоже раскричались и, размахивая палками, включились в избивание учителей.

И в этом их поведении нет ничего удивительного. Обычно младшие школьники ведут себя спокойно и вежливо, но уж если их втянут в какое-нибудь дело, они от других не отстанут.

Директора школы избивали сильнее других. Во дворе школы был небольшой холмик. Директора поставили на колени на самом краю холмика. Стояло директору чуть наклониться вперед, как висевшее у него на груди тяжелое ведро могло опрокинуть его. Он простоял на коленях подряд пятнадцать минут, и тогда все увидели, что он вот-вот упадет. Его подняли. Один из школьников ударил его палкой в грудь, звук был такой, словно ударили по баскетбольному мячу. От боли директор закричал: «Спасите, спасите меня!» Один из учеников выплеснул ему в рот пузырек туши. «Вот кто спасет тебя!» — загоготал ученик. После этого он нанес директору несколько ударов по голове. Директор упал на землю. Он тяжело дышал, глаза его были закрыты, рот был полон туши и крови.

Что больше всего потрясло меня в тот день, так это убийство самого уважаемого мной учителя Чэнь Гу-

дэ. Он был признан одним из тех, кто вызывает самые большие сомнения. Он еще до двенадцатого июня был заперт в комнате под лестницей, и его пытали дунганцы из одиннадцатой группы. Я не мог отговорить ни Стоит только оказать кому-нибудь хоть малейшую помощь, как можешь сам попасть в район тюрьмы. И все-таки я думал о том, как спасти его. Но что можно было сделать! Я даже написал тем, кто избивал его, что они потеряют лицо в моих глазах, что я отомщу им, но это не помогло. Учитель Чэнь словно предвидел все, что с ним произойдет. В письме из своего заключения он писал: «Я человек прямодушный, таким и умру».

В половине двенадцатого они выволокли более чем шестидесятилетнего, страдающего высоким давлением человека из комнаты, куда он был заперт. Большие двух часов он маршировал под палящим солнцем. На нем красовались те же позорные «доспехи», как и на всех остальных, он так же, как они, бил на ходу в барабан. Потом его втащили в учительскую на второй этаж, снова стащили вниз, по пути все время били, подгоняли рукояткой метлы. Когда он был на втором этаже, некоторые ученики били его бамбуковым коромыслом. Я пытался остановить их, говорил: «Зачем вы так поступаете? Это уж слишком!»

Несколько раз он терял сознание, они обливали его холодной водой, и он приходил в себя. Ему было трудно двигаться. Ноги его во многих местах были поранены осколками стекла, колючками, но сознание оставалось ясным. Он восклицал: «Почему вы не убиваете меня? Убейте меня!»

Все это продолжалось более шести часов кряду. Наконец он утратил возможность контролировать свои физиологические отправления, тогда они воткнули ему в задний проход палку. Учитель Чэнь рухнул на землю. Они снова окатили его холодной водой, но было уже поздно.

И только тогда бандиты прекратили свои издевательства. Кто знает, может быть, им впервые пришлось замучить человека до смерти. Большинство из нас тоже впервые видели подобное. Некоторые начали разбегаться. Злодеи тоже, кажется, были напуганы содеянным. Они потащили тело учителя Чэня со спортплощадки, положили его в деревянной беседке, пе-

ред которой учителя играли в пинг-понг, и только тогда отправились за врачом.

«Посмотрите-ка его повинимательнее. Не от высокого ли давления он скончался? И не вздумайте его защищать!»

После осмотра врач заявил, что учитель Чэнь скончался от пыток. Тогда некоторые из них набросились на врача с побоями.

«Ты почему с ним заодно? Вы — одного поля ягода?»

В конце концов врач написал в свидетельстве о смерти: «Скончался от высокого кровяного давления».

После этого свидетельство подписали и палачи учителя Чэня, и наблюдавший все это Квадратный. А когда пришла мать учителя Чэня, ей отдали тело сына только после того, как она согласилась с «официальной версией смерти».

Невозможно читать подобное без гнева и омерзения. Но нельзя руководствоваться только чувствами. Немного приглушив их, мы отдадим себе отчет в том, что все эти преступления творились именем Мао Цзэ-дуна (это подчеркивается в книге). Мы ясно представим себе психологический путь озверения, на который власти толкали школьников, даже маленьких. Так фанатизм соединяется с жестокостью. Этими трудноизлечимыми болезнями человек заболевает не сразу. Подготавливает его к этому пропаганда, вбивающая в голову «идеи Мао Цзэ-дуна». «Промывание мозгов» завершается практическими уроками садизма, такими, о которых мы прочитали.

Автор книги рассказывает о том, что он не сразу привык к преступлению. Сначала спал беспокойно. Потом все пошло на лад, и преступление стало делом обыкновенным. И не только для него, для остальных мальчишек. Для девочек тоже. Они соревновались с мальчишками в грубости, в циничной ругани, в жестокости по отношению к своим жертвам. Девочки и мальчики состязались в злодеяниях!

Вот так «культурная революция» стала всекитайским «университетом» фанатизма и жестокости для многих, прежде всего для подростков и молодежи.

А теперь, читатель, попробуй представить себе, как воспринимает китаец, переживший трагедию «культурной революции», настоячивые напоминания пропаганды о том, что она должна не раз повторяться.

Пропаганда — это не только «промывание мозгов». Это еще и постоянные угрозы расправы, адресованные всем инакомыслящим, духовный террор. Вот почему эта пропаганда — настоящая соучастница всех преступлений, которые творили пекинские руководители на земле Китая.

Ударным орудием, кровавым тараном подобных преступлений часто выступала оболваненная молодежь. На нее у властей были особые виды. В ней, вернее в ее обмане, они видели залог продления своего могущества. Вот почему подрастающее поколение пропаганда держит в своих хищных когтях с первых его самостоятельных шагов. В школе ребенку еще более настойчиво «промывают мозги». Но вот школа позади. Что ждет ее выпускников?

«ЛИШНИЕ» ЛЮДИ

44

Есть явления в нынешней китайской действительности, которые особенно наглядно и убедительно демонстрируют и несостоятельность социально-экономической политики властей, и лживость их пропаганды, и недовольство населения политикой властей. К числу таких явлений относится, например, насильственная ссылка людей из городов в деревни.

44

В китайских городах, оказывается, есть «лишние» люди. К тому же их много. И, как это ни странно, «лишней» оказывается в городах самая динамичная и образованная часть населения — юноши и девушки, окончившие среднюю школу.

Давно уже в КНР образованную городскую молодежь ссылают в деревни. С особенным усердием взялись за это с декабря 1968 года, после высочайшего повеления Мао Цзэ-дуна. Даже по китайским официальным данным, с тех пор в деревни выслано значительно более 14 миллионов человек. Зарубежные специалисты по Китаю приводят иную, очевидно, более близкую к истине цифру: 25—30 миллионов человек. Во всяком случае, время от времени китайские города «победоносно» рапортуют о том, что 80—90 процентов образованной молодежи отправлено в деревни. В конце 1974 года пекинское радио похвалилось, что 90 процентов образованной молодежи Пекина и пригородов выдворено из города.

А насильственный «великий исход» продолжается. Темпы его нарастают. Как любое, важное для пекинских властей мероприятие, это тоже сопровождается немислимой пропагандистской шумихой. Органы массовой информации постоянно напоминают родителям, что они должны уговаривать своих детей покидать город. Газеты печатают рассказы о жизни городской молодежи в деревнях. Такие материалы призваны показать, что молодые нашли правильный путь в жизни, что они благодарны Мао Цзэ-дуну, который указал им путь. Отправку каждой очередной группы молодежи в деревни стараются обставить поторжественнее. Гремят гонги и барабаны, звучат неискренние речи, слишком натянуто выглядят улыбки тех, кто уезжает якобы по собственной воле. С каждой такой группой ссыльнопоселенцев едут в большом количестве кадровые работники. Их роль в деревне — быть надзирателями, неусыпно следить за ссыльной молодежью.

Постоянной кампании ссылки посвящаются еще и песни. Их в обязательно-добровольном порядке сочиняют люди всех возрастов: и сами кандидаты в ссыльные, и их младшие братишки и сестренки, и их «осчастливленные» родители.

Вот одна из таких песен, сочиненная пекинской школьницей:

Сегодня сестра уезжает из дома.
В ее сердце распустились красные цветы.
Нужно ехать в деревню для ведения революции.
Сестра слушается только председателя Мао.
Уезжая, она сказала мне несколько сердечных слов:
«Маленькая сестренка, расти поскорее,
Критикуй Линь Бяо и Конфуция.
Вырастешь, тоже поедешь в деревню,
Чтобы пустить там свои корни».
Я выслушала сестру и торопливо ответила:
«Хунсяобины маленькие, но они полны энергии.
Давай посмотрим, чей вклад в строительство
Новой социалистической деревни будет больше».

Трудно назвать песней это перечисление официальных лозунгов и установок. Впрочем, и тьма других песен мало чем отличается от этой. Вот их типичные названия: «Независимость, самостоятельность, опора на собственные силы», «Критиковать Линь Бяо — вредного элемента», «Соревнование за накопление зерна в фонд подготовки к войне» и т. д.

Такие песни в Китае изготавливаются поточным методом холодной штамповки. Вот строки из сообщения агентства Синьхуа от 23 мая 1976 года. «...Во многих районах страны устраиваются курсы для активистов по составлению песен... В городе Шанхае очень популярны песни «Классовая борьба — решающее звено», «Да здравствует великая победа великой пролетарской культурной революции» и другие... За несколько месяцев в городе Тяньцзине написано около тысячи песен. В городе Шэньяне за три с лишним месяца было проведено 110 семинаров авторов песен».

От этих песен, собственно, и не требуется, чтобы они будили глубокие чувства, облагораживали человека. Их цель в другом. Нужно, чтобы люди «пропели» все те же самые лозунги, которые они слышат на собраниях, читают в газетах. А чтобы подсластить горькую пилюлю, эти песни нередко сочиняются на известные, даже любимые народом мелодии. Впрочем, прием этот не нов. Им пользовались еще в Древнем Китае.

Пекинская пропаганда всячески пыталась «облагородить» ссылку молодежи. Она именовала ее и «великим стратегическим планом председателя Мао», и «новым социалистическим явлением», и «подлинной революцией в деревне».

А что говорят об этом сами жертвы ссылки?

Гуанчжоу, 1968 год. На стенах городских домов появились гневные дацзыбао.

«Мы люди, а не скот», — заявляли авторы одной из них. Они рассказывали о том, что им довелось пережить. Восемьдесят юношей и девушек работали на полях по шестнадцать и более часов в сутки. Им выписывали так мало трудодней, что они часто были не в состоянии расплатиться за свое питание. Их сторожили, чтобы они не могли убежать. Больные не получали никакой медицинской помощи.

Вот еще один отрывок из дацзыбао того времени:

«Нас обманывали. Утверждали, что нас отправят на прекрасные фермы с тракторами и всем необходимым. Почему же тогда одни из нас умерли, другие покончили самоубийством, третьи оказались в тюрьме?»

Многие из тех, кто бежал из этой пожизненной ссылки, оказались в тюрьме. Их жизнь там обрисовывается в одном нехитром, но искреннем стихотворении, широко распространенном в Шанхае в годы «культур-

ной революции. Очевидно, таких стихотворений в Китае есть немало. В каждом из них правда, которой не найдешь в подневольных песнях.

Судя по тексту этого стихотворения, его безымянный автор — один из тех, кто был сослан в деревню, бежал оттуда и попал в тюрьму.

Один цзинь * наручники весят, а вот
Зашелкнут, и сердце от страха замрет.
Два раза в день баланду хлебаешь,
И днем и ночью наешься мечтаешь.
Три ступеньки — один надзиратель.
Отсюда ты не уйдешь, приятель.
Четыре стены. От них сыростью тянет.
Солнечный луч сюда не заглянет.
Пять барakov — шестая вышка.
На ней часовой. Шаг в сторону — крышка!
Шесть чи ** вперед, шесть чи — назад.
Мечешься волком. Жив — и то рад.
Семь часов наступает. И вот
Опять на допрос надзиратель ведет.
Восемь прутьев — решетка в окне.
Ее не сломать ни тебе, ни мне.
Много раз задаю вопрос:
За что пережить мне все это пришлось?
И каждый раз себе отвечаю:
Тюремщики знают, а я не знаю!

Как жилось в деревнях ссыльной городской молодежи? Давайте снова обратимся к фактам.

Пекин, лето 1974 года. В одной из дацзыбао, вывешенной в городе, рассказывалось о судьбе девушки Чао Бао-фан, сосланной в деревню в 1969 году.

«Летом от палящего солнца ее лицо покрывалось волдырями, — говорилось, в частности, в дацзыбао. — В поле она, бывало, теряла сознание, но, несмотря ни на что, вставала и продолжала работать. Приехав в бригаду шестнадцатилетней девчонкой, она таскала на себе связки сена весом более 120 цзиней. Зимой на морозе ноги у нее распухали и становились как пампушки. В декабре 1970 года обмороженные ноги Бао-фан покрылись нарывами, и она не могла даже надеть обувь. Однако бригадир Чжан Шунь и член местного пропагандистского отряда Сюй Чжэнь-юй заставили ее выйти рыть канал».

* Цзинь — мера веса, 0,5 килограмма.

** Чи — мера длины, 0,32 метра.

Перескажем дальше вкратце эту трагическую и, очевидно, не столь уж редкую историю. У Чао Бао-фан не сложились отношения с местным начальством, жестокими и бесчестными людьми. Они травили девушку, всячески издевались над ней, распускали о ее поведении гнусные слухи. Вот как в дацзыбао излагается финал.

«Чао Бао-фан не вынесла выпавших на ее долю мучений. Двадцатого марта она еще была жива. Вышла на работу и трудилась весь день.

А уже утром 21 марта 1974 года ее не стало, она покончила с собой на станции Мачжай (провинция Хэнань)...

Чао Бао-гуан,
старший брат пострадавшей.
25 июня 1974 года».

ПОЧЕМУ ИХ ССЫЛАЮТ!

На этот вопрос дать убедительный ответ пекинская пропаганда не может. Сначала, в 1968 году, она выболтала часть правды, заявив ссылаемой молодежи, что «лучше ехать в деревню, чем даром есть хлеб в городе». Однако это явно невыгодное объяснение было быстро снято. Затем пропаганда стала туманно заявлять, что-де ссылка необходима, чтобы молодежь «получила воспитание у крестьян».

Встает естественный вопрос: почему не у рабочих?

Тем более что во время «культурной революции» Мао Цзэ-дун заявил: «Рабочий класс должен руководить всем». Неужели самый прогрессивный, самый революционный класс недостойн воспитывать свою смену?

Каковы же подлинные причины высылки молодежи?

Ее не могут обеспечить работой в городах. Подготовка к войне пожирает более 40 процентов государственного бюджета. Гражданская промышленность не получает от государства средств, необходимых ей для развития.

«Лишних» ссылают в деревни.

В городах незанятая молодежь взрывоопасна. Власти стараются распылить, рассредоточить ее в отдаленных районах Китая, в глухих деревнях. Там она может помочь властям проводить китаизацию национальных окраин.

«Лишних» ссылают в деревни.

Высшая школа КНР не в состоянии поглотить значительную часть выпускников китайских школ. По данным китайской прессы, сегодня в Китае студентов значительно меньше, чем в конце 50-х годов.

«Лишних» ссылают в деревни.

Еще одна причина ссылки молодежи — невероятная перенаселенность китайских городов. Новое жилье строится в совершенно недостаточных масштабах. Правда, в деревнях жилищная проблема стоит еще острее. Даже в хваленной большой производственной бригаде Дачжай, по официальным китайским данным, многие до сих пор живут в пещерах. Но в деревнях молодежь вынуждена сама строить себе жилища: шалаши, землянки, пещеры или что-нибудь более достойное человека.

«Лишних» ссылают в деревни.

Чем в основном занимается образованная молодежь в деревнях?

Техники в китайских деревнях — кот наплакал. Механизация нечеловечески тяжелого труда движется черепашьими темпами. В этих условиях на долю большинства ссыльной молодежи остаются извечные мотыга и лопата, носилки с землей и коромысло с ведрами. Но не труд отпугивает от деревни лучших представителей городской образованной молодежи Китая. Они понимают, что всякий труд почетен. Вдвое почетен труд китайского крестьянина, который кормит огромную страну. Но крестьянину нужны машины и механизмы, искусственные удобрения и новая агрономия. А вот об этом-то власти фактически и не заботятся: государство дает все это деревне в мизерных дозах.

Бегут годы, а жизнь и труд китайских крестьян очень мало меняются. Все это видит ссыльная молодежь. Она понимает, что ей без помощи государства не сдвинуть деревню с мертвой точки. С другой стороны, рабочих рук в деревне хватает. И крестьян тревожат лишние рты в деревне, и так едва-едва сводящей концы с концами. Китайская печать не раз признавала, что крестьяне часто косятся на ссыльных.

Незначительную часть молодых ссыльных, проявивших особое рвение, делают механизаторами, учетчиками, бухгалтерами и т. д. Участь большинства — физический труд.

Власти намеренно ставят большинство ссыльной молодежи в такое положение, отнимают у нее личную перспективу. Тяжкий труд, граничащая с нищетой бедность, беспрекословная покорность властям, самоотречение — важнейшие предпосылки жестокой социальной дрессуры, «промывания мозгов». В этих условиях городская молодежь не имеет возможности использовать свои знания, теряет годы и личные перспективы. Для страны же ее ссылка означает растраниживание ценных образованных кадров.

Итак, ссылка образованной молодежи в деревни не позволяет решить ни одну социально-экономическую проблему, стоящую перед Китаем. Она лишь увеличивает и без того растущее социальное напряжение в стране, увеличивает число недовольных.

И та часть китайского населения, на которую руководство, хочешь не хочешь, вынуждено возлагать особенно большие надежды, — молодежь — является наибольшей проблемой для политики властей, для официальной пропаганды.

ПРИМЕТЫ ПРОЗРЕНИЯ

Политика стремилась подчинить себе живую жизнь, обмануть и поставить на колени великий народ.

Пропаганда стремилась выкрасить многоликую яркую страну в унылые тона казарменного единообразия.

И все-таки спектр общественной жизни Китая знает разные цвета, тона, оттенки.

Присмотревшись, под покровом «послушания», навязанного палочной дисциплиной, можно увидеть и равнодушие к официальным догмам, и недовольство ими, и насмешку над ними, можно увидеть и пассивное недовольство политикой властей, и активное ей сопротивление.

После «культурной революции» политика властей с каждым годом приобретает все более ярко выраженный антинародный характер. Власти пытались все больше выжать из народа, все меньше дать ему взамен. Вполне естественно, что народ проявлял все более сильное недовольство такой политикой, все более недвусмысленно это демонстрировал. В 1974 году серьезные беспорядки охватили важнейшие железные дороги Китая, они происходили и на многих крупных предприятиях страны.

В них ярко проявилось недовольство трудящихся условиями работы и жизни.

В марте 1974 года в Синьцзян-Уйгурском и Нинся-Хуэйском автономных районах произошли многотысячные демонстрации под лозунгами улучшения жизни и повышения заработной платы. Армия подавила эти выступления, большое число их участников были брошены в тюрьмы. Как сообщали западные информационные агентства, только в Нинся-Хуэйском районе во время этих событий было убито и ранено 700 человек.

В 1975 году китайские железные дороги снова лихорадило. А рабочие Ухани и Ханчжоу предъявили требования о повышении заработной платы, об улучшении условий труда. Массовое недовольство крестьян вспыхнуло в разных районах Китая.

С каждым годом все труднее и труднее давался властям разговор с китайской молодежью.

Знакомясь с материалами китайской пропаганды, можно найти в них целый букет вынужденных, весьма печальных для руководства признаний.

Это жалобы, например, на то, что молодежь считает себя «слишком грамотной». Любопытное признание со стороны сторонников «теории»: «народ — чистый лист бумаги».

В августе 1975 года газета «Гуанмин жибао», рассуждая о политическом воспитании молодежи, призналась: «На собраниях все громко аплодируют активистам и передовикам, а после собрания насмеваются над ними».

От молодых китайских крестьян можно услышать такие высказывания о политической учебе: «Сколько ни занимайся политикой, на поле от этого ничего не вырастет». А рабочая молодежь все более часто и более откровенно проявляет свое ироническое отношение к официальным установкам.

Апатия, равнодушие к целям политики пекинского руководства, усталость от непрерывных политических кампаний и нескончаемых «штудий» — такие настроения охватывали все более широкие слои китайского общества, прежде всего молодежи. Пропаганда все чаще не «срабатывала». Все чаще люди реагировали на ее надоевшие поучения скрытым раздражением, едва завуалированной насмешкой, саботированием политических занятий. Подобные реакции приобрели, очевидно, на-

столько широкие масштабы, что власти не могут от них отмахнуться. Их вынуждены были признавать высшие эшелоны пекинской бюрократии. Вот один весьма красноречивый факт. Летом 1974 года пекинские власти распространили по стране «Документ ЦК КПК № 21». В нем перечислялись многие трудности, с которыми встретилась политика пекинского руководства. В частности, авторы этого документа резко обрушились на «некоторых людей, которые не критикуют Линь Бяо и Конфуция, не посещают занятий».

Все большее число людей в Китае охватывало глубокое чувство отчуждения. Иначе, собственно, и быть не могло. Люди чувствовали себя обманутыми, обездоленными, обезличенными. Тех, кто трудился, это приводило к потере заинтересованности в результатах своего труда, к снижению качества продукции, к ухудшению дисциплины. На все это тоже время от времени жаловалась пекинская пропаганда.

Морально-политическое отчуждение дополнялось отчуждением экономическим.

А многих образованных молодых людей обстоятельства ставят просто вне закона. Те из них, кому удастся бежать из деревенской ссылки в родной город, живут у родных или друзей тайком, не имея разрешения на жительство, трудовых документов, продовольственных карточек. Близкие их, сами живущие на грани недоедания, не могут уделить беглецам многого. И немало молодых в нынешнем Китае вынуждены становиться на путь уголовных преступлений.

В первое десятилетие после образования КНР в стране были достигнуты большие успехи в ликвидации преступности. Она перестала быть острой социальной проблемой. Но маоцзэдуновская «культурная революция», возникший в стране «всеобщий хаос» (слова Мао Цзэ-дуна. — М. С.) дали мощный импульс к возрождению многих социальных болезней. В том числе преступности. В последние годы быстрый ее рост, в первую очередь среди молодежи, снова стал на повестку дня. О преступности в последние годы вынуждена говорить китайская пропаганда, которая вообще-то предпочитает замалчивать любые отрицательные явления и недостатки. Но сейчас она вынуждена хотя бы упоминать о наличии в стране воровства, спекуляции, бандитизма. Острая нехватка продовольственных и промышленных

товаров в стране порождает спекуляцию, способствует развитию черного рынка, плодит разного рода экономические преступления, огуляет моральную атмосферу.

Бесчеловечная политика властей, их беспринципная пропаганда морально калечат очень многих молодых, толкают их на путь преступления.

В 1974—1975 годах в зарубежной печати умножились сообщения о том, что в Китае появилось весьма значительное количество вооруженных банд молодежи, нападающих на местные органы власти, убивающих маонистских активистов, устраивающих поджоги, совершающих акты экономического вредительства.

Видно, массовые грабежи, убийства и другие тяжкие преступления становятся в Китае обычным делом.

В крупных городах Китая, например в Шанхае, все больше и больше школьников втягиваются в воровские шайки, становятся «героями» черного рынка.

Многие представители нынешней китайской молодежи, потеряв для себя всякую надежду, принимают самое отчаянное, самое тяжелое для них решение: бежать из КНР.

Всеми правдами и неправдами они пробираются на юг Китая, поближе к Гонконгу. Потом, рискуя нарваться на пули пограничников, рискуя попасть в зубы акул, часто лишь кое-как умеющие плавать, обвязанные самодельными поясами из пинг-понговых мячиков, они входят в воду. Путь далек. Одним не везет. Другие (по подсчетам, это каждый четвертый) все-таки достигают цели. Десятки тысяч беглецов ежегодно выби-раются на берег Гонконга. Число их с каждым годом растет.

«Мы считали, что станем хозяевами страны», — жаловался 23-летний беженец Гэнь Лин из Пекина.

Беженец Линь, 23 лет, из провинции Чжэцзян, сказал: «Чем дольше горит огонь, тем ярче разгорается пламя. Приближается момент, когда бомба замедленного действия взорвется».

НОВОЯВЛЕННЫЙ «СЫН НЕБА»

Бороться с небесами — бесконечное
удовольствие.
Бороться с землей — бесконечное
удовольствие.
Бороться с людьми — бесконечное
удовольствие.

Юношеские строки Мао Цзэ-дуня

Зимой 1948 г. и в начале 1949 г., когда НОАК готовилась вступить в Пекин, Мао Цзэ-дун то и дело говорил членам ЦК: «Когда в молодости я читал романы, то часто думал: как это необыкновенно здорово — быть императором!» После вступления в Пекин он начал широко пропагандировать, что является «императором в новых условиях». Одновременно по его приказу политуправление военного совета ЦК официально организовало в воинских частях доклады на тему о том, что «председатель Мао является новым императором».

Ван Мин

«Сын Неба» («Тяньцзы») — так издревле именовались китайские императоры. Выше императора был только «Верховный владыка» («Шанди») — правитель, живущий на небе, наблюдающий за порядком в космосе и жизнью на земле. «Сын Неба» был, в представлении китайцев, полномочным представителем «Верховного владыки» на земле, неограниченным владеликом всей земли и подданных.

Нео
ное» пр
роны п
импера
пышны
регламе
наприм
цвета),
ему при
посвяща
другое
призван
императ
подчине
жествен
вполне
сохране
вал, как
на на т
ния для
лись бы

Таки
важнейш
ды, пол
ством.

Куль
ций, кот
его личн
народно
культом.
основани

Слов
жения м
нах, на
изображ
небесный
Лун, кот
сочайши
где царя

Мао
ла сверх
ственные
седатель
обыкнове

Неограниченная власть богдыхана, ее «божественное» происхождение, униженные знаки почтения со стороны подданных (они оглаивались не только самому императору, но и его пустому трону), его немислимо пышные титулы и сложные придворные ритуалы, его регламентированные до мелочей одеяния (император, например, носил одежды предпочтительно желтого цвета), раболепные сочинения, которые преподносили ему придворные философы, и льстивые поэмы, которые посвящали ему придворные поэты, — все это и многое другое составляло культ личности императора. Он был призван ослепить, ошеломить подданных, возвысить императора в их глазах, внушить им беспрекословное подчинение императору. Иначе говоря, несмотря на «божественный» привкус этого культа, он преследовал вполне земные цели. Во-первых, он был направлен на сохранение монархического строя. Во-вторых, оправдывал, как мог, пребывание каждого конкретного богдыхана на троне. В-третьих, создавал известные затруднения для тех современников богдыхана, которые стремились бы занять его место на троне.

Таким образом, культ императоров был одним из важнейших факторов внутриполитической пропаганды, политическим инструментом управления обществом.

Культ личности — одна из тех реакционных традиций, которые взял на вооружение Мао Цзэ-дун. Культ его личности Ван Мин, видный деятель КПК, международного коммунистического движения, назвал сверхкультом. Для этого определения есть много серьезных оснований.

Словно бог, председатель Мао вездесущ: его изображения можно было видеть в КНР повсюду. Как на иконах, на многих портретах Мао Цзэ-дуна вокруг головы изображался нимб. Будто это и не человек, а то ли отец небесный, то ли персонаж китайской мифологии Чжу Лун, который обладал волшебным даром освещать высочайшие сферы неба и глубочайшие пласты земли, где царил вечный мрак.

Мао Цзэ-дуну официальная пропаганда приписывала сверхчеловеческие, чудодейственные качества, умственные и физические. Так, в августе 1966 года председатель Мао, которому было тогда за семьдесят, с необыкновенной легкостью побил мировые рекорды по пла-

ванию. И те, которые были, а заодно и те, которые когда-либо могут быть установлены.

Все это делалось с одной целью: внушить людям, что «идеи Мао Цзэ-дуна» якобы могут творить чудеса.

Эти «чудеса» весьма многообразны. Один из зарубежных исследователей маонизма посвятил им целую книгу в несколько сот страниц. И все эти смехотворные басни о «чудесах» призваны внушить китайцам мысль о том, что они всего лишь «твари дрожащие» и должны безоговорочно следовать «идеям» председателя Мао. Как видим, «чудеса» имели вполне определенное земное назначение: охранять и укреплять власть Мао Цзэ-дуна.

«...РАВНЫ НУЛЮ»

Ф. Энгельс писал в «Анти-Дюринге» о том, что перед деспотом «все равны, а именно — равны нулю».

К чему-то подобному привело в Китае нагнетание культа личности Мао Цзэ-дуна. «Великий кормчий» был искусственно возвышен над всеми другими. Все остальные заведомо ничтожны. Все, кроме Мао, по сути дела, были лишены права на собственный образ мыслей, обречены на полную умственную пассивность. Точнее говоря, на слепое подчинение, на формальную активность неодушевленных, взаимозаменяемых деталей огромной машины государственного механизма.

А это не может не приводить к разрушению личности. И этот процесс едва ли не самый вредный из всех, которые переживал Китай по вине пекинского руководства.

Много лет подряд пропаганда настойчиво внушала населению страны, что «идеи Мао Цзэ-дуна» будто бы «источник жизни». Людям вдалбливали, что «можно не пить, не есть, но нельзя не изучать идеи Мао Цзэ-дуна». Для того чтобы эти противоестественные высказывания выглядели хоть немного более естественно, в уста простых китайцев вкладывали слова о том, что они «полны решимости сделать изучение произведений председателя Мао первой необходимостью своей жизни».

Так осуществлялся гигантский процесс «промывания мозгов». В условиях подобного оголтелого культа намеренно создавалась ситуация, при которой один чело-

Ог-
ам,
чу-
ру-
ую
ые
сль
лж-
Мао.
зем-
Мао
лю»
что
вны
ание
был
Все
су-
браз
ость.
ую
дета-
а.
ости.
кото-
ства.
чала
о бы
о не
на».
ания
про-
олны
теля
ыва-
льта
чело-

век безапелляционно вещал, и бесчисленные материа-
лы пропаганды цестрели формулами типа «Под водни-
тельством лучезарных идей председателя Мао...» и т. д.
и т. п.

Эти формулы, как видите, не грешат большим раз-
нообразием. Впрочем, их назначение чисто служебное:
подготовить человека к тому, что сейчас последует
истина, которую следует понять, зазубрить, принять
как руководство к действию. Недаром пропаганда поль-
зовалась всякой возможностью, чтобы придать этим
«истинам» как можно больший вес. Для этого не чу-
рались даже чисто психологических приемов. Так, во
время «культурной революции» жителей китайских го-
родов и поселков нередко будили среди ночи шум гон-
гов и барабанов, громкие голоса, возвещающие «новей-
шие указания председателя Мао».

Но ни бесконечное «промывание мозгов», ни даже
зверские погромы «культурной революции» не убили
в Китае свободную мысль.

Так, осенью 1966 года, когда спровоцированные вла-
стями произвол и беззакония становились нормой об-
щественной жизни, в стране появились антимаоцзэду-
новские листовки. Например, в дацзыбао молодежной
организации провинции Сычуань утверждалось, что
«Мао Цзэ-дун убивал людей, а если его ошибками и
недостатками нагрузить поезд, то не хватит вагонов
для этого поезда».

Если в вышеприведенной дацзыбао авторы высказы-
вались гневно и прямо, то автор дацзыбао, появившей-
ся в конце декабря 1966 года на улице Ванфуцзин в
Пекине, прибег к другому приему. Этот автор, назвав-
ший себя «рабочим на пенсии Ян И», имя которого
означает «Живущий в покое и праздности», принял по-
зу простака, обуреваемого патриотическими чувствами.
Он потребовал ввести новое летосчисление, ибо старое,
по его словам, «служило буржуазии и феодалам» и на-
чиналось по старинке с рождества Христова. Новое же
надо начать со дня рождения Мао Цзэ-дуна. Таким об-
разом, по мнению автора дацзыбао, начало новой эры
Цзэ-дуна позволит провести резкую грань между двумя
эрами.

С ехидным простодушием автор вносил и ряд дру-
гих предложений. Он считал, что нужно отменить вос-
кресенья. Он писал, что семидневная рабочая неделя

введена капиталистами, которые дали рабочим всего-навсего один выходной день в неделю, а все остальное время безжалостно эксплуатируют их. Автор предлагал десятидневный рабочий цикл, заканчивающийся днем Цзэ-дуна. Это, по его мнению, позволит, во-первых, глубже и эффективнее пропагандировать «идеи Мао Цзэ-дуна»; во-вторых, позволит более четко провести грань между старой и новой политическими системами; в-третьих, в результате осуществления такого мероприятия можно будет дополнительно получать 1,8 миллиарда юаней на нужды «культурной революции».

По подсчетам автора, новая система позволит высвободить шестнадцать дней, которые ранее падали на воскресенье. Из них четыре или шесть дней хорошо было бы употребить на празднование Нового года или дня рождения Цзэ-дуна. А остальные дни следует «упорно трудиться».

Весьма язвительно звучит в этом контексте напоминание автора о том, что в старом Китае рабочие трудились обычно по шестнадцать часов, а выходных не имели. Новая же система, уверял автор, будет «все же лучше старой жизни». И чтобы уж никто не усомнился в огромных преимуществах новой системы, автор напоминал, что и нынче крестьяне в Китае довольствуются всего лишь двумя выходными днями в месяц. Следовательно, говорилось в дацзыбао, все-таки рабочие пользуются преимуществами по сравнению с крестьянами. И уж совсем издевательски звучит заявление автора о том, что предложенные им мероприятия позволят уменьшить различия между городом и деревней.

Итак, даже в условиях гнетущего и отупляющего культа личности Мао Цзэ-дуна далеко не всех удалось оболванить, приравнять к нулю.

ИСТОЧНИК БЕД

Касаясь культа личности Мао Цзэ-дуна, канадский журналист М. Гейман писал: «Некоторые специалисты на Западе ошибочно приписали все это мании престарелого параноика. Но это скорее было блестящим способом, позволившим создать атмосферу, в которой бы

ни один человек не мог высказаться против Мао и его идей».

Если оставить в стороне некоторые публицистические перехлесты, то надо сказать, что политическую функцию культа личности Мао Цзэ-дуна М. Гейман подметил верно.

Подробное исследование зарождения и развития культа личности Мао Цзэ-дуна — задача сложная и специальная, выходящая далеко за рамки этой книги. Мы лишь хотим отметить его роль во внутриполитической пропаганде, указать на некоторые причины, позволяющие проводить его в жизнь, подчеркнуть огромный вред, который он нанес развитию Китая.

Культ Мао — важнейшая составная часть мелкобуржуазной националистической идеологии маоизма. Он — основа внутренней политики пекинского руководства, его пропаганды. Это, по сути дела, подновленный вариант старой имперской политики «юй минь чжэнцэ» («политика одурманивания народа»). Его можно назвать эрзацем некой государственной религии.

В области политики культ использовался Мао Цзэ-дуном в качестве орудия упрочения своей личной власти.

В области идеологической он служил средством духовного террора, обеднения и унификации человеческой личности.

В сфере социально-экономических проблем он служил одновременно инструментом и оправданием авантюристической, волюнтаристской политики.

В советской политической литературе подробно описаны такие маоцзэдуновские авантюры, как «большой скачок» и «культурная революция», показано, какой вред принесли они Китаю. Эти авантюры были затеяны Мао Цзэ-дуном, освящены его авторитетом.

Политику замораживания крайне низкого жизненного уровня трудящихся Китая, резкого возрастания интенсификации труда было бы труднее проводить в жизнь, не будь культа личности Мао Цзэ-дуна.

Милитаризацию китайского общества, реакционный курс «подготовки к войне», апологию новой мировой войны, консервацию культурной отсталости страны — все это труднее было бы осуществлять, не будь культа личности Мао Цзэ-дуна.

Очевидно, многие люди в нынешнем Китае, прежде всего люди образованные, считают культ Мао рецидивом мракобесия на религиозный лад. Но не на эту социальную группу рассчитана официальная пропаганда. На этих людей у властей есть другие меры воздействия. Наиболее мужественных и принципиальных из этих людей бросают в тюрьмы, в так называемые «лагеря трудового перевоспитания». Других запугивают и заставляют молчать.

Культ личности создает условия, в которых, словно ядовитые мухи, размножаются трусы и приспособленцы.

Все это не может не разъедать личные отношения людей, их семейные отношения.

Нэнси Салливэн, австралийская журналистка, посетившая Китай в 1968 году, пересказала распространенный там анекдот:

«— Старина Лю, ты исправился? — спрашивает солдат, которому поручено проводить беседы на моральные темы в одной из коммун...

— Да, уважаемый солдат... теперь я отношу свои добродетели на коллективное поле... Благодарю тебя за то, что ты помог мне понять мое преступление.

— Старина Лю, благодарить надо председателя Мао. Если бы не он, ты никогда не узнал бы, что поступал плохо. Следует также поблагодарить председателя Мао за то, что он дал тебе хорошую жену, потому что это она донесла на тебя».

Есть и другие причины, которые делали возможным культ Мао в Китае. К. Маркс подчеркивал живучесть и силу традиций. Особую роль они играют в Китае. В старом Китае не существовало демократических политических институтов. Конечно, когда гнет становился невыносимым, в Китае вспыхивали крестьянские восстания, менялись династии, воцарялись императоры из крестьян. Но в течение тысячелетий оставался неизменным сам институт императорской власти. И обыденные представления миллионов колебались в узких рамках: «справедливый» — «несправедливый» император. Подчинение вошло в психологию многих людей, стало вьевшимся предрассудком. На нем и паразитировал культ Мао.

Думается, что и ныне в Китае есть немало людей, самолюбию которых льстит то, что в стране был «свой», национальный «Великий Человек», которого нет и не

может быть нигде. Именно таким людям и были адресованы утверждения пропаганды о Мао Цзэ-дуне — «спаситель», «мудрец», «пророк» и т. д. Именно им предназначено широко распространявшееся в годы «культурной революции» утверждение: «Все свершенное председателем Мао Цзэ-дуном, по сравнению с трудами Маркса, Энгельса, Ленина, намного глубже. Ни у кого не было такого революционного опыта».

У культа Мао Цзэ-дуна есть, несомненно, свои националистические корни. Не случайно маонизм всеми средствами культивировал шовинистические чувства, связывая их с культом Мао. Пропаганда неустанно внушала людям, что все хорошее, сделанное в стране народом, неразрывно связано с именем Мао Цзэ-дуна. Между культом личности и величием родины таким образом ставился знак равенства. А величие родины служит многим бедным и невежественным людям психологической компенсацией, иллюзорным утешением взамен отсутствия материального и культурного благополучия.

Иллюзорным утешением для людей, практически лишенных материальных и духовных благ, является примитивное понимание ими справедливости, находящее свое выражение в одобрении ими уравниловки, под знаком которой жил Китай. Инициатором уравниловки являлся Мао Цзэ-дун. Она «освящена» культом его личности. И поддерживается эта уравниловка с помощью насилия. Именно уравниловка, а не равенство. Ибо это вещи разные. Люди могут быть равны, но никогда не могут быть уравниены. Их нельзя сделать одинаковыми, как спички из одного коробка. Попытка уравнивать людей — это попытка лишить их индивидуальных качеств, унифицировать их мысли и чувства. Без помощи системы социальных запретов, без идеологического принуждения невозможно создать уравниловку, эту видимость равенства, хотя бы на короткий исторический срок.

Куль личности, уравнивательное распределение, деспотия — все это слагаемые социальной структуры, которую К. Маркс назвал казарменным «коммунизмом». Кажется, нет большего кощунства, чем при таких порядках внушать народу, что он свободен и счастлив. Но пекинское руководство не останавливало кощунство. Если на-

силие и террор — одна из опор культа Мао, то обман и социальная демагогия — другая.

Слов нет, террор — средство сильнодействующее. Но не надо забывать, что раб, над которым стоит надсмотрщик с плетью, все время сознает, что он раб.

Как отвести мысль угнетенного от того, что он угнетен, как внушить ему, что он свободен? Тут на помощь культу личности Мао приходят пропаганда, идейные манипуляции, социальная психология.

Привлекая огромное число простых китайцев к пропаганде культа Мао, власти создавали впечатление «гласа народа». А ведь известно, что для многих людей не те мысли истинны, которые адекватны действительности, а те, которые наиболее распространены. И, слыша повсюду одни и те же мысли, повторяя их, сами люди постепенно привыкают к ним, начинают их считать своими собственными. Постепенно атмосфера «классовой любви к председателю Мао», в создании которой они принимали участие сами, объективизируется в их сознании, становится привычной, становится «общим мнением».

Многие, очевидно, на собственном опыте знают, как нелегко противостоять «общему мнению», пусть и ошибочному. Социальные психологи в ряде остроумных и точно поставленных опытов доказали, что мнение окружающих давит на наше собственное с большой силой. Нередко бывает так, что человек отказывается верить собственным глазам и подчиняется мнению большинства.

У известной части китайцев их причастность к вероучению, воплощенному в культе Мао Цзэ-дуна, рождала иллюзорное чувство сплочения с народом, причастности к делам страны, ее судьбам. Очевидно, с точки зрения социальной психологии культ Мао можно квалифицировать как искусственно вызванный устойчивый массовый социальный психоз.

Идейный и психологический обман — средство более коварное, чем насилие. Обман опутывает человека невидимыми, но очень прочными нитями. Он берет в плен ум и душу. Он вербует многих сторонников, в том числе фанатиков. Главным источником воспитания фанатизма в нынешнем Китае был культ Мао Цзэ-дуна. Культ нередко приводил к успеху там, где не «срабатывало» принуждение, насилие.

Н
соци
груб
«ген
культ
Он, н
гих п
ных
посту
отно
«фил
лог»,
Он о
сообщ
добро
была
все гл
За
убежд
офици
обезд
их от
таков
Цзэ-д

Н
Мао
велик
цели,
ни пе
истор
В
века
«
ных
ем ж
одно
—
Как
—
—
еще

На поверхности культа личности Мао Цзэ-дуна как социального явления прежде всего бросаются в глаза грубые лозунги-приказы, громкие разглагольствования о «гениальности» Мао и т. д. На самом деле механизм культа более сложен, чем кажется на первый взгляд. Он, например, оказывает большое и незаметное для многих глаз влияние на систему политических и нравственных ценностей в стране. Все эти ценности, прежде чем поступить в распоряжение общества, начать определять отношения людей в нем, проходят через сложный «фильтр», работу которого регулирует главный «технолог», исходя из политических интересов своей группы. Он определяет — о чем, когда и в какой форме нужно сообщать китайскому народу, что является для него добром, а что — злом. Короче говоря, система культа была нацелена на то, чтобы китайский народ смотрел на все глазами Мао Цзэ-дуна.

Затемнить умы, внушить людям недоверие и предубеждение ко всем без исключения взглядам, кроме официальных, внушить бесправным, что они свободны, обездоленным, что они счастливы, или хотя бы отвлечь их от размышлений о своих бедах, о бедах страны — такова главная пропагандистская функция культа Мао Цзэ-дуна.

МАО И НАУЧНАЯ ТЕОРИЯ

Невозможно было создать основы культа личности Мао Цзэ-дуна без того, чтобы не представить его самого великим ученым, великим политиком. Стремясь к этой цели, Мао Цзэ-дун не останавливался ни перед обманом, ни перед идейной спекуляцией, ни перед фальсификацией исторических фактов.

Вот что пишет об этом Ван Мин в своей книге «Полвека КПК и предательство Мао Цзэ-дуна»:

«Начиная с сентября 1941 года Мао Цзэ-дун в личных беседах с членами Политбюро часто говорил о своем желании создать «маоцзэдунизм». Вот содержание одной из таких бесед Мао Цзэ-дуна со мной:

— Товарищ Ван Мин, я хочу создать маоцзэдунизм. Как вы на это смотрите?

— А зачем?

— Когда у руководителя нет собственного «изма», то еще при жизни его могут свергнуть другие, да и после

смерти он может подвергнуться нападкам. Когда имеешь «изм», положение становится иным. Смотрите: у Маркса есть марксизм; II Интернационал раскололся на множество группировок, но никто не посмел выступить против Маркса и марксизма. У Ленина есть ленинизм; в III Интернационале и ВКП(б) тоже было немало групп и течений, однако никто не выступал открыто против Ленина и ленинизма. У Сунь Ят-сена есть суньятсенизм; и вот, несмотря на кавардак и обилие группировок в гоминьдане, никто не смеет выступать против Сунь Ят-сена и суньятсенизма. Если я не создам своего «изма», то даже в том случае, если VII съезд партии изберет меня председателем ЦК партии, меня могут свергнуть».

Итак, Мао Цзэ-дуна, видно, волновал прежде всего и главным образом вопрос собственной власти. Теория для него (он именовал ее «измом») не ключ к познанию законов общественного развития, не инструмент перестройки общества на разумных, достойных человека началах, а некий «спасательный круг», позволяющий держаться на поверхности бурной политической жизни.

Спекулируя на популярности марксизма-ленинизма у населения Китая, пропаганда много лет подряд внушает людям, что «идеи Мао Цзэ-дуна» являются «развитием марксистско-ленинской теории». Вместе с тем власти делают все от них зависящее, чтобы помешать народу Китая овладеть марксизмом-ленинизмом. И понятно, что в этих условиях часть населения страны принимает маоистский суррогат за марксизм-ленинизм, а самого Мао — за «Великого Учителя».

К этому нам хочется добавить два высказывания Мао Цзэ-дуна. Признание первое: «Я тоже прочитал немного книг основоположников марксизма, не знаю, сколько они написали...» (1957 г.). Второе признание: «Я не изучил как следует все разделы марксизма...» (1959 г.).

МИФ О ВСЕМОГУЩЕМ

Для того чтобы придать ложное величие и блеск фигуре Мао Цзэ-дуна, в жертву приносились и подлинная китайская история, и культура страны. И то и другое

безжалостно и грубо фальсифицировалось пекинскими идеологами. Причем тех, кто обслуживал сиюминутные политические интересы пекинского руководства, не смущало даже то, что нынешние установки могут входить в очевидное противоречие с тем, что говорил об этом ранее Мао Цзэ-дун.

Так, во многих своих статьях и выступлениях Мао Цзэ-дун нередко цитировал Конфуция в поучение читателям и слушателям. В 1964 году, например, Мао Цзэ-дун с уважением отозвался об этом древнем китайском мыслителе. Зато во время антиконфуцианской кампании, достигшей большого политического накала в 1974 году, Конфуция поносили самыми последними словами.

Здесь не место приводить многочисленные примеры примитивной вульгаризации культурного наследия китайского народа, грубой фальсификации истории страны, особенно истории КПК. Скажем только, что история беззастенчиво «переписывалась» под Мао Цзэ-дуна, с тем чтобы на всех ее этапах обнаружить пресловутую маоцзэдуновскую «борьбу двух линий» («правильную» Мао Цзэ-дуна и «ошибочную»), доказать на любом материале «правоту» Мао Цзэ-дуна.

Так были отодвинуты в тень, на периферийные пути истории все выдающиеся китайские революционеры нашего века. Непомерно раздутая пропагандой фигура Мао Цзэ-дуна заслонила собой чуть ли не весь китайский народ. Маоцзэдуновская историография утверждает, что истина всегда на стороне Мао, победа — тоже. Мао в ее изображении походил на демиурга. На героя китайской мифологии Пань-гу, сотворившего мир.

Одна из старинных китайских книг повествует: «Пань-гу вытянулся, толкая небо дальше ввысь, а землю вниз... И так как обладал он волшебной силой, то в конце концов сумел отделить небо от земли».

Вот и китайская пропаганда хотела внушить людям, что Мао Цзэ-дун, чуть ли не обладающий «волшебной силой», с помощью своей пресловутой «борьбы двух линий» успешно отделяет истину от заблуждения.

«После того как Пань-гу отделил небо от земли, он, опасаясь, что они вновь соединятся, уперся ногами в землю и подпер головой небо. Так он стоял, изменяясь вместе с ними».

К политической мифологии прибегала и китайская пропаганда, стремясь внушить своей аудитории представление о председателе Мао как о некоем гиганте, подпирающем головой политический небосвод.

ПРИ АКТИВНОМ ЛИЧНОМ УЧАСТИИ

Знакомясь с этими строками, наш молодой читатель, возможно, задаст себе вопрос: имел ли Мао Цзэ-дун полное представление о масштабах культа своей личности?

Да, имел. Более того, он вносил свой личный вклад в нагнетание культа, всемерно используя его как политическое и пропагандистское оружие.

Так, перед «большим скачком», чтобы подхлестнуть народ, Мао Цзэ-дун совершил большую инспекционную поездку по стране, а чтобы убедить народ в своем «очень хорошем здоровье» — еще и заплыв по Янцзы. К тем же самым уже проверенным способам воздействия Мао Цзэ-дун прибегнул и накануне «культурной революции». Как перед «большим скачком», так и перед «культурной революцией» пропаганда начала еще более неумеренно, чем обычно, превозносить Мао Цзэ-дуна.

Мао Цзэ-дун не только обдуманно и хладнокровно использовал культ своей личности. Он «дозировал» его в зависимости от политической обстановки и целей, которые перед ним стояли.

В декабре 1970 года Мао Цзэ-дун сказал американскому публицисту Э. Сноу, что с 1965 года «власть в значительной степени вышла из-под его контроля». Вот почему он заявил тогда о необходимости усилить культ личности.

И действительно, Мао Цзэ-дун в разное время отдавал распоряжения то несколько приглушать, то всемерно нагнетать культ своей личности.

Осенью 1971 года, например, с политической сцены Китая исчез бывший «верный соратник» и «заместитель председателя Мао» Линь Бяо. Через некоторое время после этого пекинская пропаганда начала всячески поносить Линь Бяо, называть его «черным бандитом», «двурушником» и т. д. У многих возникал совершенно естественный вопрос: как же всех этих качеств Линь Бяо не видел раньше «гениальный» Мао Цзэ-дун? Пытаясь хоть косвенно дать ответ на этот щекотливый вопрос, про-

паганда, с одной стороны, заявляла, что-де Мао Цзэ-дун старался воспитывать Линь Бяо, с другой стороны, давала понять, что в раздувании культа личности Мао Цзэ-дуна во время «культурной революции» повинен все тот же Линь Бяо.

Итак, Мао Цзэ-дун варьировал степень нагнетания культа своей личности. Однако изменения эти носили лишь формальный характер, не затрагивающий сути дела. Диапазон этих колебаний был невелик. Он психологически колебался между такими крайними точками, как «Верховный правитель» (в моменты политической напряженности) и «Сын Неба» (в более спокойные времена).

Мы говорили о том огромном вреде, который принес культ Мао Цзэ-дуна китайскому обществу. Хочется подчеркнуть его растлевающее влияние на подрастающее поколение страны. В старом конфуцианском Китае детей начинали воспитывать в духе общепринятых норм, что называется, «с молодых ногтей». Еще раньше, пожалуй, в нынешнем Китае начинали воспитывать маленького человека. Мысль о том, что председатель Мао — «красное солнце», что непременно надо «слушаться» его одного, внедрялась в головы ребятишек в качестве аксиомы. Делалось это с помощью нехитрых, доступных детскому пониманию рассказов, песен, стихов, картинок и т. д.

Что могли поделать с этим те родители, которые сознавали весь чудовищный вред подобного «промывания мозгов» их несмышленикам? Увы, почти ничего. Где им противостоять огромной машине пропаганды, устрашающей машине террора. Бой будет заведомо неравным. По крайней мере ныне, когда маоизм еще не окончательно дискредитировал себя в глазах населения страны. Это время, конечно, придет. А пока родителям остается только молча мучиться. Как мучились над этой проблемой и в старом Китае. Вспомним, например, написанные чуть не девятьсот лет назад знаменитые строки Су Дун-по:

Всяк хочет умных вырастить детей —
Иначе бы мы не были отцами.
Но я лишь оттого, что был умен,
Увы, свершал ошибки что ни год.
Вот почему хочу я милых чад
Воспитывать тупицами, глупцами, —
Тогда они без горя, без труда
Достигнут сана Праведных Господ.

Трудно молодому советскому читателю представить себе душную атмосферу культа личности в Китае, атмосферу реальную и фантасмагорическую одновременно. Атмосферу, в которой удел одних — оставаться «тупицами, глупцами»; судьба других — двоедушие и лицедейство; третьим предназначено достигать «сана Праведных Господ» за счет ближних.

И чуть ли не всеобщий закон — жить «применительно к подлости».

Много столетий назад умный и циничный средневековый римский папа Бонифаций VIII изрек в доверительном кругу: «Сколько пользы принесла нам эта басня о Христе!»

«Нам» — это ему самому и другим власть имущим.

За толстыми стенами Чжуннаньхуа (местопребывание императоров в старом Пекине. — М. С.), вдали от «верного» ему народа, Мао Цзэ-дун, вероятно, не раз мог подумать: «Сколько пользы принесла нам эта басня о Мао Цзэ-дуне!»

洗

脑

«ВЕЧНЫЙ ДВИГАТЕЛЬ»

Это — ложь,
 Приклеится, не оторвешь;
 Это — ложь,
 Как гора высока и как море, у которого дна
 не найдешь.

Это — ложь,
 Три руки и четыре ноги — далеко
 добредешь!

Юань Шуй-по

Понятно каждому, кто не лишен ума:
 Весь мир для нас — огромная тюрьма.
 Но — образцовая! Ей должно обновлять,
 Перевоспитывать, а не карать!

Вэнь И-до

Стихи настоящих поэтов живут долго. И бывает так, что в другие времена, в других обстоятельствах старые стихи начинают звучать с новой силой. Вэнь И-до и Юань Шуй-по писали о гоминьдановском Китае. Но чем явственнее сквозь приемы маоцзедуновской политики и пропаганды пекинского руководства проступали черты политики и пропаганды чанкайшистской, тем злободневнее звучали многие стихи китайских поэтов 20—40-х годов.

Огромной прилипчивой ложью назвал Юань Шуй-по чанкайшистскую идеологию и пропаганду. Ложь лежала и в основе маоистской пропаганды. В строках Вэнь И-до гоминьдановское общество предстает перед нами «образцовой» гигантской тюрьмой. Тюремщики не карают заключенных, а всего лишь «перевоспитывают» их. Так духовное изуверство гоминьдановцы маскировали фарисейскими «благородными» словечками.

После контрреволюционной «культурной революции» Китай начинает все больше напоминать огромную казарму-тюрьму. В ней обитателей заставляют держаться по струнке, говорить по приказу. Пропаганда по вполне понятным соображениям старается как можно реже пользоваться словом «качать». Зато слово «перевоспитание» у нее в большой чести. Подобно гоминьдановским реакционерам, пекинские руководители прикрывали духовный террор лицемерными словами.

«Наша работа подчинена тысячам правил, которые в конечном счете можно свести к одной фразе: с помощью идей Мао Цзэ-дуна преобразить душу человека...» — писала в сентябре 1966 года «Жэньминь жибао».

Два года спустя один из тогдашних высших представителей пекинской правящей элиты, Яо Вэнь-юань, касаясь задач «культурной революции», заявил: «Первая цель — революционизировать сознание людей. Вторая цель — взять политическую власть. Третья цель — воспитать новое поколение людей».

В предыдущих главах книги мы уже говорили о некоторых методах, формах и приемах, с помощью которых пекинская пропаганда стремилась «преобразить душу человека», «революционизировать сознание», «воспитать новое поколение людей».

Сейчас настало время уделить внимание массовым кампаниям, следующим в КНР одна за другой, ставшим подобием некоего идеологического, а точнее, политического «вечного двигателя». Эти кампании имеют свою историю. Начались они еще до образования КНР, в те далекие времена, когда в Особом районе Китая Мао Цзэ-дун с помощью духовного и физического террора стремился подчинить себе КПК, превратить ее в послушный инструмент в своих руках.

Важнейшие из этих кампаний, включая глубоко трагическую «культурную революцию», достаточно подробно проанализированы в советской литературе*. Массовые кампании 70-х годов освещены в советской перио-

* П. П. Владимиров. Особый район Китая. 1942—1945. М., Изд-во АПН, 1973; Ван Мин. Полвека КПК и предательство Мао Цзэ-дуна. М., Политиздат, 1975; Л. С. Кюзаджан. Идеологические кампании в КНР (1949—1966). М., «Наука», 1970; И. М. Надеев. «Культурная революция» и судьба китайской литературы. М., «Наука», 1969; С. Д. Маркова. Маоизм и интеллигенция. М., «Наука», 1975; А. Желуховцев. «Культурная революция» с близкого расстояния. М., Политиздат, 1973.

дической печати *. Мы же, исходя из темы этой книги, остановимся главным образом на некоторых организационных аспектах этих кампаний, на формах и приемах идейно-психологической обработки людей, использующихся в ходе кампаний.

ИХ МЕХАНИЗМ И ЦЕЛИ

В ноябре 1957 года Мао Цзэ-дун сказал, что каждые год-два нужно проводить в Китае массовые кампании. За годы существования КНР они стали неотъемлемой чертой жизни китайского общества. Китайское руководство стремится решить самые различные проблемы путем массовых кампаний: от санитарии и гигиены до развития национальной экономики, от уничтожения воробьев в стране до «революционизации сознания» народа.

Одних кампаний хватает лишь на недели, другие затягиваются на годы. Одни проводятся с большой помпой, другие негласно. Одни оканчиваются сравнительно удачно для пекинского руководства, другие проваливаются.

Сколько массовых кампаний было проведено в КНР? Специалист по Китаю, американский профессор Фредерик Юй насчитывает вплоть до 1966 года более 100 кампаний. Только за первое десятилетие, по его мнению, была проведена 81 массовая кампания.

Если говорить о чисто идеологических кампаниях, то, как считал один из бывших высших представителей пекинского руководства, Яо Вэнь-юань, за годы существования КНР удалось провести удачно 8 общенациональных кампаний, остальные были сорваны или не сумели набрать полную силу. Кроме того, после «культурной революции» в Китае было развернуто еще пять кампаний: «критики ревизионизма и исправления стиля» (1972 г.), кампания «критики Линь Бяо и Конфуция» (1974 г.), кампания так называемого «изучения теории диктатуры пролетариата» (1975 г.), кампания «критики и разбора романа «Речные заводы» (1975 г.) и кампания «борьбы против правоуклонистского поветрия» (1976 г.).

Каков в самом общем виде организационный меха-

* Опасный курс. М., Политиздат, 1972—1975, выпуски 3—6. Журнал «Проблемы Дальнего Востока», 1973—1976.

низм массовых кампаний в КНР? Все начинается с того, что где-то на вершине пекинской пирамиды власти принимается решение о новой кампании. Затем о ней появляется сообщение в органах печати. Обычно в таком сообщении обозначается только тема кампании, и далеко не всегда по этому сообщению можно угадать с достаточной точностью направление и темпы ее развития. Одновременно с этим в провинциях назначаются люди, ответственные за проведение кампании. В печати начинают вестись разговоры, цель которых — психологически подготовить население к новой кампании, привлечь его интерес к ней, возбудить его энтузиазм:

На третьем этапе пускается в ход организационный механизм кампании на районном и уездном уровнях. К этому времени специально проинструктированные кадровые работники начинают активно проводить кампанию в маленьких городках и в сельских местностях. Кампания быстро набирает темпы. Митинги следуют один за другим. Все более деятельное участие принимают в развитии кампании местные активисты, задача которых заключается в том, чтобы подключать к проведению кампании как можно больше людей, охватить по возможности всех в городах и селах. На этом заканчивается подготовительный, или организационный, этап кампании. Она начинает быстро развиваться, охватывая всю страну.

В первые годы после образования КНР идеологические кампании не связывались открыто с именем Мао Цзэ-дуна. Лишь спустя долгое время становилось известно, что Мао Цзэ-дун выступил инициатором важнейших кампаний, лично написал те или иные статьи в печати, давшие направление их развитию. В последние годы положение изменилось. Обычно, когда подготовка к проведению кампании в размерах страны бывала закончена, в центральной печати появлялась статья с «новейшим указанием» Мао Цзэ-дуна. Он объявлялся инициатором кампании. Печать и радио начинали громкие разглашательства о кампании, и она вспыхивала словно фейерверк.

История массовых кампаний — это в значительной мере история КНР. Но здесь мы хотим сформулировать лишь в самом общем виде те основные цели, которые ставили перед собой инициаторы этих кампаний.

— Проводя кампании по указанию Мао Цзэ-дуна, нагнетая культ его личности (в разных кампаниях в раз-

ной степени), укреплять его власть, препятствовать развитию антимаоистских сил в стране, центробежных тенденций в гигантском обществе.

— Оказывая в ходе кампаний практически постоянный сильный пропагандистский нажим, вбивать в головы населения «идеи Мао Цзэ-дуна», препятствовать распространению какой-либо другой идеологии.

— Особенно активно вколачивая в ходе кампаний в сознание людей «идеи Мао Цзэ-дуна» и ставя тем самым психологические барьеры, призванные препятствовать проникновению в Китай любой другой идеологии, создавать в умах определенной части населения иллюзию о том, что маоистская идеология отражает объективную истину, является единственно научной идеологией нашего времени.

— Поддерживая в стране обстановку идеологического и политического террора, сталкивая между собой различные группы населения, облегчать себе расправу над инакомыслящими и недовольными.

— Регулярно «встряхивая» страну кампаниями, искусственно подогревать «энтузиазм» населения, вынуждать его мириться с трудностями и лишениями.

Поскольку китайские руководители переоценивали значение идеологических факторов в жизни общества и недооценивали значение факторов материальных, массовые идеологические кампании играли особенно важную роль в системе маоистской власти. Эти кампании были не только инструментом пропаганды, позволяющим, регулярно «промывая мозги» населению, превращать известную его часть в фанатиков, но и орудием насильственного управления обществом.

По мере того как пекинское руководство все более откровенно порывало с принципами научного социализма, в стране росло недовольство его политикой, углублялись противоречия, расширялся идеологический и политический кризис. А сами кампании приобретали все более репрессивный, все более карательный характер.

ЦЕНА КАМПАНИЙ

«В теории и практике КПК в вопросах идеологической работы, — пишет советский исследователь идеологических кампаний в КНР Л. С. Кюзаджян, — уже в первые годы было немало путаницы, непоследовательно-

сти, упрощенчества, которые со временем не только не исчезли, но, напротив, усугублялись и дополнялись все более жестокими методами подавления инакомыслящих и насаждения маоизма».

Под предлогом «перевоспитания» власти обрушивали на людей изверские духовные и физические кары. Даже такой неоднократно упоминавшийся нами про-маоистский автор, как Э. Сюу, стараясь сообразности хоть внешнюю видимость объективности, поместил на одной из страниц своей книги о маоцзэдуновском Китае весьма красноречивый документ — открытое письмо некоего провинциального учителя Лан Ши-чжана Мао Цзэ-дуну. В свое время это письмо опубликовала ханькоуская газета «Чанцзян жибао». В своем письме учитель, в частности, писал: «Многие люди покончили самоубийством, потому что они не выдержали методов идеологического перевоспитания... Это тирания! Это злодейство!.. Нет числа образованным людям, которые предпочли умереть, выбросившись из окна высокого здания, бросившись в реку, проглотив яд, перерезав себе горло или прибегнув к еще какому-нибудь способу самоубийства...»

Китайская интеллигенция сравнивала массовые кампании с «омутом, в который легко упасть, но из которого почти невозможно выбраться».

Начинаясь под каким-нибудь идеологическим предлогом, кампании очень быстро выходили за рамки идеологии, приобретали политический характер, приводили к политическим и физическим расправам, чисткам, бедам для многих семей, к самоубийству людей.

«Культурная революция» ярко продемонстрировала всему миру, на какую жестокость способны пекинские руководители, отстаивавшие свою власть.

С годами эти кампании все больше утомляли людей, все дальше отталкивали их от маоцзэдуновской политики. Это была вынуждена в ряде случаев признать и пропаганда. Поступала так она совсем не из любви к истине, а из страха совершенно оторваться от действительности, потерять всякую возможность влиять на массовое сознание. И вот из официальных китайских материалов мы узнаем, что в последние годы все более широкие слои населения проявляли недовольство маоцзэдуновской политикой, нескончаемыми массовыми кампаниями.

Одни крестьяне, например, ехидно говорят: «Полити-

ку есть не станешь». Другие им вторят: «Нарисованными на стене пампушками сыт не будешь».

Вот что сказал после «культурной революции» рабочий из города Даляня: «Трудно понять борьбу двух линий. Когда обманывают даже тех, кто наверху, то как же нам внизу избегать ошибок?»

Подобные признания появлялись время от времени даже на страницах центральной китайской печати. «Жэньминь жибао» рассказала как-то об одном полковом комиссаре, который со вздохом произнес: «Некоторые товарищи надеются, что эта борьба «двух линий», в которой одно все время следует за другим, когда-нибудь все-таки прекратится». Подобные настроения вполне понятны: люди безмерно устали от вечного «промывания мозгов». Вот почему даже теоретический журнал ЦК КПК «Хунци» вынужден был признать: «У некоторых людей возникли настроения «мирного паралича». Им надоело вновь и вновь... бороться во имя классовой борьбы».

В том, какой большой вред приносили китайскому обществу маоцзедуновские массовые кампании, можно убедиться на примере кампании «критики Линь Бяо и Конфуция». Она вступила в свой активный этап в конце января 1974 года. По стране прокатились волны грандиозных митингов. Их называли «мобилизационными». Они проводились с целью мобилизовать массы на критику Линь Бяо и Конфуция.

Вскоре, а именно 2 февраля, появилась редакционная статья «Жэньминь жибао», озаглавленная «Довести до конца кампанию критики Линь Бяо, критики Конфуция».

Антиконфуцианская кампания была громогласно объявлена «великой идеологической и политической борьбой», приравнена по значению к «культурной революции». «Жэньминь жибао» в своей редакционной статье объявила, что «политическая борьба масс» ведется «по инициативе и под руководством нашего великого вождя председателя Мао». Чтобы придать кампании большой эмоциональный накал, газета сочла необходимым процитировать отрывок из стихотворения Мао Цзэ-дуна:

Пусть воют ветры!
Пусть бьются волны!
Это лучше, чем празднество,
Гулять по окруженному стеной двору.

Страна пришла в движение. Люди кипели показным гневом против Линь Бяо, исчезнувшего с политической сцены за два с половиной года до начала кампании, против Конфуция, жившего две с половиной тысячи лет назад. Диктаторы радио и телевидения посылали в адрес двух «злодеев» яростные проклятия, заученно гневно звучали речи бесконечных ораторов на митингах.

Поскольку в ходе кампании приходилось затрагивать очень сложные идеологические и исторические вопросы, занятия в ряде учебных заведений были прерваны. Студентов отправили в деревни, на фабрики и заводы. Им предстояло в самой доступной форме объяснять населению, что Конфуций, тысячелетия кряду почитавшийся в Китае мудрецом и даже святым, всего-навсего обманщик, даже негодяй и убийца. А недавний преемник Мао Цзэ-дуна Линь Бяо выглядел в этом изложении чуть ли не малограмотным и недалеким человеком, «не читавшим книг, газет и документов», зато переписавшим в свой дневник и развесившим на стенах своей спальни «возмутительные» изречения Конфуция.

Линь и Кун* становились объектом критики в бесчисленных дацзыбао, которые сочиняли в Китае все, объектом карикатур, объектом насмешек и гнева в «песенках», сочинявшихся гражданами КНР всех возрастов и профессий. В самой населенной стране мира разворачивался очередной гигантский парад политического «благомыслия».

В больших городах, под боком у высокого начальства политический декорум соблюдался особенно рьяно. Но Китай — страна большая. И в ряде мест не торопились по разным причинам разворачивать антиконфуцианскую кампанию. Не торопились, например, потому, что любая кампания отнимает у людей много времени и сил, как правило, вредит производству. Не торопились еще и потому, что знали по опыту: за любую большую кампанию всегда приходится платить немалую цену и в производстве, и в решении политических и социальных проблем, и в развитии культуры. И чем дальше, тем больше отражались в этих кампаниях борьба за власть в стране, противоречия враждующих группировок в вопросах развития китайского общества.

* К у н — Конфуций.

Все группировки, все отдельные люди дружно прославляли Мао Цзэ-дуна, его «идеи». Но многие понимали и толковали их по-своему. И нередко противоборствующие группировки пытались перехватить инициативу друг у друга, навязать противнику невыгодные позиции. Однако обязательный и всеобщий культ Мао Цзэ-дуна вынуждал противников скрывать свои подлинные цели под общими лозунгами. Отсюда в некоторых кампаниях столько непонятных для постороннего глаза тактических ходов, терминологической путаницы.

Вот одно из типичных признаний журнала «Хунци» на этот счет: «Иногда в ходе борьбы с «левым» уклоном скрывают правый уклон; вместе с тем в других случаях в процессе борьбы с «левым» уклоном предпринимается попытка скрыть еще более «левый» уклон».

Воистину: правая, левая где сторона? Во всяком случае, из этой цитаты ясно одно: противоречия в Китае не ослабевали, кризис продолжался.

При этом центр, который, судя по всему, тоже далеко не един во взглядах, пытался контролировать ход кампаний, направлять их по нужному руслу. В качестве примера сошлемся на один документ — «Указание ЦК КПК о движении критики Линь Бяо и Конфуция», опубликованное летом 1974 года в зарубежной печати.

Вот некоторые примечательные пункты этого «Указания».

«...9. Запрещается насильственная борьба.

10. Запрещается останавливать производство и мешать ему.

11. Запрещается устанавливать незаконные связи.

12. Запрещается месть.

РАЗДЕЛ В. ВОСЕМЬ ТРЕБОВАНИЙ ЦК

1. Строго запрещается борьба между отдельными группировками, нападки на отдельных лиц и произвольный самосуд над теми, кто подвергается критике.

2. Строго запрещается насильственная борьба, установление связей и создание организаций типа хунвэйбиновских.

3. Развертывание движения на фабриках в основном не должно влиять на производство, запрещается приостанавливать работу для ведения больших собраний по критике Линь Бяо и Конфуция.

4. В деревне при условии, если это не влияет на ве-

сенние полевые работы, и в зависимости от обстановки большие собрания по критике Линь Бяо и Конфуция проводить три раза в неделю, главным образом в вечернее время.

5. В армии и на фронте культуры и образования необходимо проводить глубокую критику, через день проводить большие собрания и каждый день собрания, учебы и обсуждения.

6. Должным образом вести работу по критике Линь Бяо и Конфуция среди молодежи, отправленной в сельские и горные районы, чтобы молодежь могла спокойно работать в деревне.

7. Сосредоточить наступление на ревизионистские пролиньбяоские элементы и твердолобых, которые составляют 5 процентов населения (5 процентов населения КНР — свыше 40 миллионов человек. — М. С.).

8. Держать под наблюдением лиц, относящихся к пяти категориям (согласно маоистской пропаганде — бывшие помещики и владельцы предприятий, богатые крестьяне, правые элементы и контрреволюционеры. — М. С.), предотвращать их провокации и контрнаступления. Произвести проверку прописки, ликвидировать «черных людей» с «черной пропиской».

Авторы этого документа, хотели они того или нет, показали в нем, какое брожение умов царит в Китае, какие противоречия раздирают страну, какому упорному «промыванию мозгов» подвергают население Китая.

Вместе с тем авторы документа явно стремились заранее снять с себя ответственность за насилие, которое неизбежно возникнет в ходе кампании («борьба силой», «самосуд»), насилие, которое они сами провоцировали. Они пытались также снять с себя ответственность за тот вред, который кампания нанесет экономике страны.

Но, увы, инициаторам кампании не удалось избежать ни вреда экономике, ни взрывов массового насилия. И эти факты вынужден был признать вскоре сам ЦК КПК. Мы имеем в виду уже упоминающийся нами другой его документ — «Документ ЦК КПК № 21», изданный 1 июля 1974 года и распространенный в Китае вплоть до уездов.

В нем отмечалось и невыполнение государственных планов за первое полугодие 1974 года многими круп-

ными предприятиями, и огромные затруднения, возникшие в угольной промышленности и на железнодорожном транспорте, и саботаж в промышленности и сельском хозяйстве, и наличие в стране целых банд грабителей, воров и убийц, и вражда различных группировок. «Сегодня группы устанавливают нелегальные контакты с другими группами за пределами своих районов или вступают в борьбу друг с другом... Они открыто призывают к прекращению работы», — говорилось в «Документе ЦК КПК № 21».

Такие вот плоды приносят маоцзэдуновские массовые кампании. И все-таки они продолжают следовать одна за другой. «Промывание мозгов» не прекращается. Интенсивность обработки людей в маоцзэдуновском Китае всегда была очень высока. Так, 15 июля 1975 года радиостанция Внутренней Монголии*, касаясь изучения очередного «указания» Мао Цзэ-дуна, заявила: «Чтобы хорошо осмыслить это указание, люди недосыпают и недоедают».

Само здоровье людей приносится в жертву «промыванию мозгов»!

«И-ЧЖАН-И-ЧИ»

Мао Цзэ-дун в своей внутренней политике всегда стремился варьировать периоды напряженности и разрядки, внешнего показного спокойствия и откровенных свирепых чисток, идеологического послабления и яростного давления. Этот прием очень и очень не нов. Им пользовались китайские императоры седой древности. В старинных китайских книгах он получил название «и-чжан-и-чи» (напряженность и разрядка). Журнал «Хунци» в передовой статье, опубликованной в мае 1973 года, возводил этот прием императорской политики в ранг «закона революционной борьбы»: «Председатель Мао... говорит о теории чередования напряженности и разрядки («и-чжан-и-чи») и наглядно объясняет один из законов революционной борьбы». А в следующем году, касаясь той же темы, «Хунци» пошел еще дальше и высказался в том духе, что этот

* Внутренняя Монголия — автономный район в составе КНР.

прием не что иное, как подлинный диалектический материализм — классический пример того, как древняя китайская мудрость претворяется в марксизм.

На практике использование приема «и-чжан-и-чи» означало, что страна попадала то под ледяной, то под горячий идеологический душ. Это выбивало людей из колеи, притупляло их бдительность и превращало в более легкую добычу политических манипуляторов. Мао Цзэ-дун многократно пользовался этим коварным приемом. Ограничимся одним примером.

С начала 1965 года китайские власти допустили некоторые идеологические и бытовые послабления. Было сокращено количество политических собраний, меньше времени уделялось политзанятиям. Власти полуофициально давали понять, что можно немного больше, чем обычно, тратить денег на одежду и радости, что за это никто не подвергнется критике. А «Жэньминь жибао» 21 июня 1965 года даже выступила с передовой статьей, озаглавленной «Чередовать работу и досуг». Газета напоминала населению страны о том, что оно должно еще и отдыхать. Случай воистину редкий.

Короче говоря, во внутренней политике наступало явное потепление. Простые китайцы немного распрямили натруженные плечи, облегченно вздохнули... Люди хоть какое-то время могли принадлежать сами себе. Постылое «промывание мозгов» поуменьшилось... Откуда было знать людям, особенно молодым, что Мао Цзэ-дун в очередной раз прибегает к приему «и-чжан-и-чи»? Откуда было знать им, что короткая оттепель обернется для них совсем скоро долгой суровой зимой «культурной революции»?

Так вот выглядит, наверное, такой же старый, как сама власть, прием «и-чжан-и-чи». Он рассчитан на то, чтобы дать людям время от времени облегченно вздохнуть, но не позволяет им ровно, спокойно и глубоко дышать сколько-нибудь продолжительное время. Поэтому, как правило, пульс у Китая учащенный, дыхание неровное. Мао Цзэ-дун намеренно держал страну в состоянии почти не прекращающейся политической и психологической лихорадки: так ею легче управлять, так ему легче было ловить рыбку в мутной воде политических кампаний.

Как утверждали пекинские идеологи, кампании проводятся, в частности, для того, чтобы «воспитать но-

вого человека». Что же, присмотримся поближе к некоторым приемам этого «воспитания», к психотехнике «промыывания мозгов».

«МИТИНГИ БОРЬБЫ»

Прежде всего поговорим о так называемых «митингах борьбы», этом поистине незуитском изобретении пекинского руководства.

Каждая новая кампания выдвигала новые жертвы. В них никогда не бывало недостатка. Так же как в обвинениях, которые им можно предъявить, в ярлыках, которые на них можно повесить. Эти вот жертвы противопоставляются «революционным массам», то есть коллективу, общему собранию и т. д. «Виновность» жертв считается заранее доказанной. Хотя доказательств в юридическом смысле этого слова как раз никто и не собирал. А в жертву человека может превратить его социальное происхождение, неосторожно сказанное слово, навет негодяя или интуитивное подозрение «активиста», наконец, просто необходимость на его примере устрашить остальных.

Против такой вот жертвы и направлен «митинг борьбы». «Виновному» нельзя защищаться, тем более критиковать других. От него ждут одного — униженного покаяния. Всякая попытка «обвиняемого» не только отрицать, но хотя бы смягчить свою «вину» встречается в штыки инициаторами собрания. Упорство «виновного» на этом пути легко может превратить его во «врага революционных масс».

С другой стороны, каяться слишком поспешно тоже рискованно: могут не поверить. Каждый опытный, прошедший тернистые пути идеологического «перевоспитания» китаец отлично знает, что «перевоспитываться» надо не в один день, а постепенно. Тут дело не в искренности, а в умелой ее имитации, в мастерском соблюдении «правил игры». А эти правила жестоки, «митинги борьбы» могут длиться очень долго. Если понадобится инициаторам «перевоспитания» — недели. Такие случаи не раз были. Но даже и в сравнительно коротких «митингах борьбы» жертва переживает подлинные муки.

Вот как описывает первый день «митинга борьбы» один из китайцев, прошедших этот крестный путь:

«Человека окружают презрительные, ненавидящие лица, ему кричат в уши, в него плюют, перед ним угрожающе трясут кулаками, и все, что он говорит, считается ложью. К концу дня его ведут в комнату, запирают, дают немного пищи и обещают, что на следующий день будет еще хуже.

...Часто бывает «выходной день», например, по воскресеньям, но и эти выходные дни — упражнение в садизме. За закрытым в комнате человеком постоянно наблюдает один из участников «борьбы». Если человек выглянет в окно, охранник упрекнет его в том, что он отвлекся от своих проблем, которые должны полностью занимать его. Если он заснет, стражник разбудит его, дергая за волосы. Через три-четыре дня жертва начинает выдумывать грехи, которых никогда не совершала, надеясь на то, что чудовищное признание даст ей передышку. Через неделю «борьбы» она готова на все».

«Готова на все». Да, на все. Вплоть до самоубийства, когда представится случай для этого. Потому что утонченные иезуитские издевательства может выдержать не всякий.

Во время этой чудовищной «борьбы» человека стремятся унижить, морально растоптать. Для этого его вынуждают отвечать на любые вопросы, вплоть до самых интимных. Этот душевный стриптиз китайцы именуют «снятием штанов на публике». И так вот человека «критикуют» до тех пор, пока он не будет сломлен духовно и физически, пока он не склонится низко перед властями. Если же человек предпочтет смерть постыдной жизни, у него отнимут доброе имя, повесив на него любой ярлык в духе времени.

Жертву «борьбы» изолируют не только от поддержки со стороны ее родных. Ее родных вынуждают выступать с критикой своего родственника, обливать его грязью. Если же родственники жертвы отказываются делать это, то они могут сами стать мишенью «борьбы».

Таким образом, жертва изолирована, жертва одинока, она не может защищаться сама, она не может ждать защиты ниоткуда. Ее игра проиграна заранее. Это очень удобный для властей способ уничтожать людей поодиночке, морально или даже физически. Каждый из «обвинителей» вкладывает в «обвинения» всю свою актерскую страсть: он не хочет сам стать жертвой. Но никаких гарантий в том, что не станет ею со време-

нем, у него нет. На какое-то время он отодвигает от себя угрожающую возможность стать «мишенью борьбы». Надолго ли?

Тем и удобна для властей машина «митингов борьбы», что она позволяет противопоставить толпе глухих, этому лжеколлективу любого, расправиться с любым.

СИСТЕМА «ИНФОРМАЦИИ»

В каждой китайской школе регулярно, один или два раза в неделю, проводились общие собрания. Темы собраний диктовались проходящей кампанией или актуальными событиями. На собраниях обязан выступить каждый присутствующий. Школьники сопоставляют свои мысли и поведение с теми требованиями, которые предъявляет им жесткий морально-политический кодекс. Естественно, что любое отклонение школьников от официальных норм делает их объектом критики со стороны товарищей. Но, кроме «самокритики», школьники обязаны «критиковать» взгляды и поступки своих сверстников. Таким образом, власти получают достаточно широкие данные о настроениях и поведении школьников. Тем более что иной разозленный «критикой» со стороны товарищей школьник может сказать о своих одноклассниках такое, что не сказал бы в ином случае. Организаторы собраний, маскируя свои цели необходимостью «воспитания» детей, намеренно накаляют страсти на собраниях, сталкивают детей друг с другом: таким путем «воспитателям» удастся получить больше нужных им сведений.

Это и есть пресловутая система «информации», которая, по сути дела, приучает школьников доносить на всех окружающих под благовидным предлогом «критики и самокритики». Эта система действует и в начальной школе, и в высшей.

Мы уже говорили, что временами идеологическое давление на людей несколько ослабляется. Скорее других на короткое «потепление» реагирует молодежь. В школах, техникумах и вузах возникает более непринужденная атмосфера, чаще звучат шутки и смех. А на улицах и скверах можно чаще увидеть влюбленные парочки.

В это время людей меньше терзают собраниями, политзанятиями. Можно гораздо меньше времени посвя-

шать «критике и самокритике» и, конечно же, давать властям меньше «информации» о себе и о других. Какое-то, пусть даже короткое, время можно не сообщать «информацию», можно перестать быть доносчиком! Как тут не вздохнуть облёгченно!

«Интересно, что когда нам дают хоть какую-нибудь свободу выбора, то первое, что мы выбираем, — *свобода молчания*».

Это искреннее признание вырвалось у бывшего шанхайского студента, беженца из Китая, Тун Цзи-бина.

Можно себе представить, до какой степени надоело бедным китайцам вечное «промывание мозгов», как тяготит многих вынужденная роль доносчиков!

Но, увы, очень недолго длится в нынешнем Китае желанная «свобода молчания». Начинается очередная массовая кампания. Она приносит с собой новые вспышки казенного «патриотизма», зубрежку новых «указаний», новые «митинги борьбы». И снова людей вынуждают писать подробнейшие «самоанализы».

«САМОАНАЛИЗ»

«Самоанализ» — это еще одно изобретение китайского руководства, призванное контролировать каждый шаг человека, по возможности каждую его мысль.

Надо сказать, что эти «воспитатели» не видят такой уж большой разницы между мыслями и поступками человека. Изуверы-«воспитатели» считают, что наличие «плохих» мыслей обязательно приведет к «плохим» поступкам. Они уверены, что нужно «помочь» человеку избавиться от «плохих» мыслей. На это направлена вся система «воспитания».

Свои мысли по поводу всевозможных событий, свои поступки человек обязан подробно описать в «самоанализе».

Китайские студенты, например, вынуждены были писать такие многостраничные «самоанализы» регулярно: каждый месяц, каждый год. В них авторы описывали свои политические взгляды, отмечали «прогресс», которого они достигли на пути «революционизации сознания», критиковали свои ошибочные (с точки зрения маоистского катехизиса) мысли и поступки, намечали пути исправления «ошибок».

Сочинение «самоанализов» не просто идеологическая

проформа для всех и каждого. Это обвинительство требует от автора смекалки и изворотливости не говоря уже о знаниях официальных установок и свободном владении общепринятой политической терминологией.

Свой «самоанализ» студент сдает идеологическому руководителю группы. После его замечаний текст может не раз переделываться. Затем этот «самоанализ» зачитывается на собрании студенческой группы. Новые замечания, новые переделки. Когда документ наконец бывает готов, он сдается начальству. Особенно много придирается к «самоанализу», в котором студент подытоживает перед выпуском из института все свои «достижения» на ниве маоистского «промыывания мозгов», все свои успехи в области «революционизации сознания». Это особенно серьезный документ. Он будет храниться долго. И не случайно. Новые массовые кампании часто приносили новые установки, нередко противоречившие прежним. Эти бесконечные зигзаги политики подчас сбивали с толку даже людей, опытных в политических интригах. Что же говорить о простых людях? И если человек совершит хоть малейший проступок против официальной линии или властям понадобится очередной «мальчик для битья», из наглухо закрытых до времени сейфов извлекается его старый «самоанализ» и предъявляется ему в качестве обвинительного документа. Остальное для «воспитателей», как говорится, дело голый техники. Тем более что строгих юридических доказательств властям и не требуется. А зыбкая аморфная идеология представляет собой благодатную почву для жестоких манипуляций, для любых расправ.

«Самоанализ» для властей — важный инструмент социального контроля. Говоря проще, он — потенциальный обвинительный акт для любого в Китае.

С НОГ НА ГОЛОВУ

Маркс и Энгельс считали, что революция нужна трудящимся не только для того, чтобы изменить существующие условия, но и для того, чтобы изменить самих себя*.

Социалистическая революция предоставляет в распоряжение трудящихся материальные и духовные

* К Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 3, с. 70.

богатства. На основе коренных политических и экономических преобразований в обществе развивается и культурная революция. Целью ее является переделка духовного облика человека, постепенное формирование всесторонне развитой, гармоничной личности. Личности, которая умело, творчески пользуется всеми богатствами отечественной и мировой культуры.

Процесс формирования нового человека сложен и длителен. Мелкобуржуазная спешка, применение насилия могут принести этому делу огромный вред. В. И. Ленин предупреждал: «Культурная задача не может быть решена так быстро, как задачи политические и военные... Политически победить можно в эпоху обострения кризиса в несколько недель. На войне можно победить в несколько месяцев, а культурно победить в такой срок нельзя...» *

Совершенно иными, антисоциалистическими методами пользовались в идеологической работе пекинские руководители. Они фактически отрывали процесс воспитания человека от его материальной базы — необходимых политических и экономических преобразований в стране, обеспечивающих все условия для развития человеческой личности.

Если социализм последовательно обеспечивает все более высокий материальный уровень жизни членов общества, то маоисты проповедовали бедность как благо, призывали к аскетизму, к самоотречению.

Если социализм обеспечивает условия для все более полного духовного развития личности, то пекинские идеологи призывали «убьем свое «я», намеренно обедняли духовный мир человека, пытались превратить его в политическую марионетку.

Власти, по существу, стремились оторвать сознание от бытия, проявляя мелкобуржуазный фанатизм и спешку, неустанно «промывая мозги» людям, стремились «усовершенствовать» человека. При этом все их установки превращались в худшего толка моральный догматизм, внедрившийся в сознание людей с помощью насилия.

Между тем какой бы то ни было моральный догматизм совершенно чужд научному коммунизму. В «Немецкой идеологии» мы читаем: «...коммунисты не выдвигают ни эгоизма против самоотверженности, ни са-

* В. И. Ленин. ПСС, т. 44, с. 174—175.

моотверженности против эгоизма и не воспринимают теоретически эту противоположность ни в ее сентиментальной, ни в ее выпренной идеологической форме; они, наоборот, раскрывают ее материальные корни, с исчезновением которых она исчезает сама собой»^{*}.

Таков материалистический подход к этой проблеме. Китайские власти придерживались подхода субъективно-идеалистического. И корни его находятся в традиционных социально-этических воззрениях китайских мыслителей прошлого, прежде всего в воззрениях конфуцианских. Неоконфуцианский мыслитель Ван Я-мин (XV—XVI вв.) писал: «Все вещи есть порождение моего мышления». Он видел смысл своего учения в том, чтобы «в сердцах людей не осталось ни единой частицы зла, ни единого эгоистического устремления». Ван Я-мин, как, впрочем, и все остальные конфуцианцы, отдавал идее, а не материальным условиям приоритет в регулировании общественных отношений. Отсюда призывы конфуцианцев к моральному «самоусовершенствованию», отсюда навязывание всему обществу морально-догматических канонов.

Этим же путем, нынче, правда, модернизировав свою политическую фразеологию, придав ей архиреволюционный оттенок, шли пекинские лидеры. Недаром во многих высказываниях Мао Цзэ-дуна звучит мысль о том, что в развитии общества превалирующую роль играет идея. Отсюда маоцзэдуновский лозунг: «Политика—командная сила». Отсюда стремление властей решать все общественные проблемы с помощью политического воспитания масс, неустанного идеологического нажима на людей, бесконечного «промыывания мозгов» населению Китая с помощью постоянных массовых кампаний.

Размышляя над всем этим, трудно не прийти к выводу о том, что маоизм все больше и больше напоминал некую государственную религию и что в некоторых слоях общества происходил процесс подмены знаний верой.

ПО СТОПАМ ЧАН КАЙ-ШИ

В 1937 году английский журналист Бертрам, приехав в Китай, встретился с рядом руководителей гоминьдана, а затем был принят Мао Цзэ-дуном. О сво-

^{*} К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 3, с. 236:

их беседах и наблюдениях Бертрам рассказал в книге «На фронтах Северного Китая».

Вот один очень характерный эпизод из этой книги.

«О генерале Чан Кай-ши рассказывают одну историю, относящуюся ко времени его благополучного возвращения после рискованного Сианьского эпизода. В то время друзья поздравляли Чан Кай-ши со счастливым избавлением от опасности, а себя с тем, что он снова стоит у кормила власти.

— Если бы мне пришлось уйти с моего поста. — сказал Чан Кай-ши полусмущенно-полусерьезно, — по болезни или по другой причине, как вы думаете, кого бы я наметил себе в заместители?

Очень неохотно, с вежливыми оговорками ему наконец назвали несколько имен...»

Назвал и Чан Кай-ши имя одного генерала, которое произвело фурор среди присутствующих.

«Это, — продолжает свой рассказ автор книги, — было сущим пустяком по сравнению с тем, что последовало далее.

— А еще, — продолжал Чан Кай-ши, — я предложил бы Мао Цзэ-дуна!»

Почему же ярый контрреволюционер Чан Кай-ши запечатлел поцелуй Иуды на челе столь же ярого «революционера» Мао Цзэ-дуна? У Чан Кай-ши были для этого основания.

Во время контрреволюционного переворота 1927 года, когда по всему Китаю стали хватать и расстреливать коммунистов, гоминьдановцы не тронули Мао Цзэ-дуна. Американский историк Д. Руэ, занимавшийся исследованием жизни и деятельности Мао Цзэ-дуна, объяснил этот факт так: «Чан Кай-ши не стал трогать Мао Цзэ-дуна, возможно, потому, что знал о его разногласиях с другими видными коммунистами».

Вообще же в идеологии, политике и пропаганде чанкайшистской и маоцзэдуновской при внимательном рассмотрении обнаруживается гораздо больше общего, чем это кажется на первый взгляд.

Чан Кай-ши, когда шел к власти, не скупился на демократические разглагольствования, революционные обещания. Да и после прихода к власти, особенно в первый период, Чан Кай-ши не пренебрегал громогласной «революционной» демагогией. В его речах и книгах то и

дело попадались слова «революция», «революционеры», «революционный». А еще, спекулируя на надеждах людей на лучшую жизнь, Чан Кай-ши очень охотно пользовался словом «новый». «Новая экономическая теория», «Движение за новую жизнь» и т. д. Однако сравнительно быстро псевдореволюционный флер был отброшен, и Чан Кай-ши стал все более откровенно проводить контрреволюционную по своей сути, антинародную политику.

В дореволюционных речах и сочинениях Мао Цзэ-дуна можно найти немало рассуждений о том, как после революции будет процветать Китай, как будет благоденствовать его трудовой народ. Да и после прихода Мао Цзэ-дуна к власти, пока обстоятельства не позволяли ему обнаружить подлинные цели своей политики, пока в КПК была сильна прослойка коммунистов-интернационалистов, в стране проводилась политика, в основном соответствовавшая интересам трудового народа. В эти первые девять лет были достигнуты большие успехи в области развития народного хозяйства, улучшения жизни трудового народа, развития народного образования и культуры.

Потом в истории КНР наступила полоса маоцзэдуновских авантюр. Группа Мао Цзэ-дуна все более откровенно порывала с социализмом, все дальше сталкивала Китай с магистралью пути социалистического развития на узкие и топкие тропки авантюр. И все больше обнаруживалось «родство душ» маоцзэдуновских властей и чанкайшистов.

При чанкайшистском режиме власти пытались заставить население страны как можно больше времени работать бесплатно «на государство». Чан Кай-ши считал, что такой вот «добровольный труд» должен со временем «войти в привычку». Он требовал, «чтобы один человек работал за двоих и чтобы за один день выполнялась двухдневная норма».

В последние годы маоцзэдуновские власти приложили немало усилий, чтобы вынудить рабочих и служащих работать один-два дня в неделю бесплатно на государственную казну. Пропаганда распространила огромное количество панегириков в адрес «добровольцев», которые отработывали больше смен, чем дней в году, лишь изредка пользуясь выходными, не вылезали из шахт по две-три смены подряд, по не-

сколько суток не покидали цехов предприятий и к тому же, если верить пропаганде, совсем не интересовались, сколько им заплатят за их труд.

Чан Кай-ши заявлял, что стремление к личному достатку позорно, неблагородно. «Если человек следует желаниям уха и глаз, то он подчиняется вещам», — говорил Чан Кай-ши. Он нападал на эгоизм, имея в виду, по сути дела, естественное стремление человека жить по-человечески.

Известно высказывание Мао Цзэ-дуна: «Страшно подумать о том времени, когда все люди будут богатыми». Пропаганда яростно нападала на «эгоизм», под которым она практически понимала стремление человека получать справедливую оплату за свой труд, быть сытым и иметь прочную крышу над головой, видеть, что твои дети сыты, одеты и имеют возможность получить образование.

Чан Кай-ши заявлял, что «государство — превыше всего». При этом он имел в виду, конечно, государство, которое возглавляет он, в котором хозяйничает его партия. «Пока будет существовать гоминьдан, — говорил Чан Кай-ши, — будет существовать и Китай». Он оказался никудышным пророком.

Пекинские лидеры целиком и полностью подчиняли интересы личности интересам общества, под которым они, собственно, имели в виду свою группу, распоряжающуюся делами страны. Пропаганда неустанно подчеркивала, что судьбу Китая определяют «идеи Мао Цзэ-дуна», его политическая линия, страшила китайцев самыми страшными бедами, если не будут воплощаться в жизнь пресловутые «идеи».

Чан Кай-ши писал: «Все без исключения мудрые политические деятели прошлого считали, что исправление человеческой души, выправление нравов должно предшествовать политике». Так абстрактная мораль, оторванная от материальных факторов, становилась альфой и омегой всей общественной жизни.

О моральном догматизме пекинских лидеров мы писали выше.

Главной целью в воспитании народа Чан Кай-ши считал «развитие национального духа». «Школьное и общественное воспитание, — заявлял Чан Кай-ши, — должно «делать главный упор на внедрение национальной идеологии, пробуждение национального духа». Вос-

питание национализма, как считал Чан Кай-ши, надо начинать с раннего возраста, когда дети «подобны листу чистой бумаги, на котором можно рисовать красной, черной, серой и желтой краской».

Уподобляя народ «чистому листу бумаги», на котором властитель вправе рисовать любые удобные ему картины, Мао Цзэ-дун, по существу, повторял мысль Чан Кай-ши. О том, как людям в Китае «промывают мозги» с самого раннего детства, мы рассказывали выше. Масштабам и интенсивности маоцзэдуновского «промывания мозгов» чанкайшисты могли бы только позавидовать. Касались мы и того, какое место занимает национализм в идеологии пекинских лидеров.

«Одна партия, одно учение, один вождь». Эти слова Чан Кай-ши стали основой культа его личности.

Култ личности Мао Цзэ-дуна мало чем отличался от культа Чан Кай-ши, разве что култ Мао Цзэ-дуна был куда шире по масштабам.

«Есть армия — есть власть». «Война решает все». Это слова Чан Кай-ши.

«Винтовка рождает власть». «Наш коронный номер — это война...» Это слова Мао Цзэ-дуна.

Список подобных «совпадений» очень легко продолжить. В заключение этого раздела мы хотим остановиться еще на одной параллели.

В одной из своих речей на совещании высшего командного состава Чан Кай-ши заявил: «Нам нужны люди, способные рубить без пощады... Поэтому вы, как мои подчиненные, если хотите быть солдатами революции, должны обладать мужеством и способностью рубить без пощады... Мы, ваши начальники, безусловно, сумеем рубить без пощады, но и вы, подчиненные, тоже должны уметь рубить без пощады!»

При Чан Кай-ши было создано «Общество возрождения» («Фусиншэ»), более известное под названием «Общество синерубашечников». Устав общества объявлял высшим принципом подчинение «вождю» — Чан Кай-ши. «Синерубашечники», воспитанные в духе оголтелого национализма, проявили себя в погромах профсоюзов, прогрессивных организаций, в тайных убийствах демократических деятелей. Это была чанкайшистская гвардия «рубящих без пощады».

У Мао Цзэ-дуна тоже была подобная «гвардия» —

хунвэйбины. Их было много — «освобожденных» от всякой морали, тупых и жестоких исполнителей воли своего «вождя». Позорная роль этих бандитов в истории КНР хорошо известна. Поэтому ограничимся лишь одним примером.

Пекинская хунвэйбинка Чжэнь Чан-хуа, прибывшая со своим отрядом в Тяньцзинь, хвастала, что их послал лично Мао Цзэ-дун, чтобы «навести порядок в городе». «Я за два дня, — говорила она, — убила двоих. Когда проходит день и мы никого не убиваем, у нас руки чешутся».

Никак нельзя сказать, что политика Мао Цзэ-дуна отличалась самобытностью.

АНТИМИР

Одна за другой следуют в Китае массовые политические кампании. По временам ненадолго идеологическое давление на людей чуть ослабевает. Но никогда полностью не прекращается «промывание мозгов», никогда не прекращаются разглагольствования пропаганды о пресловутой «революционизации сознания». И, как правило, подытоживая разговор об очередном мероприятии властей, например, об изучении какой-либо новой установки или «новейшего указания» Мао Цзэ-дуна, газета, журнал или выступавший с трибуны оратор замечали, что «это в значительной мере революционизировало сознание людей». Дежурные, штампованные резюме. Было бы ошибочным понимать их буквально. Подчас они означали, что путем идеологического и административного нажима удалось подкрутить, «приструнить» на какое-то время тот или иной коллектив. Еще чаще эти утверждения просто знаменовали собой желание властей внушить своей аудитории мысль о том, что их установки «работают», что их пропаганда эффективна.

Насколько же преуспели маонисты в «революционизации сознания» масс?

Очень многие факты говорят о том, что обыкновенный гражданин Китая не торопился перековываться в «нового человека», не торопился стать живым роботом. Оно и понятно. Чего ради, собственно, станет он в угоду властям отказываться от своих жизненно важных интересов. Конечно, внешние правила политического поведения соблюдаются. Люди дружно сходятся на собрания.

Дружно и громко кричат «ваньсуй!» («ура!»), дружно аплодируют. И каждый, когда ему самому приходит очередь выступать, вкладывает в свои слова необходимое количество наигранной политической страсти. Но, вернувшись на свое место, человек может чуть не полностью отключиться от всего, что происходит вокруг него. Некоторые даже — и об этом китайцы рассказывают сами — научились засыпать на собрании с открытыми глазами. Вырабатываются и другие меры самозащиты. Одним словом, действие рождает противодействие.

Конечно, люди расплачиваются за все это лицемерием. Но что поделаешь, в этих условиях и оно один из защитных механизмов. Оно так же неизбежно, как и ложь. Официальная ложь, которую по очереди произносят все, в которую верят далеко не все.

Нет, не торопятся китайцы «революционизировать сознание». И это время от времени признает сама пропаганда. В частности, весной 1975 года шанхайский журнал «Сюэси юй пипань» перечислил 10 привычек, которые, по его мнению, свойственны широким кругам людей в нынешнем Китае.

— Наслаждение пребыванием на высокой должности без чтения книг, газет и изучения теории.

— Бездельничанье в течение всего дня, уход к врачу при отсутствии недомогания и затягивание выздоровления из желания «любоваться природой».

— Стремление к славе и к тому, чтобы занять высокое положение.

— Боязнь трудностей и стремление к жизни с удобствами.

— Склонность к сплетням, алчность, семейственность.

— Проявление мещанства и вульгарности, лесть и хвастовство.

— Излишества в еде и в употреблении спиртных напитков.

— Использование принципа «услуга за услугу» и разбазаривание государственной собственности.

— Стремление оправдывать ошибки теми или иными обстоятельствами.

— Распространение ложных слухов.

Что можно сказать по поводу этого реестра? Заметим для начала, что человек предстает здесь более реальным, чем в иконописных изображениях маоистских

«идеальных героев». Конечно, такие пороки, как честолюбие, лень, алчность, хвастовство, не вызывают ни малейшего уважения. Но в данном случае никак нельзя забывать об идеологической «двойной бухгалтерии» пекинских идеологов, о словесных сальто-мортале, к которым они постоянно прибегали. В самом деле, «эгоизмом» их пропаганда именovala стремление жить по-человечески, «догматизмом» — заботу о семье, «анархизмом» — желание есть нормальную пищу, а не «суп из горьких трав», и т. д. и т. п. Вот почему и в вышеприведенном реестре, хотя, разумеется, в нынешнем Китае есть люди, которые сплетничают, льстят начальству, ленятся и т. д., нельзя все принимать за чистую монету.

Далее. Нельзя не почувствовать в этом описании абстрактно-морального подхода, столь свойственного официальной пропаганде. А ведь источник такого подхода — беспомощность, неумение воспитывать людей. Такой же морализирующий пафос был присущ и чанкайшистской пропаганде. Чан Кай-ши адресовал свои обвинения алчности, своекорыстия, эгоизму, себялюбию и т. д. Он пытался воспитать человека, так сказать, в безвоздушном пространстве, в отрыве от материальных условий его существования. Тем же путем шли пекинские лидеры.

Далее. Не думается, что уж такому большому количеству людей в Китае свойственно неумеренное честолюбие, карьеризм и уж тем более «стремление к излишествах в еде». (Это в стране-то, где действует жесткая карточная система!) Просто мы имеем дело с пропагандой, которая стремится выкрасить черной краской все, что ее не устраивает. Чего стоит только ее утверждение о «боязни трудностей»! Ведь так она именует естественное нежелание людей жить полуголодными, полуодетыми, полуживыми от изнуряющего труда.

Далее. В этом реестре просматриваются вещи весьма любопытные. Оказывается, люди в Китае предпочитают бездельничать, нежели трудиться за грошовую оплату. И это китайцы, которые всегда отличались трудолюбием! Оказывается также, что многим в Китае не нравится политика властей. Ибо люди говорят о ней друг другу правду. И эту правду пропаганда квалифицирует как «распространение ложных слухов».

Когда же пропаганда пускается в рассуждения о вульгарности, она выглядит совсем нелепо. Что же может быть вульгарнее, чем ее карикатура на социализм, ее методы «промывания мозгов», воспитания «нового человека»?

«Воспитанием» человека примерно на той же основе тысячелетия подряд занимались конфуцианцы. И к чему они пришли? Возьмем в свидетели великого китайца, жившего в нашем с вами веке. Лу Синь писал: «Дикая корова превратилась в домашнюю, дикий кабан стал домашней свиньей, и их дикость исчезла. Однако радуются этому одни только скотоводы, самим же животным это не принесло никакой пользы... Я считаю, что уж лучше обладать некоторой долей дикости, но если все свести в математическую формулу, то получится не очень интересно: человек + черты домашних животных = человек особого сорта».

Вот такого «человека особого сорта», точнее, убогое человекоподобное существо и стремилась воспитать пропаганда. В ряде случаев ей это удается. Были же хунвэйбины. И минуло более десяти лет с тех пор, как они начали бесчинствовать. С тех пор выросло новое поколение молодых и неопытных, горячих и необразованных, среди которых немало обманутых. Где гарантия, что их нельзя вновь распалить чуть подновленными националистическими лозунгами? Ведь «промывание мозгов» не прекращалось и не прекращается. И портрет молодого фанатика, если судить по материалам китайской пропаганды, рисуется примерно таким.

Он жесток и беспощаден (придерживается пресловутой «философии борьбы»); он крайне невзыскателен в отношении бытовых потребностей («неприхотливая тыква»); он всегда и во всем послушен властям («послушный буйвол», «винтик»); он «закален» физически и морально («не боится трудностей, не боится смерти»); он готов предать самых близких людей, если этого требуют власти («слушается только председателя Мао»); он недоступен никаким добрым и благородным чувствам (яростный противник гуманизма, в том числе и социалистического); доводы разума, аргументы науки для него — ничто (верит только в «идеи Мао Цзэ-дуна»); он белыми от ярости глазами смотрит в сторону Советского Союза, осуждает практику научного социализма (ненавидит «ревизионизм»).

Отталкивающий портрет. Странно и чудовищно, что такие вот убогие, примитивные существа воспитывались в стране яркой и неповторимой культуры. Потому власти и отсекали китайский народ от своей культуры, что ее лучшие произведения подчеркивают всю преступность маоизма как идеологии и политической практики.

Всегда лучшие умы Китая придерживались гуманистической традиции: они искали путь к счастью и свободе народа, радовались его радостью, горевали его горем.

Вот строки древнейшего китайского поэта Цюй Юаня:

Дышать мне тяжело, я скрываю слезы,
О горестях народа я скорблю,
Хотя я к добродетели стремился,
Губила ночь достигнутое днем.

А вот что много столетий спустя писал другой великий китайский поэт — Ду Фу:

Мне бедствия народа
Сердце ранят,
Чиновники забыли
Слово «жалость».

Слово «жалость», как и многие другие глубоко человеческие понятия, отсутствует в словаре пекинских лидеров. Зато в их пропагандистских материалах очень часто можно было встретить призывы типа «превратить врагов (имеются в виду недовольные политикой властей) в кучу собачьего дерьма». Ну а потенциальным убийцам и бандитам, которых стремятся воспитать с помощью «промывания мозгов», чужды высокие и благородные чувства — неотъемлемая часть сложного духовного мира человека.

Вот почему китайские власти стремятся отсечь свой народ и от лучших достижений мировой культуры. Все, что утверждает человека как существо сложное, с богатым духовным миром, было чуждо маоистам, являлось «ересью» с их точки зрения.

Все, а прежде всего молодежь, должны быть пострижены под одну гребенку, все должно быть одинаково и четко, как в казарме. Молодежь должна одинаково много работать, одинаково мало думать о своих собственных интересах, одинаково «слушаться председателя Мао». Не только в будни, но и в праздники все должны вести себя одинаково: не ходить в гости, не при-

глашать гостей к себе, не устраивать угощения. Как видим, даже сугубо личные сферы жизни подвергаются мелочной регламентации. Вот и свадьба должна отмечаться одинаково скромно. Как? Вот один из типичных рецептов, изложенных осенью 1975 года радиостанцией провинции Хэйлуцзян. В одной из деревень свадьба была проведена в обеденный перерыв. Молодым были вручены «драгоценные подарки» — томики председателя Мао, кетмень и мотыга. По окончании обеденного перерыва молодые отправились на работу.

Такому «порядку» могли бы, пожалуй, позавидовать и конфуцианцы с их неукоснительным стремлением расставлять всех и все по местам.

Только вот условий для нормального существования и гармоничного развития человека нет. Человеку нет места в этом антимире. В нем царствует принцип «Политика — командная сила». И человек — лишь инструмент этой политики, лишенный самостоятельности, бездуховный инструмент. Воспитывать такие вот «нержавеющие винтики» помогали постоянные идеологические кампании. И не только они.

Самый четкий порядок, самая крепкая дисциплина всегда в армии. Потому, видно, власти так настойчиво и превращали Китай в гигантскую казарму.

Известно, что Мао Цзэ-дун высоко ценил взгляды на военное искусство полководца конца VI — начала V веков до нашей эры Сунь Цзы. Есть в трактате о военном искусстве Сунь Цзы такая мысль: «Приступая к решительным действиям, следует сжечь корабли и разбить котлы, вести солдат так, как гонят овец; их гонят туда, и они идут туда, их гонят сюда, и они идут сюда, они не знают, куда идут».

Если солдаты будут знать «слишком» много, если у них будут собственные мысли, их нелегко будет «гнать, как овец». Поэтому долой культуру! И национальную, и мировую. Постоянно «промывая мозги» людям, их нужно освобождать от балласта «лишних» мыслей. Большинство это делает послушными. Меньшинство превращает в фанатиков. Фанатиков особенно много и не нужно. Они — вожаки, которые поведут за собой покорных. Идеология разрабатывается в тиши кабинетов, потом вбивается в голову человека с улицы, затем проверяется на полях сражений. Так, очевидно, мыслил Мао Цзэ-дун.

Идеологический фундамент этого антимира он закладывал еще много десятилетий назад. «Подлинная любовь к человеку, — утверждал Мао Цзэ-дун в «Выступлениях на совещании по вопросам литературы и искусства в Яньани» в 1942 году, — возможна лишь после того, как во всем мире будут уничтожены классы».

Ну а до этого времени, по Мао, незачем любить человека. Ведь он всего лишь мелкая разменная монетка. Судьба народа — унылой череды прозябающих поколений — упавозить почву, на которой когда-то, как считал Мао Цзэ-дун, взойдут пышные всходы.

Престарелый диктатор упорно закладывал в Китае организационно-политический фундамент такого вот чудовищного антимира. А фантазия вела его еще дальше. Известны его глобальные амбиции. Очевидно, в его планы входило организовать такой же антимир на всей нашей планете. Это уже был не только заговор против человека. Это был заговор против человечества.

Справедливый вывод был в свое время сделан в журнале «Коммунист» *. *«Ныне маоизм сомкнулся с антикоммунизмом, выступает противником разрядки, фактически апологетом новой мировой войны. Китайская проблема все больше становится одним из острейших политических вопросов современности».*

* «Коммунист», 1975, № 12.

ба
гл
ст
по

со
ма
лы
Од
др
лю
ха
тур
лю
вам
ны
пан

洗

脑

ОБОЮДООСТРОЕ ОРУЖИЕ

Сейчас во всех правительственных учреждениях вывешено столько дацзыбао, что повсюду пришлось поместить строгие предупреждения: «Не курить!» Дацзыбао — повсюду. Они занимают все пространство от пола до потолка. Они на всех стенах, окнах, они — на наружных стенах учреждений. В коридорах от стенки к стенке тянутся шнуры и веревки. На них — дацзыбао.

«Жэньминь жибао», 1958, 28 марта

В буквальном переводе с китайского слово «дацзыбао» означает «сообщение, написанное большими иероглифами». Дацзыбао совмещает в себе особенности стенной газеты, плаката, листовки, «молнии»... Трудно подобрать русское слово для перевода.

Дацзыбао бывают самые разные по размерам и по содержанию. Одни из них посвящены конкретным темам, немногословны. Другие представляют собой целые трактаты, состоящие из многих тысяч иероглифов. Одни из них написаны иероглифами обычных размеров, другие — гигантских, чтобы издали привлечь внимание людей. Текст может быть изложен в прозе или в стихах. Он может сопровождаться рисунками или карикатурами. Большинство дацзыбао пишется отдельными людьми, некоторые — группами или целыми коллективами. Они могут быть вообще без подписи или подписаны псевдонимами.

Всякий раз, когда разворачивается очередная кампания или наступает важный поворот в ее развитии,

Китай захлестывают волны дацзыбао. Их пишут практически все.

Мао Цзэ-дун как-то изрек: «Дацзыбао — это совершенно новое оружие». И действительно, руководители пропаганды считают дацзыбао важным средством обработки массового сознания. Власти всячески подтаткивают людей разных возрастов и профессий сочинять дацзыбао. Пропаганда даже подсказывает им примерные количественные нормы. Так, летом 1958 года журнал «Сюэси» призывал: «Дацзыбао — очень хорошее средство в нашей борьбе за перестройку сознания на предприятиях. Чем больше мы пользуемся им, тем лучше. Если на вашем заводе появилось 10 тысяч дацзыбао — это достижение первого класса. Если 5 тысяч — достижение второго класса. Если 2 тысячи — достижение третьего класса. А если у вас дацзыбао появляются время от времени, то это вообще не следует принимать в расчет».

Сначала дацзыбао, как правило, вывешиваются внутри учреждений, предприятий, учебных заведений. Потом по команде сверху они начинают выплескиваться на улицы городов и поселков. Ими заклеиваются стены домов, специальные огромные стенды. Целая мозаика дацзыбао на бумаге разных цветов, написанных иероглифами разных размеров, повсюду привлекает внимание прохожих, собирает толпы читателей. А утром следующего дня многие из них будут заменены новыми дацзыбао.

Днем большинство людей в стране работает или учится. А вечерами, иногда и по ночам, сочиняет дацзыбао. Школьники и студенты соревнуются в том, кто больше напишет дацзыбао за вечер или за ночь. И конечно же, ставятся личные рекорды. Об одном из них как-то поведала китайская печать. Некий «активист» не спал трое суток кряду. Днем он работал, а по ночам сочинял дацзыбао. В результате ночных бдений на свет появилось 100 дацзыбао. Правда, к исходу третьей ночи и силы активиста, и его фантазия явно истощились. Последнее его «произведение» не отличалось оригинальностью мысли и состояло всего из пяти иероглифов: «Да здравствует председатель Мао!»

Дацзыбао пишет в Китае всякий мало-мальски грамотный. Неграмотных обслуживают специальные брига-

ды пишущих под диктовку. Уклониться от написания дацзыбао — значит навлечь на себя подозрение в нелояльности, отказаться от «революционизации» своего сознания и вообще бросить вызов официальному курсу. С этой точки зрения сочинение дацзыбао — одна из форм маоистского политического принуждения.

И людям приходится писать дацзыбао, не жалея времени и сил. В 1958 году во время одной кампании студенты Пекинского университета вывесили 500 тысяч дацзыбао. А в Шанхае в ходе одной из кампаний было сочинено 100 миллионов дацзыбао.

ДАЦЗЫБАО ОБМАНЫВАЮТ И ПОДСТРЕКАЮТ

Непомерное количество дацзыбао, их содержание создают внешнее впечатление, будто бы в дацзыбао звучит «голос народа», будто бы массы на стороне пекинской правящей верхушки. И пропаганда именует дацзыбао «большой демократией». Однако многие факты неопровержимо свидетельствуют о том, что и само появление дацзыбао в тот или иной момент, их количество и содержание — все это власти планируют заранее, хотя, естественно, не все планы удаются.

В июне 1966 года «Жэньминь жибао» призывала массы как можно активнее сочинять дацзыбао, участвовать в «культурной революции». Как всегда бывает в важных для маоистов случаях, пропаганда прибегла к авторитету Мао Цзэ-дуна. Она писала: «Председатель Мао говорит: «Революционные дацзыбао — очень хорошая вещь». Газета подчеркивала, что дацзыбао позволяют срывать маски со всех «чудовищ и демонов». Так газета именovala всех честных коммунистов, тех, кто стоял на пути авантюристических планов Мао Цзэ-дуна и его приспешников.

Власти всячески понуждали людей сочинять дацзыбао, поскольку эти листовки служили их собственным политическим интересам, помогали нагнетать хаос «культурной революции».

В своем выступлении на рабочем совещании ЦК КПК 25 октября 1966 года Мао Цзэ-дун заявил, что в первой половине года «культурная революция» не привлекла большого внимания народа. «Но едва появились хунвэйбины и дацзыбао, — сказал Мао Цзэ-дун, —

как они тут же привлекли внимание народа» И Мао Цзэ-дун позаботился о том, чтобы дацзыбао привлекли внимание людей. Недаром 5 августа 1966 года он лично написал дацзыбао, озаглавленную «Огонь по штабам», послужившую сигналом к погромам «культурной революции». В ходе ее дацзыбао превратились в инструмент для осуществления политических авантюр, в запал для политических взрывов.

Хунвэйбинов снабжали данными из секретных архивов. В хунвэйбиновских дацзыбао нередко излагались тенденциозно подобранные выдержки из неизвестных ранее официальных партийных документов, высказываний китайских лидеров, призванных опорочить тех китайских государственных и общественных деятелей, с которыми маоисты хотели расправиться. Хунвэйбины широко распространяли все эти данные в своих дацзыбао, помогавших властям организовать удар по КПК, органам государственной власти, общественным и творческим организациям, опорочить политических противников Мао Цзэ-дуна.

Так что дацзыбао в этот период провоцировали людей, подстрекали их к участию в антинародной «культурной революции».

Поток дацзыбао достаточно умело направлялся властями. По их сигналу могла начаться очередная кампания вывешивания дацзыбао. Или совершенно неожиданно прекратиться уже шедшая кампания.

В 1967 году Цзян Цин распорядилась о том, чтобы журнал «Хунци» напечатал дацзыбао, в которой хунвэйбины поносили Лю Шао-ци. В том же году была резко прекращена начатая хунвэйбинами критика Чжоу Энь-лая. Наконец, в сентябре 1967 года дацзыбао исчезли словно по мановению волшебной палочки. Неожиданное и полное исчезновение их дало повод корреспонденту японской газеты «Асахи» в Пекине заметить: «Такое внезапное изменение ситуации заставляет наблюдателя подумать, что он очутился в другой стране».

И утверждения пекинских лидеров о том, что дацзыбао отражают революционную активность масс, их политическое творчество, являются «большой демократией», — всего лишь миф. В действительности дацзыбао — орудие манипуляции массовым сознанием.

В
мере
инсти
ницы
гате
листи
ских
мовос
О
щенн
еще
были
«Вы
ва пр
реми
бьем
И
дацзы
писей
гласн
У
распр
имен
замеч
еще
ской
свою
И не
и от
ловны
П
ло. В
новск
дикне
устои
«теор
восхв
сти. С
ниван
циаль
шаяс
обост
довы
хушк
8 м. с

Во время «культурной революции» ее режиссеры намеренно распаляли молодежь, играли на низменных инстинктах. Все это широко вытескивалось на страницы дацзыбао. Они чуть не наполовину состояли из ругательств, причем большей частью площадных. В этих листках было много грубых угроз по адресу политических противников председателя Мао, неумеренных самовосхвалений.

Очень часто эти дацзыбао начинались с таких обращений: «Ублюдки, мерзавцы, негодяи, паразиты...» И это еще не самые сильные выражения, которые в то время были в ходу. За грубой руганью следовали угрозы: «Вы забыли, что у вас только одна голова...». «Мы снова придем к вам с обыском... мы снова пустим в ход ремни и научим вас, как нужно вести себя». «Мы разобьем ваши собачьи головы».

И особенно печальным было то, что подобные дацзыбао были буквально испещрены сотнями подписей: «Поддерживаем!», «Замечательно!», «Целиком согласны!».

Уроки бездумного фанатизма, жестокости, кровавых расправ калечили юные души. Хунвэйбины, которым именем Мао Цзэ-дуна было позволено все, сами того не замечая, превращались в преступников, правда, тогда еще преступников «идейных», преступников с политической подкладкой. Зато потом, когда хунвэйбины сыграли свою позорную роль, власти сослали их в деревни. И неудивительно, что многие хунвэйбины, обманутые и отчаявшиеся, превратились в преступников уголовных.

Пекинское руководство пожинало то, что оно посеяло. Винить ему некого, кроме самого себя. Маоцзэдуновская «культурная революция» натравила на Китай дикие орды хунвэйбинов, расшатала нравственные устои общества. Пропаганда выпускала один за другим «теоретические» залпы по социалистическому гуманизму, восхваляла жестокость китайских императоров древности. Она тоже внесла свой заметный вклад в обесценивание в глазах молодежи моральных норм. А социально-экономическая политика властей, становившаяся все более антинародной, все более жестокой, обострила за последние годы противоречия между трудовым народом страны и пекинской правящей верхушкой.

На предыдущих страницах книги мы уже упоминали, что еще во время «культурной революции» в Китае появлялись резкие антимаоцзэдуновские дацзыбао. Эти дацзыбао, многие авторы которых проявили незаурядную смелость и трезвость ума, показывали, что в стране есть люди, которых не одурманила официальная пропаганда, не запугал террор.

По мере ужесточения маоцзэдуновской диктатуры, расширения пропасти между пекинской правящей верхушкой и трудящимися страны в дацзыбао все чаще стала звучать правда о положении в Китае. В них все сильнее чувствовалось недовольство народа политикой властей.

В июне 1974 года в Китае снова началась «кампания дацзыбао». Власти хвастливо заявляли, что эта кампания продемонстрирует «большую демократию». Но события обернулись для властей совсем иначе: они показали, что дацзыбао могут быть не только правительственным орудием обмана масс, но и острым антиправительственным оружием.

Многие из дацзыбао свидетельствовали о том, что произвол и насилие над народом, взяточничество и коррупция — характерные черты режима пекинских лидеров.

Так, в дацзыбао, подписанной рабочим Ли Чжэн-шэном из провинции Сычуань, рассказывалось о самоуправстве и бесчинствах военных на предприятии, где он работал. Автор рассказывал о том, как издевались над ним военные, как натравливали на него других рабочих. «Военные довели меня до тюрьмы, — сообщал Ли Чжэн-шэн, — и если перечислить то, что я пережил, то волосы встанут дыбом». Впоследствии Ли Чжэн-шэн приехал в Пекин, рассчитывая найти защиту в главном политуправлении НОАК. Однако там его, как он рассказал в своей дацзыбао, «избили до крови, разбили часы, украли сумку и выбросили на улицу, несмотря на мороз».

В целом ряде вывешенных дацзыбао резко критиковался порочный стиль работы созданных маоистами партийных и государственных органов. Так, женщина по имени Нин Сю-чжэн из провинции Хэйлунцзян писала в дацзыбао: «В нашем обществе имеют место явле-

ния, свидетельствующие о порочном, неправильном стиле руководства: я неоднократно писала об этом в редакцию «Жэньминь жибао» и в Политбюро, но ответа не получила. Дело в том, что руководители как на местах, так и в верхах пользуются властью в личных, узкокорыстных интересах, для личной выгоды, занимаются политикой «с черного хода» и решают вопросы только тогда, когда им преподнесут подарок».

Как видим, дацзыбао пишут люди из разных провинций, а порядки в этих провинциях весьма схожи: с народом не считаются, его жестоко подавляют. И характерно, что измороженные люди не могут найти ни справедливости, ни защиты и в центральных органах печати, и в самых высоких инстанциях власти. Значит, дело далеко не только в самоуправстве местных маоцзэдуновских чиновников, не только в отдельных жестоких и бесчестных людях, стремящихся устроить свое благополучие за счет трудящихся.

Однако перелистаем другие разоблачительные дацзыбао того времени. В них — боль и горе народа, в них — беззащитность народа и его бесправие.

Командир одного из подразделений ВВС рассказал в дацзыбао, вывешенной в Пекине у здания главного политуправления НОАК, о пережитых им чудовищных издевательствах. В ходе «перевоспитания» его истязали, применив более двадцати видов пыток. Ему подсунили написанное за него «признание» и силой вынудили его подписать. В течение нескольких лет он восемь раз ездил в Пекин, пытаясь найти там справедливость, добиться пересмотра сфабрикованного против него «дела». Но его каждый раз арестовывали и высылали из столицы. Последний раз он был арестован в феврале 1974 года «по личному указанию начальника политуправления», сообщает автор дацзыбао.

Нет ничего удивительного в том, что многих такая политика доводила до отчаяния, до самоубийства. И об этом тоже рассказывалось в дацзыбао. Так, рабочий пекинской транспортной компании писал о том, что в результате постоянных жестоких преследований один старый рабочий компании совершил самоубийство, другой пытался это сделать. Еще в одной дацзыбао, написанной приехавшим из провинции Сычуань в Пекин человеком, говорилось о том, что он покончит с собой, если не будет пересмотрено «дело», в резуль-

тате которого он подвергается бесчеловечным издевательствам.

Дацзыбао, вывешивавшиеся летом 1974 года в Пекине, рассказывали не только о страданиях трудового народа. Многие из них касались чрезвычайно обострившихся противоречий в обществе, рассказывали о борьбе, усиливающейся внутри КПК. Например, в нескольких дацзыбао, подписанных псевдонимом «Золотая обезьяна», настойчиво подчеркивалась мысль о том, что «КПК разделена на фракции». В других дацзыбао фанатики обещали расправиться с «Золотой обезьяной» за то, что она клеветает на положение в стране. В конце концов солдаты стали срывать дацзыбао, подписанные этим псевдонимом.

В то же самое время зарубежные информационные агентства сообщали, что в разных местах Китая происходят столкновения враждующих группировок, кровопролитные схватки, в ходе которых гибнут сотни людей. Политическая атмосфера в стране накалялась. Лето 1974 года становилось все более горячим. А разоблачительные дацзыбао, которые вывешивались в разных городах Китая, подливали масла в огонь.

В этих условиях власти сочли за благо прекратить «кампанию дацзыбао». Она рассказывала страшную правду о режиме и с каждым днем становилась все более опасной для него. И вот люди в оливковой форме, солдаты, которые есть в любом уголке Китая, начали срывать, соскабливать, смывать брандспойтами дацзыбао со стен пекинских зданий. «Большая демократия», просуществовавшая немногим более двух месяцев, бесславно закончилась. Как всегда происходит за последние годы в Китае, главное слово по части «демократии» «сказали» полиция и армия. «Кампания дацзыбао» продемонстрировала большой обман, которым пользовались власти, большое насилие, к которому они прибегали все чаще и чаще, большое недовольство народа, которое непрерывно росло. И еще эта «кампания дацзыбао» показала, что дацзыбао могут быть очень сильным оружием в руках народа, оружием, которого боятся власти.

В 1975 году идейный и политический кризис маоизма продолжал углубляться. Недовольство народа нашло свое проявление в массовых волнениях крестьян в различных провинциях Китая, в серьезных беспорядках на ведущих железных дорогах страны, в глубоких кон-

фликтах между рабочими и властями в таких китайских городах, как Ухань и Ханчжоу.

Эти события нашли свое отражение в дацзыбао. Во многих из них рабочие требовали повышения заработной платы, улучшения условий труда и жизни. Дацзыбао появлялось так много, что власти не могли уже просто отмахнуться от этого неприятного для них факта. Тем более что часть этих дацзыбао видели иностранные дипломаты в Китае, зарубежные туристы. И вот один из высших руководителей КНР в беседе с американскими журналистами вынужден был признать, что в ряде дацзыбао рабочие предъявляют справедливые требования.

Вместе с тем подобные дацзыбао срывались, а их авторы подвергались преследованиям.

Вот что передала, например, 9 июля 1975 года лондонская радиостанция: «Западные корреспонденты сообщили из Пекина, что год спустя в Китае вновь появились дацзыбао, носящие политический характер, которые немедленно были сорваны полицейскими. В некоторых дацзыбао полицейские обвиняются в том, что они преследуют тех, кто вывешивает дацзыбао. В некоторых дацзыбао подчеркивается: «В новой конституции КНР указывается, что государство дало народу свободу вывешивать дацзыбао».

В нынешнем Китае у каждого есть «свобода» прославлять в дацзыбао установки властей. Но никому власти не намерены дать свободу проявлять свое недовольство их политикой.

洗

脑

СОЧИНЯЙ И ПОЙ...

Вечно будет течь река Или.
 Никогда не сосчитать красные маки
 Тянь-Шаня.
 Никогда не иссякнет наша любовь
 К председателю Мао...

Из самодеятельной песни

В эпиграфе приведен еще один образчик «великого пустозвонства». На этот раз в форме самодеятельной песни. Еще одно вынужденное, казенное проявление «неиссякаемой любви к председателю Мао». Такие вот поделки сочиняли в Китае люди от 6—8 до 60—80 лет. Конечно, в самодеятельных произведениях звучат и другие темы. Они диктуются прежде всего очередной массовой кампанией.

Вынуждая людей писать дацзыбао, власти спекулировали на их естественном желании принять активное участие в общественной жизни. Упорно толкая их к такому вот штампованному «творчеству», они опять-таки спекулировали на естественной тяге людей к художественному самовыражению, которое раньше было недоступно для большинства из них.

И дацзыбао, и самодеятельное творчество власти старались использовать прежде всего и главным образом в пропагандистском плане.

ТВОРЧЕСТВО ПОД КОНВОЕМ

После победы народной революции в Китае трудящиеся жадно потянулись к образованию, к знаниям.

Этим воспользовалась официальная пропаганда. В ходе обучения грамоте в сознание людей внедрялись установки Мао Цзэ-дуна, чье имя постоянно связывалось со всем, что принесла народу революция. Власти ставили на службу своей политике лучшие чувства людей — их любовь к родине, революционный энтузиазм, гордость завоеванной свободой и т. д. Все эти чувства отражались в произведениях народного творчества. В них все чаще звучало имя Мао Цзэ-дуна. Это был один из приемов внедрения в сознание людей культа Мао.

Готовя народ к «большому скачку», власти искусственно стимулировали развитие народного творчества. Пресса всячески принижала роль и значение профессиональных литераторов и деятелей искусства, а трудящимся внушала, что художественное творчество — дело совсем несложное, что им может легко овладеть любой, что они должны сочинять стихи, поэмы, рассказы и т. д. и посылать их в газеты. И газеты щедро их печатали. Думается, что многие, искренне увлеченные процессом недоступного ранее творчества, сами того не замечая, становились пленниками навязанных им официальных мыслей и установок.

Власти и эту кампанию проводили с размахом. В январе 1959 года шанхайская газета «Вэньхуэй бао» рассказала о самодеятельном творчестве крестьян одной из коммун провинции Аньхуэй. Меньше чем за год крестьяне создали 180 тысяч народных песен, 87 пьес, 170 повестей и рассказов, 520 тысяч стихотворений, 190 тысяч рисунков и многое другое.

И это всего-навсего в одной коммуне. Сколько же подобных сочинений могло быть написано за год во всем Китае? Уму непостижимо. И конечно же, художественных требований к подобным сочинениям не предъявлялось. Властям нужно было одно: чтобы в этих произведениях без конца «прокручивались» их политические установки. И они спекулировали на тяге людей к творчеству. Это было «творчество», по сути дела, под конвоем. «Хитрость» же организаторов этого процесса выражалась в том, что большинство авторов самодеятельных произведений не замечали постоянного контроля над собой, жесткого навязывания им не только тем, но и формулировок. Эти авторы искренне, в меру способностей, воплощали свои чувства в стихах, в прозе, в рисунках, в песнях. О чем же они писали?

Вот одно из стихотворений крестьянина упоминавшейся нами коммуны.

Стихи и рисунки украшают все стены.
Все ходят в школу, у каждого есть книга для чтения.
Словно мчащийся конь, мы врываемся в ворота культуры.
И сейчас в деревнях пишутся стихи и встречаются поэты.

Искренний энтузиазм рождает искренние стихи. Едва ли китайские крестьяне думали тогда, что и нынче, почти через два десятилетия, в Китае будут сотни миллионов неграмотных. И прежде всего крестьян.

Вот еще одно стихотворение самодеятельного поэта того времени.

Погасли все огни.
Все объято глубоким сном.
Но кто это до сих пор пишет дацзыбао?
О, конечно же! Это секретарь нашей партийной организации.

Сколько дацзыбао на официальные темы написано в Китае с тех пор? Не перечесть. Ничего доброго они китайскому народу не принесли.

Еще активнее использовала пропаганда народное творчество во время «культурной революции». В это время пекинские идеологи открыто и резко выступили против профессиональной литературы и искусства. Произведения профессиональных литераторов и художников вообще надолго исчезли с глаз читателей и зрителей. Были разогнаны творческие союзы, закрыты издательства. Работников культуры сослали в деревни. Там, трудясь вместе с крестьянами, интеллигенты, по расчетам властей, должны ликвидировать свою идеологическую «скверну».

Вместо того чтобы давать народу как можно более широкое образование, постепенно и терпеливо воспитывать его художественный вкус, делать для него доступными сложные современные формы искусства и литературы, руководители страны решили идти другим путем. Наглухо и надолго закрывались музеи и библиотеки, осквернялись памятники национальной и мировой культуры, жглись китайские и иностранные книги, чинились расправы над творческой интеллигенцией.

Все это оправдывалось, в частности, разглагольствованиями о том, что писатели и художники должны лучше знать жизнь, должны «проникнуться мыслями и

чувствами народа». Сами по себе эти установки не вызывают сомнения. Но только не тогда, когда они прикрывают погромы и воинствующее мракобесие. Ибо в этом случае в них звучат лишь демагогия и лицемерие.

Во время «культурной революции» пышным цветом расцвело и самодеятельное творчество. Вернее, то, что власти называли этими словами. Ибо трудно назвать творчеством бесконечные восхваления Мао Цзэ-дуна, его политического курса. А имя таким сочинениям — легион. И все они на одно лицо. В каждом из них бесконечно повторялись политические лозунги дня. И когда читаешь эти одинаковые сочинения, невольно начинаешь думать, что авторы их, по крайней мере большинство из них, уже едва ли питали иллюзии насчет самодеятельного творчества. Просто с их стороны это была форма демонстрации лояльности, способ выжить и избежать неприятностей. Это уже было даже не творчество под конвоем. Это было творчество из-под палки.

Организаторы подобного творчества были озабочены одним — возможно более активным «промыыванием мозгов» населению страны. И все более заметной частью этого процесса становилась антисоветская пропаганда. Тон ей задавал сам Мао Цзэ-дун.

В канун 1967 года, когда страна вступала в период все более острой политической борьбы, «Жэньминь жибао» поместила на своих страницах стихотворение Мао Цзэ-дуна, ранее не публиковавшееся.

На нашей маленькой планете
О стенку бьется горстка мух.
И в их жужжании слышны
То визг, то стоны.
Муравей, взобравшись на акацию,
Козыряет великой державой.
А поденка силится
Покачнуть могучий дуб.
Крепчает осенний ветер,
Опадают листья в Чаньани.
Все громче звучат летящие стрелы.
Как много дел,
И всегда неотложных!
А Земля вращается,
И время не ждет.
Десять тысяч лет —
Срок слишком долгий.

Нам дороги каждый день и час.
Кипят моря и океаны,
Гневны волны и тучи.
Сотрясаются континенты,
Бушует ветер, гремят раскаты грома,
Неодолимая сила сметет с лица земли
Всех кровопийц и гадов.

9 января 1963 года

У китайской пропаганды давно уже вошло в традицию ранее высказанные Мао Цзэ-дуном мысли, ранее написанные им стихи публиковать в подходящий политически, с ее точки зрения, момент. С 1920 года Мао Цзэ-дуном опубликованы десятки стихотворений. В большинстве из них в иносказательной, намеренно усложненной и туманно-поэтической форме автор излагал свои политические взгляды. При этом событиям в Китае и в мире насильственно придавалось желаемое Мао Цзэ-дуном направление. Абстрактная форма, приданная стихотворениям, легко позволяет трактовать их в духе злободневных политических лозунгов, превозносить до небес их мнимые поэтические достоинства.

Так, в 1957 году Мао Цзэ-дун «подарил миру» сразу 18 стихотворений. Пропаганда тут же подняла вокруг них немыслимый шум, величая автора «великим поэтом». Маоцзэдуновские творения издавались многомиллионными тиражами.

А в стихотворении, приведенном выше, дается оценка Мао Цзэ-дуном ситуации, возникшей в Китае на стыке 1967—1968 годов. В нем Лю Шао-ци сравнивается с муравьем, «козыряющим великой державой». Советский Союз, по мнению Мао Цзэ-дуна, «силится покачнуть великий дуб», то есть Китай. Мао Цзэ-дун стремится ободрить своих сторонников, именуя их «неодолимой силой». Что же касается его политических противников, то их он без всяких церемоний называет «кровопийцами и гадами», призывает «смести их с лица земли». Вместе с тем в этом стихотворении чувствуется тревога автора в связи с тем, что он не успеет осуществить свои замыслы: «Нам дорог каждый день и каждый час». Чувствуется также желание автора организовать великую смуту на земле: «сотрясаются континенты». Со временем это оформится в провокационном тезисе о «великом беспорядке», который якобы дело хорошее. И все-таки основ-

ным в этом стихотворении, в котором широко использованы традиционные для китайской поэзии намеки, аллегории, сравнения, остается его ярая антисоветская направленность.

В канун 1976 года в Пекине было опубликовано еще два стихотворения Мао Цзэ-дуня: «Вновь на Цзинганшане», написанное в мае 1965 года, и «Разговор птиц», датированное осенью 1965 года. Вот одно из них, распространенное на русском языке агентством Синьхуа.

РАЗГОВОР ПТИЦ

Вспарила гигантская птица гуньпэн *
На девяносто тысяч ли,
Крылами бихри грозные вздымая.
Вниз глянула, спиной синь неба подпирая,
Туда, где распростерлися людские города.
Огнем орудий небо полыхает,
Воронками изрыта вся земля
Ко страху сгоревшего воробья.
«Бедь это просто ужас что творится!
Ох, мне пора уж в лет пуститься».
«Куда ж?» — спросить позволь.
А воробей в ответ: «Изволь.
На гору небожителей, в нефритные чертоги.
Ведь осень позапрошлую под яркою луной
Подписан тройственный был договор такой.
И есть что есть:
Готова уж картошка с говядиной притом».
«Да брось ты вздор молоты!
Смотри, весь мир идет вверх дном!»

Своих сторонников Мао Цзэ-дун сравнивает с могучей мифической птицей гуньпэн, своих политических противников — с трусливым и жалким воробьем... Нетрудно понять, за кем, по мнению автора, будет победа. Тем более что птица гуньпэн обладает не только силой и мужеством: она, по утверждению поэта, умеет правильно понять политическую ситуацию в мире, что не дано воробью.

Картина, которую наблюдает в мире птица гуньпэн, явно радует глаза дряхлого поэта: «Огнем орудий небо полыхает, воронками изрыта вся земля», «...весь мир идет вверх дном!».

* Гу нь п эн — мифическая птица, символизирующая силу и отвагу.

Автор старается накликать военную беду на нашу планету. Он, по сути дела, даже не пытается скрыть свои антисоветские, антисоциалистические взгляды.

ПРОФЕССИОНАЛЫ ПОД ПОДОЗРЕНИЕМ

В начале «культурной революции» «Жэньминь жибао» с солдафонской прямоотой Скалозуба высказалась: «Победившему пролетариату не нужны профессиональные писатели, артисты, композиторы и художники. Ему нужны наполовину писатели — наполовину рабочие, наполовину артисты — наполовину солдаты, наполовину художники — наполовину крестьяне».

Надо сказать, что подобные объективно реакционные воззрения далеко не новы. Многие сторонники так называемого «уравнительного коммунизма» считали, что профессиональные литература и искусство — дело не только бесполезное, но даже вредное. Эти мелкобуржуазные идеологи тешили себя надеждой, что когда их утопические взгляды на общество осуществятся, то государство сильно ограничит или даже запретит деятельность профессиональных писателей, художников, артистов. Однако эти «теоретики» не отрицали литературу и искусство вообще. Они хотели сделать их массовыми, общедоступными. По их мнению, для этого нужно было, чтобы каждый гражданин занимался литературой и искусством в свободное от физического труда время. А для того чтобы искусство стало «доступным» для всех, уровень его не должен превышать понимание неграмотного крестьянина. Это были обреченные на провал попытки уравнивать людей в духовной сфере.

В наше время такие взгляды распространяли пекинские идеологи, сторонники казарменного «коммунизма». Их не смущало то, что способности и потребности людей никогда не были и не могут быть одинаковыми ни в материальной, ни в духовной сфере. Они пошли гораздо дальше мелкобуржуазных теоретиков прошлых времен. Они стремились уравнивать людей в духовном аспекте с помощью принуждения, насилия. На пути авторов-профессионалов в Китае воздвигались всевозможные — идеологические и политические — препятствия. Правда, после «культурной революции» возобновились издания некоторых литературно-художественных журналов, ста-

ти появляться литературные произведения, подписанные отдельными авторами, а не только творческим коллективом. Но таких книг было очень мало. Ничтожно мало для такой огромной страны, как Китай.

В условиях, когда за работой автора постоянно наблюдают через его плечо, чуть ли не водят за него ручкой по бумаге, трудно сказать, что остается в книге от самого автора. Известны случаи, когда объемистую, в сотни страниц рукопись автор не один раз переписывал, чтобы угодить всем без исключения своим официальным и неофициальным критикам и цензорам.

Власти с неистребимой подозрительностью относились к художественному творчеству профессионалов. Их опасения откровенно высказала 22 мая 1975 года «Жэньминь жибао»: «Здесь может опять народиться новая духовная аристократия, могут вырасти новые перерожденцы буржуазной литературы и искусства». Как всегда и повсюду, сторонники Мао пугали людей жуэлом «буржуазности». Хотя известно, что используют они этот термин совсем не в марксистском строго классовом понимании. Просто они боялись свежих мыслей, искренних чувств, которые могут проявиться в талантливой книге, в произведении искусства. И эти мысли и чувства оттенят и подчеркнут всю несостоятельность официальных мертворожденных догм. И, боясь настоящего творчества, они загодя старались скомпрометировать художественную интеллигенцию в глазах трудящихся.

Догматики боялись не только тех книг, которые могут быть написаны талантливыми людьми. Они боялись и тех книг, которые написаны в Китае века назад. Не случайно осенью 1975 года была развернута новая идеологическая кампания — так называемого «разбора и критики» классического китайского романа «Речные заводи».

В декабре 1975 года главное политуправление НОАК опубликовало специальное уведомление с требованием навести жесткий порядок в книжном хозяйстве армии. В уведомлении били тревогу по поводу того, что до сих пор в ротах читают книги, которые не просеяны через частое сито жесткой политической цензуры. Авторы уведомления требовали «пресекать распространение вредных книг».

Китайские власти всеми силами стремятся низвести литературу и искусство до уровня унылой плоской пропаганды официальных установок. А правды жизни, без которой не существует настоящего творчества, они боялись как огня. И, верные своим демагогическим приемам, они выдумали даже некую зловредную, по их утверждениям, теорию «писания правды», которой всячески страшили и терроризировали писателей. Вот какое небезынтересное признание содержится на этот счет в первом номере двухмесячника «Тяньцзинь шиюань сюэбао» за 1975 год. «Подвергаясь влиянию так называемой теории «писания правды», — пишет тяньцзиньский журнал, — они (авторы. — М. С.) полагают, что в произведениях литературы и искусства можно или должно писать лишь о подлинных людях и подлинных событиях. Вот пример этого: один автор в своем произведении описывает отсталого кадрового работника, руководство по месту работы выговаривает ему, но, спрашивается, кто же имеется в виду в лице этого кадрового работника?»

Вот какой суровый вопрос задает журнал «согрешившему» автору, отразившему малую толику правды.

Но если не писать правду, то что же тогда? Журнал охотно поясняет. Читаем дальше: «А некоторые авторы только и знают описывать подлинных людей и подлинные события в своих произведениях, не решаясь обратиться к художественно-литературному домысливанию».

Ну уж этот упрек в адрес авторов, пожалуй, и совсем несправедлив. В тех книгах, что издавались тогда в Китае, вместо сложной, противоречивой, остродраматической действительности только и сталкиваешься, что с чахлыми, убогими домысливаниями. Поэтому и читать эти книги — труд адский. Поэтому, видимо, и молчали лучшие китайские писатели и поэты. И даже критика нет-нет да и поругает авторов подобных книг за схематизм, за ходульность и другие сходные грехи.

Дело с художественным творчеством в Китае никак не шло на лад. И виноваты в этом были свирепые мао-цзэдуновские цензоры. В такой ситуации писателям не легко. Или будешь молчать, или махнешь на все рукой и

начнешь подлаживаться к требованиям властей. А на этом пути нетрудно запутаться, изолгаться.

Великий Лу Синь всей душой ненавидел ложь. Но он знал ее страшную силу. «Китайцы никогда не осмеливались, — писал Лу Синь, — прямо смотреть на жизнь, и им ничего другого не оставалось, как довольствоваться ложью и одурачиванием, что порождало литературу и искусство, основанные на лжи и обмане. Такая литература и искусство, в свою очередь, вынуждают китайцев так глубоко погружаться в болото лжи и обмана, что они сами уже не чувствуют этого».

Лу Синь писал о старом Китае. Но создается впечатление, что над этой его мыслью стоит задуматься и нынешним китайским читателям, и нынешним китайским писателям.

ЗЛОКЛЮЧЕНИЯ ПЕСНИ

С песнями в нынешнем Китае тоже все обстоит далеко не просто. Есть песни, которые власти очень любят. Это песни-пропаганда. Самодеятельные песни, сочиненные по поводу идущей массовой кампании, песни, в которых «пропеваются» нынешние политические лозунги, которые могут завтра смениться иными. Но есть и песни, которые власти очень не любят. Таких песен большинство. Пропаганда именovala их «желтыми». Круг этих песен очень широк. Сюда включаются все песни в мире, не имевшие «счастья» подвергнуться официальной политической цензуре. Это и все настоящие китайские народные песни, в которых не содержатся и не могут содержаться модные лозунги и призывы. Это и песни, написанные в Китае только что. Но то ли их незадачливые авторы не потрафили чем-то властям, то ли бдительные демагоги усмотрели в них какое-то несоответствие жестким политическим канонам, то ли лозунги уже изменились. Но нередко бывает так, что песня поначалу понравится, с успехом исполняется, а потом вдруг грянет гром среди ясного неба. Так вот и произошло в 1974 году в городе Инкоу. Об этом поведала в своей передаче радиостанция города Ляонин. В ней было рассказано о том, как некий «музыкальный авторитет» (по-видимому, профессиональный композитор. — М. С.) написал три песни. Сначала они исполнялись с успехом.

Потом в них были обнаружены «страшные преступления». Песни подвергли разносной критике. Ее уровень и колорит мы хотим продемонстрировать с помощью цитат.

«Говоря о музыкальном сюжете и мелодии трех реакционных песен, следует отметить, что в одной из них всецело использован реакционный товар западной буржуазии, а некоторые похожи на мелодию вальса, написанного австрийским композитором Штраусом. Вальс Штрауса появился на свет в 1848 году, после поражения буржуазной революции в Европе. Тогда почти во всех странах Западной Европы свирепствовал белый террор феодализма. Из-за своей политической неустойчивости буржуазия и мелкая буржуазия Австрии стала неустойчива и в серьезной классовой борьбе. Даже капитулировала перед феодальным господством. Вальс Штрауса как раз и отвечает требованиям этой обстановки и приукрашивает диктатуру феодализма. Поэтому он был горячо встречен главарями феодальной аристократии. В припеве одной из трех реакционных песен автор всецело использовал мелодию и ритм «застольной» из оперы «Кармен»... Ясно, что это просто нечисть».

Не правда ли, незаурядный текст? Дальше в нем излагаются вещи не менее интересные. Особенную ярость «критиков» вызвала «Песня об автоколонне», написанная «музыкальным авторитетом».

«Автор говорит, что он обратил серьезное внимание на вступление к этой песне. Очевидно, вступление было написано с особой тщательностью. Давайте разберем его. Куда же оно хочет завести движущиеся автомашины? В первых же аккордах вступления слышатся холодные таинственные звуки, что создает впечатление напряженности и страха: будто пьяница ведет разваливающуюся машину... Нам нетрудно заметить, что автор при помощи музыкальных образов создает настроение: «политическая обстановка неустойчива, кризисы надвигаются с четырех сторон...» Припев этой песни состоит из шумов, подобных «ла-ла-ла». В припеве всецело использован музыкальный мотив советских ревизионистов».

Итак, по мнению властей, люди в Китае не должны отступать от официальных установок ни на волос, ни в чем, никогда. Даже в «ла-ла-ла». И горе тому, кто отступит. Об этом неустанно напоминала пропаганда.

Песня, книга или кинофильм — все равно. Они или должны обслуживать политику властей, или их не должно быть вообще. Эту политику в области художественного творчества нельзя не рассматривать иначе как патологическую боязнь свободной мысли. Прежде всего со стороны интеллигенции. Но и со стороны рабочих и крестьян тоже.

И, все шире прибегая к насилию, власти, по сути дела, демонстрировали этим собственное неверие в свои догмы.

И репрессивный аппарат властей, и их огромная машина пропаганды тщетно пытались задуть в стране живую, недогматическую мысль.

А МЫСЛЬ ЖИЛА!

Она жила в недовольстве трудящихся политикой пекинских лидеров. В бурных протестах образованной молодежи. В формальном отношении очень многих представителей молодежи к политическому молитвословию, в их ироническом отношении к пропагандистским установкам властей.

В предыдущей главе мы говорили о том, какую закономерную эволюцию проделали многие дацзыбао. Из орудия официальной пропаганды они стали все чаще, все заметнее превращаться в оружие народа. Нечто подобное начало происходить и с произведениями самостоятельного творчества. В них начала звучать правда, выстраданная народом. В них все громче звучало живое чувство, свободная мысль.

В канун 1975 года в книжных магазинах Гонконга появилась книга под заголовком «Разоблачения, способные заставить камни плакать». В ней собраны рассказы и стихотворения, написанные бывшими хунвэйбинами. Горестные размышления о судьбе родины под пятой диктатора, о своей сломанной судьбе, о тупике в котором очутилась китайская молодежь, о переоценке официальных ценностей — таково содержание этой книги.

...Мысль жива, пока жив человек. Маоцзэдуновская война против человека наносила ему страшный урон, но он не был побежден. Под неохватной толщей ледяных догм журчали живые ручейки. За ними — будущее.

Чуть не сорок лет назад замечательный китайский поэт XX века Ай Цин написал трагические строки о своей родине. К сожалению, они и сегодня звучат злобно.

Скорбь и страдания — от края до края,
Полночь на вечность похожа, —
Падает снег на просторах Китая,
Скован Китай, заморожен.

Но как бы ни была сурова зима, ей на смену неизбежно приходит весна.

ЭЛИКСИР БЕССМЕРТИЯ

Люди всегда стремились к счастью. В древности это стремление выражалось, в частности, в наивных попытках обрести бессмертие, в крайнем случае — необычайное долголетие. Об этих попытках повествуют мифы и легенды самых разных народов. В том числе и китайского. Древние китайцы пытались достичь бессмертия разными способами. Всемогущие императоры направляли целые морские экспедиции к мифическим островам за эликсиром бессмертия. Люди попроще обходились «домашними» способами: пили росу, глотали растительные и минеральные снадобья.

Каких только фантастических рецептов для достижения бессмертия не предлагали древние китайские книги. В одной из них, например, рассказывалось, что в глухих горах живут карлики ростом семь-восемь вершков. Они сидят в колеснице или ездят верхом. Надо при помощи колдовства обойти их сзади ковыляющей походкой и схватить. Карлика нужно проглотить, предварительно содрав с него кожу.

«Бррр...» — скажет читатель. Да, трудно отреагировать иначе. Однако автор этого диковинного и отталкивающего рецепта утверждает, что, проделав это, можно вознестись на небо, то есть обрести вожаемое бессмертие.

В таких рецептах, как в религии, суеверия и предрассудки переплелись с мечтой человека о счастье. На какие только муки не обречет себя человек, которого манит извечная мечта о счастье, стремление избавиться от тяжкого труда и нужды. На этой мечте спекулируют политические демагоги и авантюристы. Они предлагают не-

реальн
через
таких
Он

понят
Мао
чит —
седат
захот
жизни
нужде
Ря

долго
«смер
Цзэ-д
более
созна
«...Ли
ред М
Мао
долго

Вс
долго
можно
зрени
дисте
вы пр

Но
утвер
Мао
сир бе
сизму
мотив
нализ
стрем
маркс
основ
дать

Ма
паган
пропа

* П
ма. — «

9*

реальный путь к счастью в будущем, путь, который ведет через ненужные, неоправданные страдания. Одним из таких демагогов был Мао Цзэ-дун.

Он спекулировал и на завораживающем человека понятии бессмертия. Пропаганда утверждала, что «идеи Мао Цзэ-дуна» бессмертны. А раз «бессмертны», значит — верные, великие, значит, нужно «слушаться председателя Мао». Так захлопывалась ловушка. И человек, захотевший обогатить, сделать более значительной свою жизнь участием в «бессмертном» деле, оказывался вынужденным подчиняться диктатору.

Рядовым китайцам Мао Цзэ-дун бессмертия и даже долголетия не обещал. Напротив, он внушал им, что «смерть человека — дело обычное». У самого же Мао Цзэ-дуна отношения с бессмертием и долголетием были более сложные. Свои «идеи» он хотел обессмертить в сознании людей. О себе же он как-то высказался: «...Лишь когда мы перегоним Америку, я предстану перед Марксом». А для этого, как понимает читатель, от Мао Цзэ-дуна потребовалось бы поистине библейское долголетие.

Все это кокетничанье Мао Цзэ-дуна с бессмертием и долголетием с точки зрения его личных устремлений можно было бы оценить как манию величия. А с точки зрения политической — как обыкновенные пропагандистские трюки, рассчитанные на то, чтобы вбить в головы простаков культ своей личности.

Но никто, кроме китайской пропаганды, не станет утверждать, что в культе личности Мао, как и в «идеях Мао Цзэ-дуна» в целом, содержится политический эликсир бессмертия. Маоизм — глубоко враждебная марксизму-ленинизму идеология, «ведущим и организующим мотивом» которой «является великодержавный национализм»*. Чувствуя свою идейную слабость, маоизм стремится подкрепить свои позиции, паразитируя на марксизме-ленинизме, искажая и вульгаризируя труды основоположников научного коммунизма, стараясь выдать маоизм за марксизм-ленинизм нашего времени.

Маоизм является теоретической базой пекинской пропаганды. И эта шаткая основа — самое уязвимое место пропаганды.

* П. Федосеев. Об идейно-политической сущности маоизма. — «Правда», 1971, 5 декабря.

Осуществляемое советскими и зарубежными учеными-марксистами теоретическое разоблачение маоизма крайне важно. Это разоблачение подрывает его идейные позиции, дискредитирует его в глазах различных социальных групп. Однако его пропаганда продолжает действовать, обнаруживает известную способность к лавированию, к трансформации оказавшихся несостоятельными позиций и лозунгов. Сила этой пропаганды не в ее идейной основе, а в организационной стороне, в знании своей аудитории, умелом использовании ее слабостей, в ловкой психологической обработке определенных слоев населения Китая, в том, что ей активно помогает разветвленный аппарат насилия.

Суммируем основные черты маоистской пропаганды, о которых мы говорили в разных главах этой книги.

Ее лживость. Ложь направлена на то, чтобы убедить людей в «научности» антинаучных «идей Мао». Эта ложь беззастенчиво спекулирует на низменных чувствах, неграмотности, неинформированности, пользуется предрассудками, реакционными традициями, стимулирует иррациональные процессы психики и т. д. Эта пропаганда унаследовала многие реакционные формы и методы пропаганды императорской и чанкайшистской, а ныне заимствует самые грязные и реакционные домыслы империалистической пропаганды.

Ее все более явное «сращивание» с политическим насилием. За ложью всегда стоят наготове репрессии и террор.

Ее стремление вовлечь в активный процесс огромные людские массы, вынудить людей непрестанно заниматься «самовнушением», «самоубеждением». Короче говоря, такая пропаганда «делается» во многом руками самого народа.

Ее крайне высокая интенсивность. На человека оказывается постоянное и очень сильное давление. Многих это лишает возможности задуматься над тем, что происходит с ними самими, вокруг них. Такие люди словно щепки плывут по течению.

Ее монопольное положение в стране.

Ее пристрастие к изощренным способам психологической обработки населения. Таких, например, как «беседы по душам», «красные пары», «митинги борьбы», сочинения «самоанализов», и других.

Ее приверженность к примитивизации, рассчитанной на политически неразвитые и культурно отсталые слои населения. Отсюда безапелляционность и категоричность высказываний маоцзэдуновской пропаганды. Она, как правило, пользуется лишь полярными понятиями: «да» — «нет», «черное» — «белое» и т. д. Живая жизнь, диалектическая сложность процессов выхолащиваются из этих догматических построений. «Все сводится в конечном счете к примитивнейшей схеме: «можно» — «нельзя».

Пекинские идеологи вкладывали в понятие пропаганды совсем не то содержание, которое вкладывают в него подлинные марксисты. Пекинские идеологи не ставили перед собой задачи просвещения и информации населения, всестороннего разъяснения ему сути событий. Эта пропаганда не средство двусторонней связи. Перед ней не ставится задача координации руководства сверху с сигналами критики и поддержкой снизу. Она односторонний инструмент передачи сигналов-приказов сверху вниз. Осуществление этих приказов гарантируется средствами насилия и террора. Эта пропаганда призвана оказывать тотальное воздействие на народ, обеспечивать его единую реакцию на события.

Было бы ошибкой недооценивать возможности этой пропаганды. Особенно ее психологического воздействия на самую уязвимую часть населения Китая — подрастающее поколение и молодежь. Она стремилась отравить сознание незрелой, малоопытной, впечатлительной и горячей молодежи ядом национализма, антисоветизма. Цель этого — распространить идеологию маоизма на будущие поколения, тем самым обеспечить ему «бессмертие».

Для этого молодежь превращали в слепых фанатиков, для этого страну пытались подчинить палочной дисциплине, превратив ее в казарму. А чтобы оправдать этот курс на всестороннюю милитаризацию общества, выдумывается и враг — Советский Союз. Китайская пропаганда постоянно клеветает на нашу страну. Все средства пускаются в ход, чтобы привить молодежи ненависть к нашей стране. По закрытым каналам пропаганды молодежь убеждают в том, что со временем Китай предъявит СССР «кровавый счет».

Пекинская индустрия «общественного мнения» работает с размахом. И все-таки ее надеждам на возмож-

ность тотального управления мыслями и поступками людей не суждено сбыться. И переоценивать возможности этой пропаганды тоже не следует. У нее есть ахиллесова пята. Все ухищрения пропаганды не могут заставить народ потерять накопленный прежде практический опыт, здравый смысл, полностью изолировать его от передовых идей нашего времени. Ядовитый туман пропаганды не может застлать людям глаза до такой степени, что они перестанут видеть пропасть между внушаемыми им иллюзиями и действительностью. Пропасть эта постоянно расширялась. А политика пекинских лидеров все больше и больше противоречила жизненно важным интересам китайского народа. И это углубляло кризис маоизма как идеологии и политической практики. Понятно, что средствами пропаганды этот кризис не преодолеть.

Факты говорят о том, что в Китае идет убыстряющийся процесс эрозии маоцзэдуновских экономических и социально-политических ценностей. Так, например, западногерманский профессор Ю. Домес исследовал разрушительные последствия «культурной революции». По его мнению, умонастроения молодежи в нынешнем Китае весьма похожи на те, что царили в 30-х годах, когда молодежь отшатнулась от гоминьдана, изменившего идеалам революции.

Китайской молодежи было над чем задуматься. Что могла противопоставить этим ее горьким размышлениям официальная пропаганда? Неуклюжие попытки отвлечь внимание от острых проблем действительности? Иллюзорный мир, сотканный из лжи, дезинформации? Фальшивый обобщающий образ-стереотип, согласно которому «в стране царит прекрасная обстановка»?

Но всего этого было мало, чтобы обмануть думающую часть китайской молодежи. Тем более что круг думающих юношей и девушек в Китае неуклонно расширялся. Этому способствовала и ссылка городской образованной молодежи в деревни, и недовольство городской и сельской молодежи условиями своего труда и жизни, и отсутствие у многих представителей молодежи личных перспектив, и отсутствие перспектив для страны в целом на путях политики пекинских лидеров.

Надежды пропаганды на оболванивание молодежи все чаще терпели провал.

Даже главный официальный «эликсир бессмертия» — сочетание лжи и насилия — все чаще не «срабатывал».

Ложь все меньше воздействовала на думающую молодежь, все дальше отталкивала ее от режима. А насилие, бесконечно навязываемая молодежи «философия борьбы», откровенные репрессии все больше обесценивали в глазах думающей молодежи официальные ценности. Все больше молодых начинало понимать, что власти осуществляют в Китае жестокий и бессмысленный эксперимент, что бесконечная «борьба» обескровливает страну, лишает ее будущего, что это — путь медленного самоуничтожения нации.

Молодежь в условиях идеологического давления и террора вынуждена соблюдать ритуал политического поведения. Но для тех, кто думает, он становится все более непереносимым. Он вынуждает людей жить двойной жизнью: на работе и дома. Это увеличивает умственное и моральное напряжение. «Центробежные» силы медленно, но верно действуют на человека. Он испытывает душевный голод и начинает искать новые ценности.

Думающая молодежь Китая видела, что пропаганда непрерывно эмоционально взвинчивает людей в «коллективе». И это нередко приводило к аномальным состояниям массового сознания: к вспышкам массовой истерии, приступам фанатизма, ненависти к иностранцам, жестокости. Но, вернувшись домой, многие люди чувствовали после искусственного взвинчивания глубокую депрессию. Их терзал страх за себя и своих близких, сознание своей беспомощности перед государственной машиной, чувство отчуждения.

Это раздвоение массового и индивидуального сознания — своего рода социальная шизофрения — еще одно свидетельство порочности способов, к которым прибегает пропаганда.

Общий кризис маоизма находил свое выражение, в частности, в кризисе пропаганды. Руководителям все труднее становилось навязывать народу идеологию и политику, которые в корне противоречили его интересам.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Советские люди глубоко переживают трагедию китайского народа, которому Мао и его окружение принесли за последние годы столько бед и страданий. Очередной акт этой затянувшейся трагедии разыгрался на китайской земле с февраля 1976 года. Все более широкие масштабы приобретала новая идейно-террористическая кампания, официально проходившая под девизом борьбы «против правоуклонистского поветрия», против лиц, «идущих по капиталистическому пути». Их обвиняли в том, что они не одобряют ряд важных аспектов официальной политики. И прежде всего маоцзэдуновскую «культурную революцию». Жертвой новой кампании стал заместитель премьера Государственного совета Дэн Сяопин: в начале апреля он был снят со всех партийных и государственных постов. Характер официальной «критики», интенсивность нового тура «промыывания мозгов» свидетельствовали о том, что кампания направлена не только против ряда партийных и государственных деятелей КНР, кадровых работников средних и низших рангов. Она призвана запугать и заставить замолчать большие массы людей, всех, кто недоволен маоцзэдуновскими порядками, тех, кто считал, что в Китае «сегодня стало хуже, чем было вчера».

А недовольных маоцзэдуновской политикой становилось в Китае все больше. Недовольство проявлялось в разных формах. Тут было и падение трудовой дисциплины, и ухудшение качества продукции, и невыполнение государственных планов, и уваливание крестьян от работы на коллективных землях, и саботаж, и забастовки.

Не раз за последние два-три года народное недовольство подавлялось с помощью армии, органов общественной безопасности, специальных формирований ополчения.

Но, погашенное в одном месте, пламя народного недовольства вспыхивало в другом. И вот произошло небывалое в истории КНР: наступил «день гнева» —

5 апреля 1976 года. Стотысячная демонстрация на площади Тяньаньмэнь в Пекине обнажила всю глубину противоречий между маоцзэдуновской диктатурой и народом Китая. Над площадью звучали лозунги: «Долой императора Цинь Ши-хуана!» (Это о Мао Цзэ-дуне.) «Нам не нужна новая вдовствующая императрица!» (Это о Цзян Цин.) А на памятнике героям революции появились дацзыбао со стихами. Их потом, чтобы показать, какая «страшная крамола» существует в стране, и оправдав террор, перепечатает «Жэньминь жибао». Точно поняв адрес критики, газета назовет эти стихи «завуалированными злобными нападками и клеветой на Мао Цзэ-дуна». И все-таки газета окажет медвежью услугу режиму. Слишком большая взрывная сила в этих строках.

Душа скорбит, но черти ликуют,
Плачу я, а дьяволы смеются...

«Черти» и «дьяволы» — это в адрес обитателей Чжуннаньхуа. И не так уж важно, кто автор этих строк: учащийся или рабочий, студент или кадровый работник. Представители всех этих слоев населения Пекина были в тот день на площади Тяньаньмэнь, у них был повод для серьезного недовольства.

Китай уже не тот,
Что был вчера.
И народ освобождается от дурмана.
Феодальная эпоха Цинь Ши-хуана давно миновала...

Цинь Ши-хуан... Один из кумиров Мао Цзэ-дуна. Маленький, колченогий, злобный, бессмысленно жестокий император-деспот остался на тысячелетия в памяти китайского народа кровавым чудовищем. И тем более чудовищно в нашем XX веке использовать бесчеловечные циньшихуановские методы подавления народа. Однако именно это делали Мао Цзэ-дун и его окружение. И надо отдать должное Мао Цзэ-дуну, «одинокому монаху, бредущему под дырявым зонтиком», как он сам себя поэтически именовал. «одинокому деспоту», как называют его многие в Китае, он сумел превзойти Цинь Ши-хуана в жестокости.

И как результат этой политики — растущее недовольство народа. Его не могла скрыть даже пропаганда. Она признавала, что в стране создавались подпольные

антимаоцзэдуновские организации, что недолготельные
входили в широкие контакты друг с другом, что в стране
распространялись антимаоцзэдуновские листовки, лозун-
ги, стихи.

Мы верим в марксизм-ленинизм,
Пусть те продажные писакки,
Что выхолащивают его душу,
Ко всем чертям идут!
Нам нужен подлинный марксизм-ленинизм,
Ради него готовы кровь пролить и головы сложить...

Не только в шахматах пешки могут поставить мат
королю. Напуганные размахом народных волнений,
эхом пекиньских событий, прокатившихся по всей стра-
не, власти прибегли к террору. Наиболее активные
участники демонстрации на площади Тяньаньмэнь
приговаривались к 30-летней каторге, к расстрелу.
«Жэньминь жибао» требовала крови: «Настоятельно
необходимо подавлять контрреволюционеров» (18 апре-
ля 1976 года). Ей вторили провинциальные радиостан-
ции: «Органы диктатуры должны подавлять контрре-
волюционеров» (Гуйчжоу, 14 мая 1976 года). «Органы
безопасности, полиция и ополчение дежно и ношно ведут
поиски врагов» (Сычуань, 9 мая 1976 года). «Контрре-
волюционеры будут уничтожены» (Аньхуэй, 26 апреля
1976 года). Число примеров ничего не стоит увеличить.
Они демонстрируют не только жестокость властей, их
страх перед народом. Они показывают, насколько широ-
ко распространилась в китайском обществе антимаоцзэ-
дуновская «ересь».

Апрельские волнения на площади Тяньаньмэнь сыг-
рали важную роль в политическом просвещении трудя-
щихся Китая. У многих в Китае спадала пелена с глаз.
Они переставали верить маоистской пропаганде.

Брожение в стране усиливалось, нарастали экономи-
ческие трудности. Все острее давали себя знать пагуб-
ные последствия волюнтаристской политики Мао Цзэ-
дуна. А сам Мао Цзэ-дун, одряхлевший и больной, по-
видимому, уже не мог оказывать такое влияние на ход
дел, как раньше. За его спиной противоборствующие
группировки в пекиньской правящей верхушке готовились
к решающим схваткам. Эти группировки обычно име-
нуют «умеренными» и «радикалами». Врагами их сдела-
ли не только жажда власти, беспринципная борьба за

нее. Их разделяли различные взгляды на некоторые принципы управления страной. Как считают многие специалисты по Китаю, «радикалы» во главе с Цзян Цин настаивали на том, чтобы «рассудку вопреки, наперекор стихиям» проводить в жизнь маоистскую ортодоксию. Группировавшиеся вокруг Чжоу Энь-лая «умеренные» старались приспособить маоизм к реальным условиям.

На многое «радикалы» и «умеренные» смотрели одинаково. Обе группировки придерживались гегемонистских, великодержавных установок. Обе выступали с резких антисоветских позиций. Обе не считались с интересами трудового народа. Обе прибегали к антидемократическим методам управления обществом. Националистические цели для обеих группировок были общими. Достичь этих целей каждая группировка хотела своим путем.

Воспользовавшись кончиной Чжоу Энь-лая в январе 1976 года, «радикалы» нанесли удар первыми. Дэн Сяопин был смещен со всех постов. На одну из высших ступеней власти, вероятно, в результате компромисса между группировками неожиданно поднялся Хуа Го-фэн, заместитель премьера и министр общественной безопасности. Он стал первым заместителем председателя ЦК КПК и премьером Государственного совета.

Это была передышка, перегруппировка сил, но не окончание борьбы. И пока печать поносила Дэн Сяопина, сваливала на него вину за все беды, которые переживала страна, «умеренные» спланивали своих сторонников в высших кругах армии, в государственном и партийном аппарате.

Смерть Мао Цзэ-дуна, последовавшая 9 сентября 1976 года, развязала руки обеим группировкам.

Последний раз они демонстрировали «единство» высшей власти в стране, стоя в почетном карауле у саркофага с телом Мао Цзэ-дуна. Фальшивое единство. Но, по их единодушному мнению, народу и не нужно было знать о подлинных взаимоотношениях между членами правящей элиты. Дело народа, как считали руководители страны, заключалось в том, чтобы как можно больше работать, как можно громче хвалить политику властей. Тех властей, которые сегодня у власти. А завтра тех властей, которые прорвались к власти. Теперь им почет и слава.

Но часто земная слава недолга. Особенно для поли-

тиков, потерявших власть. Цзян Цин и ее присные пытались свалить Хуа Го-фэна. Не удалось. 6 октября 1976 года Цзян Цин и ее ближайшие сторонники — заместитель председателя ЦК КПК Ван Хун-вэнь, член Постоянного комитета Политбюро ЦК Чжан Чунь-цяо и член Политбюро ЦК Яо Вэнь-юань — были арестованы.

В мгновение ока рассыпались в прах и власть, и другие авторитеты вчерашних ближайших сподвижников председателя Мао.

Китай захлестнула новая массовая политическая кампания — кампания «критики четырех». Пропаганда принялась за них всерьез. Она, как это слишком часто с ней бывает, теряла чувство меры.

Она привыкла: хвалить — так захлеб. Поносить — так безудержно. Желая во что бы то ни стало отделить Мао от «четверки», в Китае стали утверждать, что Цзян Цин и «в КПК никогда не состояла», и, представьте себе, «супругой председателя не была».

В конце апреля 1977 года китайские газеты — «Жэньминь жибао», «Гуанмин жибао» и «Цзефаецзюнь бао» — опубликовали статью, в которой содержались данные о следствии по делу «банды четырех». Из этой статьи, в частности, можно узнать, что «Чжан Чунь-цяо — гоминьдановский шпион, Цзян Цин — ренегатка, Яо Вэнь-юань — классово чуждый элемент, а Ван Хун-вэнь — буржуазный элемент новой формации».

Сейчас все беды, которые переживает Китай, списываются на «четверку». Экономика Китая, как признают сами китайские руководители, очутилась на «границе развала». Народному хозяйству остро не хватает специалистов. Очень многие в стране дезориентированы и запуганы. Все это дает понять китайская пресса.

Тяжелое наследие оставил Мао Цзэ-дун своим преемникам. Клянясь именем Мао, они на практике пытаются скорректировать некоторые его установки в области экономики, образования, культуры, науки и т. д. Насколько серьезны и глубоки будут эти перемены, покажет время.

А вот гегемонистский великодержавный внешнеполитический курс, его антисоветская направленность не терпели в нынешнем Китае изменений. Причем многочисленные факты говорят о том, что оголтелый антисо-

ветизм насаждается самыми высшими представителями правящей верхушки.

Изменились ли приемы и направленность пекинской пропаганды? Обратимся к фактам.

Хуа Го-фэна средства массовой информации именуют «мудрым вождем», «гениальным вождем», «надежным кормчим» партии и государства. «Гениальный вождь председатель Хуа, который высоко несет знамя председателя Мао, является отличным учеником председателя Мао и нашим примером» (радиостанция города Шэньян, 4 июня 1977 года).

«Во втором детском саду тыловой службы шэньянских войск воспитывают детей в духе любви к председателю Хуа с тем, чтобы они с малых лет любили председателя Хуа» (Пекинское радио, 2 июня 1977 года).

Хуа Го-фэна прославляют и в прозе, и в стихах.

Привет вам шлет Тянь-Шань,
Дорогой председатель Хуа!
Реки поют о вас песни,
К нам протягивают руки дремучие леса.
Вы — наша путеводная звезда,
Ведущая нас в грядущий бой...

(Самодеятельная песня. Радиостанция города Урумчи, 10 ноября 1976 года.)

Число подобных примеров легко увеличить. Но в главах этой книги мы уже говорили о том, как с помощью подобных приемов создается авторитет руководителя, в каких целях он используется.

В Китае по-прежнему используется такой метод, как массовые политические кампании. Вот уже много месяцев подряд не затихает кампания «критики четырех». В ходе ее, как было и прежде, на население страны оказывается очень высокое идеологическое давление. Радиостанция Внутренней Монголии 31 мая 1977 года рассказывала о том, как в одной из школ ведется «критика банды четырех». «После разгрома банды чегырех, — годы четырех». «После разгрома банды чегырех, — говорилось в передаче, — в этой школе было проведено 191 собрание критики, написано более 2430 критических статей, сочинено 655 революционных детских песен».

На страницах этой книги мы много говорили о том, как во вчерашнем Китае использовались литература и

искусство в целях сиюминутной политической пропаганды. Существенных изменений пока не произошло.

Китайской молодежи продолжает навязываться в качестве образца для подражания такой «нержавеющий винтик председателя Мао», как Лэй Фэн, о котором мы тоже упоминали в этой книге.

По-прежнему китайская пропаганда широко использует прием навешивания опасных политических ярлыков на всех, кто негоден властям.

Как и прежде, но только в больших масштабах, разжигается в Китае антисоветская истерия. Средства массовой информации и официальные лица всех уровней клеветают на политику КПСС, общественный и государственный строй СССР, на труд и жизнь советского народа.

Что же касается политики Советского Союза в отношении КНР, то она была четко сформулирована в ответах Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР товарища Л. И. Брежнева на вопросы главного редактора газеты «Асахи»: «Мы выступаем за нормализацию межгосударственных отношений с Китаем. Восстановление подлинного добрососедства между нашими странами имело бы важное значение не только для СССР и КНР, но и для улучшения международной обстановки в целом.

Если в советско-китайских отношениях до сих пор не видно изменений к лучшему, то это на ответственности другой стороны. Новое руководство Китая, к сожалению, идет по старой, я бы сказал, заезженной колее».

СОДЕРЖАНИЕ

Слово к читателю	3
Строки из Дэн То (Вместо предисловия) . . .	7
Глава I. МЕРТВЫЕ ХВАТАЮТ ЖИВЫХ	
Причастие Мао Цзэ-дуна	12
В угаре шовинизма	14
Баоцзя, баоцзя...	16
Лицом к прошлому	19
Глава II. СИЛКИ, ЛОВУШКИ, КАПКАНЫ...	
И вместе...	25
...И по отдельности	29
«Теоретики» — юные и дряхлые	31
«Социалистические» дворы	35
«Как все»	36
Глава III. УКРАДЕННАЯ ЮНОСТЬ	
С первых шагов	45
Фанатизм плюс жестокость	49
«Лишние» люди	54
Почему их ссылают?	58
Приметы прозрения	60
Глава IV. НОВОЯВЛЕННЫЙ «СЫН НЕБА»	
«...Равны нулю»	66
Источник бед	69
Мао и научная теория	73
Миф о всемогущем	75
При активном личном участии	76
Глава V. «ВЕЧНЫЙ ДВИГАТЕЛЬ»	
Их механизм и цели	81
Цена кампаний	83
«И-чжан-и-чи»	89
«Митинги борьбы»	91
Система «информации»	93
«Самоанализ»	94
С ног на голову	95
По стопам Чан Кай-ши	97
Антимир	102
Глава VI. ОБОЮДООСТРОЕ ОРУЖИЕ	
Дацзыбао обманывают и подстрекают . . .	111
Дацзыбао разоблачают и обвиняют . . .	114
Глава VII. СОЧИНЯЙ И ПОЙ...	
Творчество под конвоем	118
Профессионалы под подозрением	124
Критическая дубинка	126
Злоключения песни	127
А мысль жила!	129
Эликсир бессмертия	130
Закключение	136

Степанов М. Г.

С79 «Синао» — «промывание мозгов». М., «Молодая гвардия», 1977.

144 с.

На основе богатого фактического материала и исследований зарубежных социологов автор рассказывает об идейно-психологической обработке молодого поколения КНР в маоистском духе, анализирует происходившие в КНР события.

ЗКМ

С 70302—261
078(02)—77 039—76

ИБ № 1412

Михаил Георгиевич Степанов

«СИНАО» — «ПРОМЫВАНИЕ МОЗГОВ»

Редакторы: Л. Левко, В. Пигалев

Художник Н. Коробейников

Художественный редактор Ю. Семенов

Технический редактор Н. Строева

Корректоры: Г. Василёва, Т. Пескова

Сдано в набор 12.IV 1976 г. Подписано к печати 27/IX 1977 г.
А00736. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага № 2. Печ. л. 4,5 (усл. 7,56).
Уч.-изд. л. 7,6. Тираж 50 000 экз. Цена 25 коп. Т. П. 1976 г.,
№ 39. Заказ 585.

Типография ордена Трудового Красного Знамени изд-ва
ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Адрес издательства и типо-
графии: 103030, Москва, К-30, Сушчевская, 21.

М., «Моло

и исследова
т об идеис
НПР в маюис
события.

ЗКМ

7 г.
,56).
3 г.,

д-ва
ию-

25 коп.

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

1921

2022

Да помнит
Мне бы
одея Валь,
Валь Намеи
работы в
цесу раздвиги
воздуха.

忻礼良作
Синь Ли-лян

在从莫斯科到北京的列车中
В поезде «Москва — Пекин»

中国上海画片出版社

